

К 85

ЗАМОК
и DEC

ЗАКЛЯТИЕ ГНОМОВ

ТАМАРА КРЮКОВА

Тамара Крюкова

ЗАКЛЯТИЕ ГНОМОВ

Сказочная повесть

Художник А. Кукушкин

Москва
АРМАДА
1998

УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5
К 85

Злата, как Спящая Красавица, при рождении была наделена многими достоинствами: добрым сердцем, уживчивым характером, умом и обаянием. Но ее рассеянная крестная фея забыла одарить девушку красотой. А когда решила исправить упущение — в волшебный флакон вместе с розовой жемчужиной прелести попала черная жемчужина непомерной гордости. Конечно, Злата стала красавицей, но такой противной гордячкой, что никому ее красота не принесла радости. И прежде всего ей самой. «Ты избавишься от гордыни и обретешь счастье, только пройдя дорогой невероятных унижений, став пылью под ногами других», — гласило заклятие. Начав свое путешествие, Злата была готова ко всему. Она решила во что бы то ни стало добиться счастья.

Рисунок на переплете
А. Коротича

Для младшего и среднего школьного возраста

ISBN 5-7632-0640-1

© Крюкова Т. Ш., 1998
© Иллюстрации, Кукушкин А. И., 1998
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

Часть первая ГОРДЯЧКА

Глава первая БАЛ НА ГОРЕ ФАТУМ

Приближалось двадцать девятое февраля. Вы, конечно, знаете, что день этот бывает раз в четыре года. Впрочем, в остальном он похож на другие дни, зато ночь... Мало кому известно, что в ночь на двадцать девятое февраля сказка может стать явью, а небыль — былью.

Вот на небосводе зажглись фонарики звезд. Таинственные и далекие, они глядели на землю в немом ожидании, и только самые непоседливые озорно перемигивались: что-то сегодня будет? Осмелевшие тени повывезли из щелей и укрытий и почтительно затаились под косматыми елями, терпеливо ожидая чуда.

Вековые деревья гулко потрескивали от лютого мороза. Много повидали они на своем веку и знали, что надвигающаяся ночь — самое время для чародейства. Искристые снежинки, чей век недолог, трепетали от счастья, что на их долю выпало пережить колдовскую ночь. Казалось, даже воздух был напоен предчувствием волшебства. Приди же, хозяйка ночи, луна, открой свои тайны. Тихо скользили минуты. Близилась полночь. Вот из-за облака потянулись серебристые нити лучей. Они паутинками спустились на землю, и хрусталики инея тотчас вспыхнули холодным огнем. Мороз крепчал. Наконец показалась чаровница луна, и в тот же миг начались чудеса.

В голубоватом свете, словно морозный узор на стекле, вырисовывался хрустальный дворец. Невесомый и прозрачный, он стоял между небом и землей на призрачной горе. Лунный свет струился на волшебный замок, наполняя его искристым сиянием, и вдруг произошло невероятное. Размытые контуры колоннад обрели четкие очертания и налились мраморной белизной. Величественные купола засверкали бриллиантами и перламутром. В окнах зажегся свет, и из дворца полилась нежная музыка.

На горе Фатум ожидалось много гостей. Фея счастья и удачи, Фортуна, устраивала бал. Жаль, что нас с вами туда не пригласили. Что ж, давайте незаметно заглянем в окошко.

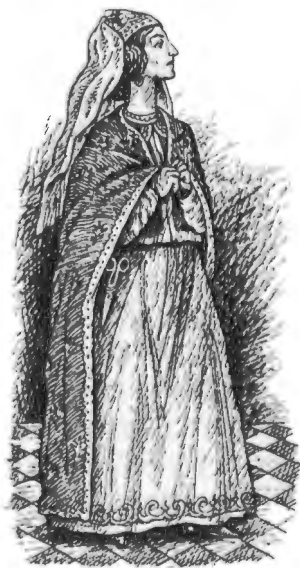
В огромной светлой зале было шумно и весело. Раз в четыре года сюда со всех концов земли слетались феи,

властительницы человеческих судеб. Кого здесь только не было: парки в ниспадающих складками римских тогах; мойры, облаченные в легкие греческие туники; светловолосые норны, посланницы северных стран, и обворожительные перы, примчавшиеся с Востока.

Посреди залы стояла хозяйка дворца Фортуна. Ее золотистые волосы были стянуты на затылке в тугой узел, а за плечами трепетали два легких крыла. Всюду порхали феи. Они весело пересмеивались и беззаботно переговаривались друг с другом, а крылатые херувимы подносили приглашенным сладкий нектар и всевозможные яства.

Между тем все ждали главного события вечера — рождения полуночного младенца. По неписаному закону, феи не показываются на глаза людям, но из каждого правила есть исключение. Того, кто рождается ровно в полночь на двадцать девятое февраля, феи считают своим подопечным и оказывают ему особое покровительство. К сожалению, это случается нечасто. Стоит ребенку появиться на свет минутой раньше или ровно на столько же опоздать со своим рождением, как он уже не может считаться полуночным. За последние сто лет в мире не родилось ни одного полуночного младенца, и это очень печалило волшебниц — ведь феи ужасно любят награждать малюток чудесными дарами! К тому же фея, на чьей земле появляется долгожданный малыш, становится его крестной, а это большая честь.

Гости все прибывали. На пороге появились две феи из славянских земель, где их величают суденицами. Одна

из них была молоденькой и казалась воплощением радости. На ее лице сияла лучезарная улыбка, а в глазах то и дело вспыхивали озорные искорки. Звали фею Доля. На поясе у волшебницы висело веретенце, которым она пряла нити человеческих судеб. Ее спутница была постарше. Имя ей было Злыдня, и на ремешке вокруг талии она носила остро наточенные ножницы, которыми резала нить судьбы, подводя под жизнью последнюю черту. Мрачное ремесло Злыдни оставило на ней свой отпечаток. Даже на веселом балу выражение ее лица было суровым и неприветливым.

— Только погляди, как тут весело и красиво! И какое изысканное общество! — прошептала Доля.

Злыдня исподлобья оглядела зал и, покачав головой, пробормотала:

— Пустое все это! Одна мишура!

Скривившись в презрительной усмешке, она продолжала:

Радость водится с печалью,
Слово дружится с молчаньем,
Красота сквозит уродством,
Дурь порой умом зовется...

Хорошенькая Доля со смехом прервала подругу:

— Ах, что у тебя за нрав! Вечно ты всем недовольна! Я уверена...— Она хотела еще что-то сказать, но в это время послышался звон колокола, золоченые двери торжественно распахнулись, и в залу вкатилось знаменитое Колесо Фортуны. В воцарившейся тишине оно медленно прокатилось по ослепительно белому мраморному полу и, остановившись посреди залы, начало вращаться так, что все присутствующие могли рассмотреть появляющиеся в нем картины. В Колесе замелькали моря и горы, леса и реки, страны и континенты, города и деревушки... Раздался бой часов. Наступала полночь. Феи с замира-

нием сердца ждали последнего удара курантов. И тут свершилось чудо.

В Колесе, словно в волшебном зеркале, появилась маленькая, скромно обставленная комната. На кровати лежала худая, изможденная женщина, а подле нее повитуха держала на руках только что родившегося младенца. Это была крошечная девочка с красным, сморщенным, как у старушонки, личиком. Новорожденная громко закричала.

— А вот и наша малютка! — воскликнула Фортуна.

О, как обрадовались феи! Они столпились возле волшебного Колеса, стараясь догадаться, где же родилась малышка. Доля скромно стояла в стороне. Она сразу узнала родные края и боялась поверить в свое счастье. Неужели ей суждено стать крестной девочки, когда здесь так много кудесниц, куда более именитых и знатных, чем она?

Хозяйка бала Фортуна подошла к Доле и, ласково взяв ее за руку, произнесла:

— А сейчас тебе предстоит приготовить для своей подопечной эликсир жизни.

По знаку Фортуны розовощекий купидон с белыми крылышками подал Доле хрустальный флакон, а хозяйка дворца продолжала:

— Каждое твое пожелание превратится в волшебное снадобье. И ты будешь давать его крестнице раз в год в течение шестнадцати лет.

Доля взяла флакон в руки и на одном дыхании произнесла:

— Я хочу подарить девочке здоровье, доброту, ум, честность, трудолюбие и веселый нрав.

Стоило ей это произнести, как флакон доверху наполнился тягучей жидкостью золотистого цвета. Доля очень огорчилась, что не успела пожелать девочке красоты, но Фортуна словно угадала ее мысли:

— На правах хозяйки я тоже хочу сделать новорожденной подарок. Люди говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой». Вопреки этой поговорке я, фея удачи, хочу подарить малышке не только счастье, но и необычайную красоту.— С этими словами Фортуна опустила во флакон маленькую розовую жемчужину.— Эта жемчужина растворится, когда девочка выпьет последний глоток волшебного эликсира. Гадкий утенок превратится в дивную золотоволосую красавицу.

— Благодарю вас, фея счастья! — обрадовалась Доля.

— Погодите! — раздался вдруг голос Злыдни.— Или вы позабыли, что и я родом из тех мест, а значит, тоже имею право стать крестной матерью новорожденной.— Суденица шелкнула ножницами, и на ее лице заиграла недобрая усмешка.

Феи в замешательстве переглянулись, а Фортуна с достоинством произнесла:

— Дорогая Злыдня, нам и в голову не пришло, что вы захотите прясть нить судьбы, ведь вы, кажется, никогда не отличались любовью к рукоделию. К тому же, как видите, флакон уже полон.

— Ничего, для моего подарочка место найдется,— зло хихикнула Злыдня и бросила во флакон черную жемчужину.

— Ах! Что это? — вскрикнула Доля.

Сердце ее сжалось от предчувствия беды.

— Это ложка дегтя в твою бочку меда. Всего лишь один порок на все добродетели, и зовется он гордыней,— сверкнув глазами, сказала Злыдня.— Эта жемчужина растворится вместе с жемчужиной красоты. Если девчонка выпьет последний глоток зелья и станет красавицей, ее обуяет непомерная гордыня — грех, тяжелее которого нет.

— Нет! Сестры-феи, помогите отвести беду! — воскликнула Доля, но Фортуна лишь грустно покачала головой:

— Увы! Это волшебный флакон. Ничего изменить нельзя.

Злыдня со злорадством поглядела на подругу:

— Коли пожелаешь, можешь девчонку от гордыни уберечь. Пускай всю жизнь страхолудиной остается, зато нравом будет кроткая и добрая, точно агнец,— жестокосердная суденица подошла к светящемуся Колесу Фортуны, где по-прежнему была видна уютная комнатенка.

Повитуха поднесла к матери новорожденную дочь. Изможденная женщина потянулась к малышке, но была еще слишком слаба, чтобы взять ее на руки. Нить ее жизни едва заметной паутинкой тянулась к веретенцу Доли. И тут случилось непоправимое. Злыдня схватила свои ножницы и в один миг перерезала тонкую нить. Женщина на постели глубоко вздохнула и безжизненно откинулась на подушку. Суденица развернулась и, громко хохоча, пошла прочь из залы. Во дворце повисла зловещая тишина, только издалека доносился хрипловатый голос Злыдни:

После молодости — старость.

После бодрости — усталость.

И печаль — всему венц.

Где начало — там конец!

Фортуна подошла к Доле и ласково обняла ее за плечи.

— Не печалься, может, правду говорят, не родись красивой... Девочка проживет счастливо и без красоты.

— Чувствую я недоброе. Положит черная жемчужина конец счастью малютки,— со слезами на глазах сказала Доля.

— Что такое конец? Это лишь начало чего-то нового, быть может, более увлекательного и прекрасного,— улыбнулась в ответ Фортуна.

Глава вторая

РАДОСТЬ ВОДИТСЯ С ПЕЧАЛЬЮ

Далеко от горы Фатум на окраине небольшого городка стояла бедная бакалейная лавка. Хозяин ее был человеком трудолюбивым, но очень добрым, а потому богатства так и не нажил. Бакалейщик и его жена жили дружно и появления первенца ждали как величайшего счастья. Однако недаром говорят: в високосный год жди беды. Вот и в их дом вместе с большой радостью пришла большая печаль. В ночь на двадцать девятое февраля у бакалейщика родилась дочь, но жена не вынесла родов и оставила его вдовцом. Да и девочка была такая слабенькая, что отец, не надеясь, что она выживет, решил ее поскорее окрестить.

Утром в день крестин в лавку постучалась бродяжка: ноги босые, вся в лохмотьях, рваный платок низко надвинут на лоб, так что лица не разглядеть. Дал ей бакалейщик несколько монет и сказал:

— Добрый тебе путь, странница, помолись за мою девочку, видно, недолго ей жить осталось.

— Не печалься, мил человек, на каждую хворь лекарство есть. Я могу твою дочку вылечить,— ласково сказала нищенка.— Только будет у меня одно условие: позволь мне стать крестной матерью твоей дочери.

Трудно было бакалейщику дать согласие, но чего не сделаешь ради спасения собственного ребенка?

— А как ты думаешь дочку назвать? — спросила странница.

— Марфой, как жену мою звали,— не задумываясь ответил бакалейщик.

— Нет, пусть зовут ее Златой и будет у нее золотое сердце,— сказала незнакомка, а про себя с грустью подумала: «Но не быть ей никогда красавицей и не иметь золотых волос».

Бакалейщик не стал перечить пришельце и, лишь тяжело вздохнув, сказал:

— Будь по-твоему. Злата так Злата, лишь бы выздоровела.

Странница велела отцу оставить ее наедине с девочкой. Стоило ему выйти из комнаты, как бродяжка достала из складок ветхой накидки дорогой хрустальный флакон с тягучей, словно мед, жидкостью, дала девочке глоток снадобья, и тут произошло чудо. Дыхание малютки стало ровнее, жар начал спадать.

В тот же день девочку окрестили и нарекли Златой. Соседи недоумевали, почему бакалейщик взял в крестные неизвестную нищенку, но, немного посудачив, вскоре об этом забыли. Отец малышки хотел отблагодарить бедную женщину, но та как сквозь землю провалилась. Зато с того дня любая хворь обходила девочку стороной.

Глава третья НИКОГДА!

День за днем прошел год. Однажды в самом начале марта запуржило, завьюжило так, словно зима не на покой собиралась, а только в силу вступала. Выглянул бакалейщик на улицу, а там снег лепит, ветер свишет, небо низко брюхом на город легло, словно раздавить его хочет: не поймешь, то ли день, то ли ночь на дворе. Город будто вымер. Все по домам попрятались. В такую пору покупателей не жди.

Бакалейщик запер лавку на засов, закрыл ставни и собрался было подняться наверх к себе в комнату, как вдруг по дому пробежал легкий ветерок. Пламя свечей заколыхалось и погасло. В единый миг запах пряностей и копченостей словно выветрился, а воздух наполнился ароматом цветов и луговых трав. Испугался бакалейщик. Осенил себя крестным знаменiem. Стал погасшую свечу зажигать, да руки дрожат, не слушаются. Хотел убежать, да ноги точно к полу приросли.

Тут лавка озарилась ярким светом, и посреди нее прямо перед прилавком появилась молоденькая незнакомка дивной красоты в легком шелковом наряде. На поясе у девушки висело золоченое веретенце, а в толстые косы были вплетены полевые цветы.

— Не ждал гостей? Неужели забыл, что сегодня праздник, годовщина крестин твоей дочери? Я пришла крестницу свою навестить,— весело прошебетала незнакомка.

— А как же бродяжка?! — только и мог в удивлении вымолвить бакалейщик.

— То была моя прихоть. Люблю почудачить,— засмеялась гостья.

— Кто ты, знатная барышня? Королева или принцесса?

— Я — фея, и зовут меня Доля. Так покажешь мне крестницу?

Стоило бакалейщику проводить суденицу к Злате, как его сморил такой сон, что он едва добрал до кровати, а проснувшись поутру, обо всем забыл.

Волшебница весь вечер нянчилась и играла с девочкой, на ночь спела ей колыбельную и уложила спать. На рассвете Доля дала малышке глоток снадобья и, поцеловав крестницу, исчезла так же таинственно, как и появилась. С тех пор так и повелось. Каждый год накануне годовщины крестин фея навещала Злату, давала ей глоток чудесного эликсира и на следующее утро улетала.

Злата росла на радость отцу и соседям. Люди не переставали удивляться уму, трудолюбию и доброте девочки. Ее сверстники еще учились читать по слогам, а она уже одолела грамоту и вела конторские книги в лавке. Со Златой торговля шла бойко. Отец смастерил приступку, чтобы маленькую продавщицу было видно из-за прилавка. Всякий, кто заходил в магазинчик, рад был перемолвиться с девочкой словечком. К ней шли и с радостями и с горестями.

— Злата, помоги расшить блузку. Ни у кого стежки не выходят такими ровными, как у тебя,— просила подружка Полина.

— Злата, не посидишь ли с моими сорванцами? Я к родне в гости собралась, а они только тебя и слушаются,— приглашала соседка.

— Злата, объясни задачку, у меня никак не получается,— приходил соседский мальчишка Ванюша.

Шли годы. День-деньской Злата крутилась как белка в колесе. Улыбка ни на минуту не сходила с лица девушки. Для каждого у нее находилось доброе слово, все у нее спорилось. Характер у Златы был золотой, но росла она на редкость некрасивой: худая, сутулая, нос в рыжих веснушках, волосенки жиденькие и тусклые, словно прелая солома. Люди любили девушку за доброе сердце и веселый нрав и старались не замечать изъянов внешности, а сама она никогда не задумывалась об этом. Но вот наступил день, который все переменял.

В сочельник на танцах собралось много молодежи. На праздник из соседнего городка пожаловали гости. Все веселились до поздней ночи. Лучшим танцором оказался заезжий парень по имени Степан. Кудрявый и статный, он приглянулся многим девушкам, но из всех выбрал подружку Златы, красавицу Полину. Злата, как всегда, одиноко стояла в сторонке, глядя на танцующие пары. Бросив взгляд на девушку, Степан насмешливо спросил у Полины:

— Что это за пугало стену подпирает?

— Вовсе не пугало,— вступилась за подругу Полина.— Это дочь бакалейщика Злата. Жалко, что ей никогда кавалера не находится.

— Сейчас найдем,— хитро подмигнув, засмеялся Степан.

Он о чем-то пошептался со своими дружками, и те наперебой стали приглашать Злату. Раскрасневшись, не помня себя от счастья, девушка кружила в танце.

В самый разгар праздника Степан остановил музыку и предложил выбрать королеву вечера. Все поддержали затею. Кто-то предложил в королевы Полину, но Степан неожиданно сказал:

— Давайте повеличаем королевой Злату.

Дружки его шумно выразили свое одобрение, да и местные парни и девушки были не против. Все любили Злату за доброту и кроткий нрав. Смущенная и счастливая, Злата вышла на середину горницы.

— Теперь дело за королем, да чтобы красотой и обхождением был под стать королеве. Есть ли такой? — крикнул Степан.

— Есть! Вот он, как раз пришел! — загоготали его дружки и вывели на середину комнаты бородатого козла. На рогах у него болталась шутовская бумажная корона. Козел испуганно тарашил глаза и мотал головой.

У Златы к горлу подкатил удушливый комок. Как была, в легкой кофточке она выскочила на улицу и, не

замечая мороза, бросилась к дому. В ту ночь она не смогла уснуть. В ушах ее звучал хохот Степана и его приятелей: «Козлиная королева! Козлиная королева!»

Никогда еще девушка не ждала крестную с таким нетерпением. Едва фея появилась на пороге, Злата бросилась к ней с мольбой:

— Милая крестная, вы же волшебница. Сотворите чудо, сделайте меня хоть чуточку красивее.

— Я боялась, что ты попросишь меня об этом,— грустно покачала головой суденица.— К сожалению, я не могу помочь тебе.

Доля без утайки рассказала Злате о том, что произошло в ночь ее рождения, и показала девушке хрустальный флакон. На самом донышке его плескалось немного золотистой жидкости, и в ней по-прежнему плавали две жемчужины: розовая и черная.

— Завтра утром, когда ты выпьешь последний глоток эликсира жизни, жемчужины растворятся, и волшебное снадобье превратится в яд. Стоит тебе пригубить его, и ты станешь божественно красивой, но глубоко несчастной. Вместе с красотой в тебя войдет непомерная гордыня — грех, который способен разрушить все твои добродетели. Вот почему я не могу исполнить твоей просьбы. Не стоит менять счастье на красоту,— сказала фея.

— Ах, милая крестная, разве можно быть несчастнее, чем я? — заплакала бедная девушка.

— Я вижу, что ты огорчена, но, поверь мне, это пройдет. Время — лучший лекарь. Обещай мне не прикасаться к волшебному флакону,— строго сказала крестная.

— Обещаю,— нехотя отозвалась Злата.

Наступила ночь. В домах один за другим погасли огни. Дольше всех светились окна в маленькой квартирке над бакалейной лавкой. Жителям городка было невдомек, что сегодня там принимают необычную гостью. Наконец и эти окошки погасли. Город погрузился во тьму. Злата лежала в постели, но сон не шел к ней. Она думала о заветном флаконе и о розовой жемчужине. Повинуясь неодолимому влечению, девушка встала с кровати и вышла в коридор.

Глава четвертая СНАДОБЬЕ

Ночь была тихой. Луна, словно фонарь, висела над городом, освещая безлюдные улицы. Круглые купола церкви и шпиль колокольни четко вырисовывались на темном бархате неба. В лунном свете все выглядело таинственным и волшебным. Казалось, даже серые булыжники мостовой превратились в серебряные слитки. Самые любопытные лучи заглядывали в окна домов, где мирно спали жители маленького городка.

Злата на цыпочках прошла к комнате, отведенной для дорогой гостьи, и осторожно приоткрыла дверь. «Я только взгляну на розовую жемчужину и тотчас уйду», — сказала она себе.

Суденица мирно спала. Заветный флакон, отсвечивая изломами хрусталя, стоял на туалетном столике возле кровати. Злата тихонько подошла к нему, погладила хрустальные грани пальцем и, взяв сосуд в ладони, поднесла его к окну. В лунных лучах розовая жемчужина светилась изнутри таинственным, неземным светом. Злата не заметила, как открыла крышку и сделала глоток. Опомившись, девушка испугалась своей дерзости, но тотчас успокоила себя. Крестная все равно дала бы ей снадобье, значит, никакой беды не случилось.

Прежде чем поставить флакон на место, девушка еще раз посмотрела на него. Жемчужины исчезли, а вместо них на дне пузырька плескалась, словно расплавленное серебро, тягучая жидкость. Что-то словно подтолкнуло Злату: «Вот она — красота! Упустишь — так и будешь всю жизнь «козлиной королевой»! Девушка снова поднесла флакон к губам и сделала последний глоток.

На этот раз снадобье оказалось горьким, как полынь. У Златы перехватило дыхание и помутилось в голове. Флакон выпал из ее ослабевших пальцев и, ударившись об пол, разлетелся вдребезги. Злате почудилось, что она умирает. Земля закачалась под ней, и она упала без чувств. Очнувшись, Злата увидела склонившуюся над ней крестную.

— Бедное дитя! Что ты натворила! — воскликнула фея.

Заплакав, девушка стала просить у Доли прощения, но в ответ суденица грустно вздохнула.

— Я тебя простила, но моего прощения мало. Яд гордыни уже вошел в тебя. Он станет отравлять твою жизнь, и ты никогда не будешь прежней.

— Крестная, пожалуйста, помогите мне избавиться от злых чар,— обливаясь слезами, просила Злата.

— Мое волшебство тут бессильно. Только ты сама можешь помочь себе. Для этого нужно пройти тяжкое испытание, но редко кому это удастся,— покачала головой фея.

— Что за испытание? Подскажите мне, милая крестная. Я на все согласна,— взмолилась Злата.

— Ты ступишь на путь исцеления только тогда, когда искренне пожалеешь о том, что ты — гордячка. Путь этот долг и труден, ибо от яда гордыни можно избавиться, лишь познав, что значит **БЫТЬ ХУЖЕ ВСЕХ И НИЖЕ ВСЕХ, БЫТЬ ПЫЛЬЮ ПОД НОГАМИ ДРУГИХ**. Не познав этого, тебе не избавиться от злого колдовства.

— Я обязательно от него избавлюсь! Я уже обо всем жалею,— с жаром воскликнула девушка.

— Глупое дитя, ты так ничего и не поняла,— печально произнесла Доля.— Я хотела сделать тебя счастливой, но ты выбрала для себя иную судьбу. Что ж, чему быть, того не миновать. Прощай!

Фея хлопнула в ладоши и исчезла. На том месте, где она только что стояла, взметнулся сноп искр и погас без следа.

Глава пятая СТРАННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Опечаленная, Злата вернулась к себе в комнату. Она думала, что всю ночь не сомкнет глаз, но стоило ей прилечь на прохладные простыни и головой коснуться подушки, как дрема накатила на нее, и она заснула крепким безмятежным сном.

Обычно Злата просыпалась на рассвете, но в то утро солнце поднялось высоко в небо, опрокинув на землю потоки ласкового света, городок давно ожил, а девушка все спала. Близился полдень, старик бакалейщик несколько раз на цыпочках подходил к спальне дочери, не решаясь разбудить ее. Тревога снежным комом нарастала в его душе. Уж не заболела ли его ненаглядная?

Наконец веки Златы затрепетали. Девушка открыла глаза и увидела подле кровати отца.

— Проснулась, красавица моя.— Отец вздохнул с облегчением.

«Красавица»! Слово будто обожгло Злату. Все события прошедшей ночи с поразительной ясностью вспыхнули перед ней. Теперь Злата не чувствовала угрызений совести и не жалела о том, что ослушалась крестную, нарушив свое обещание. Девушка поспешно вскочила с кровати и бросилась к зеркалу, но ее ждало глубокое разочарование: с серебристого овала на нее смотрела все та же неказистая простушка с веснушками на носу и жидкими волосенками.

«И зачем только я просила крестную избавить меня от яда гордыни? Видно, Доля выполнила мою просьбу. Лучше бы она мне оставила красоту, а уж с гордыней я и без нее бы справилась», — с досадой подумала Злата и, обернувшись к отцу, резко отчитала оторопевшего старика:

— Ну что ты тут топчешься? Поди еще и лавку не открыл?

Бакалейщик, ссутулившись, побрел из комнаты. Злате стало жалко старика. Она хотела было броситься к отцу и обнять его, но передумала. Горечь и разочарование девушки были так велики, что она решила больше никогда не смотреться в зеркало и отнесла его в чулан.

День шел за днем. Постепенно соседи стали замечать в своей любимице перемены.

— Злата, помоги мне сшить новую юбку,— попросила подружка.

— Сама учись. Уже на выданье, а руки — крюки,— грубо отрезала Злата.

— Злата, подсоби счета подвести. Что-то не сходится,— попросил как-то сосед.

— А голова для чего, тупица? — услышал он в ответ.

— Злата, зашла бы с моими внучатами посидеть. У меня от них голова кругом идет. Озорничают — просто беда,— позвала соседка.

— Воспитывать надо было, а не по гостям шататься,— отказалась Злата.

Прошло еще немного времени. Плечи Златы распрямились, веснушки исчезли, волосы стали густыми и золотистыми.

Однажды Злата зашла в кладовку и, случайно увидев себя в зеркале, застыла в изумлении. Она удивительно похорошела. Девушка вернула зеркало в свою комнату и по несколько раз на день с замиранием сердца смотрелась в него, каждый раз находя, что стала еще краше.

Парней тянуло к бакалейной лавке, словно ос на варенье. Целыми днями возле прилавка толпились посетители: кто за коробком спичек зайдет, кто за понюшкой табаку, но девушка таких покупателей не больно жаловала.

— Купят на грош, а разговоров на алтын. Одни только хлопоты,— презрительно кривилась она.

Злата продолжала расцветать, как нежная роза под лучами летнего солнца. Все в этой девушке казалось совершенным, но настоящим чудом были ее волосы. Когда по вечерам она расплетала тугие косы, волосы струились по ее плечам, словно волна чистого золота. Люди по-разному толковали неземную красоту девушки, но все сходились во мнении, что без колдовства тут не

обошлось: слишком уж изменился нрав Златы. Поговаривали, что в обмен на красоту она отдала свою ангельскую душу. Никто больше не называл ее прежним именем, а дали ей прозвище — Гордячка. Впрочем, она не обращала на это внимания, с презрением глядя на окружающих, точно все они были лишь пылью под ее ногами.

Глава шестая ПИРКОМ ДА ЗА СВАДЕБКУ

Чаще других в лавку заходил сосед Иван. Они со Златой дружили с детства. Отец Ивана был отменным портным, и сын перенял его мастерство. Жили они зажиточно, и бакалейщик думал, что о лучшей паре для дочери и мечтать нечего. Однажды утром, когда весь трудовой люд был на работе, Иван зашел в лавку.

— Чего это ты с утра притащился? Может, сегодня Святое воскресенье или у тебя дел нету? — увидев его, спросила Злата.

— Не гляди на меня сурово. Не за покупками я пришел,— сказал парень.— Нет мне без тебя жизни на свете. Позволь к тебе сватов заслать.

— Сватов? — Девушка смерила парня ледяным взглядом и залилась смехом: — Ой, насмешил. Стану я шило на мыло менять: бакалейный прилавок — на иголку с наперстком. У тебя глаза есть или ты совсем ослеп? Неужели ты думаешь, что с моей-то красотой я за первого встречного пойду?

— Какой же я первый встречный? — опешил Иван.— Мы росли с тобой вместе, и батя твой не против.

— Вот с батей под венец и иди, а я пока замуж не собираюсь,— отрезала красавица.

Посрамленный, Иван выскочил из лавки. Скоро он женился на приветливой девушке, купил дом на другом конце города и съехал туда с молодой женой.

Огорчился бакалейщик, но дочери выговаривать не стал. Ей с мужем жить, ей и выбирать. Стали Злату другие парни сватать, но каждый получил отказ и обидные насмешки. Поговорили меж собой незадачливые женихи и сошлись во мнении: девушка, бесспорно, красавица, каких нет, да ведь красота — только для глаз, а с гордячкой жить — горе мыкать.

Подружки Златы одна за другой выходили замуж. Однажды прошел слух, что приехал Степан и просватал Полину. На свадьбу созвали всю округу. Услыхав про Степана, Злата вспомнила далекую вечеринку, и захотелось ей взглянуть на обидчика.

Свадебный поезд вернулся из церкви, гости уселись за праздничные столы, и пиршество началось. Веселье было в самом разгаре, когда дверь отворилась и в дом вошла Злата. Распушенные волосы, перехваченные лазоревой лентой, окутывали девушку золотым ореолом, и она была похожа на волшебное видение. Степан смотрел на нее как замороженный. Откуда ему было признать в этом небесном создании «козлиную королеву»? Злата улыбнулась — и жених забыл про все на свете. Сказочная красавица точно околдовала его. Степан подошел к гостям и взглянул ей в глаза:

— Пойдешь ли со мной танцевать?

— Отчего же не пойти? Пойду,— удивив всех, согласилась Гордячка.

Музыканты так растерялись, что не знали, какой танец играть, и лишь молча переглядывались друг с другом.

— Одумайся, ведь мы венчаны! — подскочила к Степану Полина, но тот грубо оттолкнул от себя невесту:

— Уйди, не люблю тебя. Лишь ее люблю.

— Мою любовь заслужить надо,— усмехнулась красавица.

— Приказывай! — воскликнул Степан.

Злата озорно прищурилась.

— Пойди в хлев, выведи козла да проскачи на нем вдоль улицы.

По горнице прокатился ропот.

— Не смейся надо мной, красавица! — взревел Степан.

— Я и не думаю смеяться. Это мое условие, а не выполнишь — не видать тебе меня как своих ушей, — капризно топнула ногой Гордячка.

— Что ж, будь по-твоему.

Притихшие и озадаченные, гости высыпали во двор. Степан выпустил из хлева бородатого козла и нерешительно подошел к нему.

— Давай, смелее! Неужто ты козла испугался? — засмеялась Злата.

Степан обошел козла, присматриваясь, с какой стороны к нему лучше подступиться. Козел, почуяв недоброе, косил на него сердитым глазом. Наконец парень изловчился и прыгнул козлу на спину. В первый миг тот оторопел от неожиданности: кому понравится, чтобы его объезжали, как лошадь? Придя в себя, бородатый решил, что дешево не дастся. Он рванулся в сторону и, сбросив незадачливого наездника, показал ему, что рога козлам даны не для красоты.

К этому времени вокруг собралась большая толпа. Мальчишки свистели и улюлюкали, девушки визжали, парни покатывались со смеху, а старики крестились и качали головами. Горе-жених вскочил с земли и посмот-

рел на Злату. Она ободряюще кивнула ему, и парень вдругорядь бросился к козлу. На этот раз схватка длилась дольше. Козел вертелся волчком, отчаянно блея и тряс головой. Наконец Степан кое-как навалился на него, обхватив поперек живота и уткнувшись лицом в хвост. Тут козел не на шутку рассвирепел. Сбросив «всадника», он пустил в ход и рога и копыта.

— Эх ты! Простого козла оседлать не можешь, куда тебе свататься к «козлиной королеве»! Глянь на себя! Тебе в базарный день грош цена, и то дорого,— презрительно усмехнулась Злата и пошла прочь.

А Степан уехал из города подальше от позора, оставив Полину не замужней и не девицей.

Земляки стали сторониться Гордячки. Зато в лавку повалило много пришлого народа. Каждый день перед дверью магазинчика стояла то повозка, то экипаж, а то и карета. Молодые люди, наслышанные о небывалой красоте девушки, потянулись отовсюду. Каждый хотел взглянуть, правда ли Гордячка так хороша, как говорят, а взглянув, юноши тотчас влюблялись в нее, предлагая руку и сердце. Одни пытались прельстить гордую красавицу молодецкой силой, другие — богатством, третьи — знатным родом. Каждый надеялся, что будет удачливее других, но сердце Гордячки было холодным как лед. Осмеянные женихи уезжали ни с чем, но девушка была так дивно хороша, что желающим снискать ее благосклонность не было конца.

Глава седьмая

«БУДЬТЕ МОЕЙ КОРОЛЕВОЙ!»

В это время в королевском дворце принц не находил себе места от скуки. Надо сказать, он был очень хорош собой, но повеса, каких свет не видывал. Дворцовая жизнь и богатство вконец испортили его. Целыми дня-

ми он гулял и кутил, пока все развлечения ему не приелись.

Как-то раз княжич, ближайший друг принца, вдруг предложил:

— А почему бы нам не поехать прогуляться? Я слышал, в городишке, верст сорок отсюда, есть бакалейная лавка и дочка хозяина довольно миленькая особа. Говорят, она чудо как хороша, но неприступна, словно айсберг. К ней сватался даже кое-кто из придворных, но она всем отказала.

Принц с сомнением посмотрел на друга:

— Что? Какая-то бакалейщица отказала придворным? Интересно на нее взглянуть. Давай переоденемся и ряженными отправимся в этот городок. Мне не отказывала еще ни одна девушка. Посмотрим, устоит ли бакалейщица. Надо наказать эту маленькую негодницу.

Молодые повесы нарядились бродячими музыкантами и отправились в путь. Пустив коней галопом, они быстро добрались до места. На пороге бакалейной лавки шутники постарались придать своим лицам серьезное выражение и вошли в магазин. Колокольчик над входом звякнул, возвещая о приходе посетителей.

Лавка была небольшой и темной. В полумраке на полках тускло отсвечивали банки с джемами, возле стены стояли мешки с крупой и кадки с оливками и солеными огурцами. В воздухе стоял пряный аромат корицы, перца и копченостей. Словом, это была самая обыкновенная бакалейная лавка. Однако принцу, привыкшему к роскоши столичных магазинов, она показалась нищенской и убогой. Он был уверен, что они приехали сюда напрасно: вряд ли в такой дыре встретишь красавицу, достойную внимания.

Тут дверь в кладовку открылась, и в лавку вошел хозяин. Повесы, ожидавшие увидеть хорошенькую девушку, не смогли скрыть своего разочарования.

— Что вам угодно, судари? — учтиво спросил бакалейщик.

— Мы слышали, тут есть красавица хозяйка, — дерзко начал принц.

— Это моя дочь, — кивнул бакалейщик.

Глядя на старика, принц подумал, что княжич разыграл его. Разве может у облезлого ворона родиться прекрасная лебедь?

Между тем бакалейщик тяжело вздохнул и добавил:

— Много молодых людей заезжает сюда. Только мой вам совет: пойте свои серенады другим девушкам, может, это сделает их счастливыми. Сердце Златы словно окочено льдом, и вряд ли его отогреют ваши песни.

«Если уж мы здесь, стоит хотя бы взглянуть на эту хваленую бакалейщицу, которая наверняка не представляет из себя ничего особенного», — подумал принц. К тому же он был не прочь сыграть ответную шутку с княжичем. Весело подмигнув бакалейщику, мнимый музыкант сказал:

— Наши песни кого хочешь отогреют. Мой друг сгорит от любви к вашей дочери. Мы сегодня же поведем их под венец.

При этих словах княжича бросило в жар. Он вовсе не собирался жениться на какой-то лавочнице. Бакалейщик грустно покачал головой и пошел за дочерью. Стоило молодым людям остаться наедине, как принц от души расхохотался, глядя на обескураженное лицо приятеля.

— Чего ты испугался? Если она так хороша, как говорят, женишься на красотке. Ну а если нет, впредь не будешь шутить надо мной.

— Вы хотели меня видеть? — произнес девичий голос.

Молодые люди обернулись и застыли, словно пораженные громом. Никогда еще им не приходилось видеть подобной красоты. Перед ними стояла не девушка, а волшебная фея. Ее голубые глаза, обрамленные длин-

ными темными ресницами, были точно бездонные колодцы живой воды, а волосы струились по плечам подобно червонному золоту. Чем больше принц любовался девушкой, тем больше его околдовывала ее неземная красота.

Внезапно княжич опустился перед девушкой на одно колено и произнес:

— Я готов стать вашим супругом, сударыня.

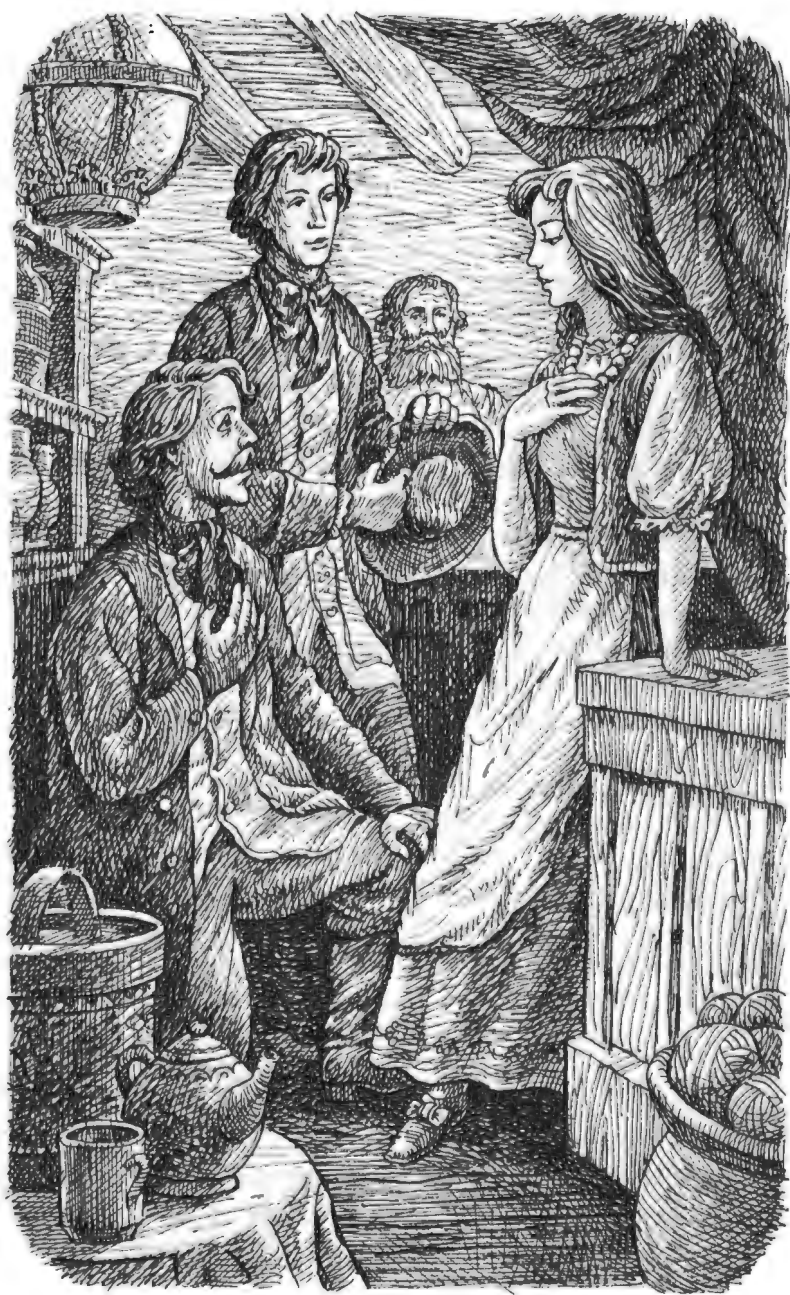
На принца словно вылили ушат холодной воды. Он забыл, что приехал сюда лишь для того, чтобы посмеяться над бедной бакалейщицей. Сейчас он думал только о том, что эту девушку не отдаст никому. Красавица смерила княжича взглядом и сделала шутливый реверанс:

— Может быть, вы, сударь, и готовы, да только я не готова стать супругой такого напыщенного индюка.

Княжич никак не ожидал отказа. Он покраснел до корней волос и поспешно поднялся с колен. Глядя на его растерянность, принц не мог удержаться от смеха. Девушка тоже засмеялась. Они стояли и хохотали до слез. Когда наконец их бурная веселость прошла, принц и дочь бакалейщика забыли про княжича. Молодые люди смотрели друга на друга, и им казалось, что они одни на всем белом свете. Сердце девушки защемило, но она не знала, что эта боль называется любовью. Мнимый музыкант коснулся руки Златы:

— Прекрасная незнакомка, нет песен, которые могли бы поведать миру о твоём совершенстве. Я готов положить к твоим ногам целое королевство, если ты согласишься стать моей женой.

Злата с радостью отдала бы сердце бродячему музыканту, не требуя ничего взамен. «Я согласна», — хотела воскликнуть она, но гордость сковала ее язык. Она отказала стольким вельможам и богачам, разве могла она тотчас же дать согласие простому бродячему музыканту?

— Пустые слова! Ты, бродяга, даешь обещания, которые под стать наследному принцу,— усмехнулась она.

— Может быть, я всего-навсего бродячий певец, но любовь к тебе поможет мне сделать невозможное. Стань моей женой, и я сделаю тебя королевой.

— Что ж, когда будешь королем, тогда и приходи свататься, а пока что мне с тобой говорить не о чем,— отрезала Злата.

— Неужели ты отдашь свое сердце, только если я положу к твоим ногам корону? — спросил юноша.

— Кто сказал, что я отдам тебе сердце? Я отдам тебе руку. Почему бы и нет? Ты не хуже других. Правда, и не лучше.

Кровь бросилась принцу в голову. Никто не осмеливался с ним так разговаривать. Он в сердцах выскочил из лавки и бросился прочь, решив навсегда вычеркнуть гордую красавицу из своей памяти. Дверь за прекрасным юношей захлопнулась. При мысли о том, что она никогда больше его не увидит, у Златы сжалось сердце. Она бросилась за порог, чтобы вернуть молодого музыканта, но улица была пуста.

— Зачем только я прогнала его! Это все моя гордость, будь она неладна! — воскликнула Злата.

Впервые за долгие месяцы слезы покатались по ее щекам, и она познала, как губителен яд гордыни.

Глава восьмая ДАЛЬШЕ — МЕНЬШЕ

Застав дочку в слезах, бакалейщик бросился к ней:

— Что с тобой, дитя мое? Уж не обидел ли кто тебя?

— Я сама виновата. Он ушел, и я больше никогда не увижу его,— обливаясь слезами, проговорила девушка.

Бакалейщик вспомнил красивого музыканта и все понял. Он обнял дочку и ласково сказал:

— Не горюй, если он любит тебя, то обязательно вернется.

— Ты думаешь? — с надеждой спросила Злата.

— Ну конечно,— заверил ее отец.

Старик готов был петь и плясать от радости, что наконец-то сердце его дочери оттаяло и она вновь стала прежней ласковой и доброй Златой. Однако радость бакалейщика была преждевременной. То, что вершилось месяцами, нельзя исправить в единый миг.

Злата вытерла слезы и сказала:

— Ты прав. Никуда он не денется. Где еще он найдет такую красавицу? Прибежит как миленький.

Старик отец понял, что Злата все та же Гордечка и ни чуточки не изменилась, но он ошибался. В сердце гордой красавицы поселилась любовь. Днем девушка мечтала о прекрасном музыканте, а по ночам плакала, напрасно ожидая его возвращения.

Однажды, примеряя перед зеркалом свои наряды, Злата заметила, что вещи стали ей велики и болтаются, словно на вешалке.

«Видно, я похудела от переживаний»,— решила красавица.

Она подшила юбки и перекроила платья, но не прошло и недели, как все снова оказалось ей велико. Злата не знала, что и думать. Как-то раз она принялась расставлять банки с вареньем в кладовке и вдруг обнаружила, что не может дотянуться до полки.

— Что за наваждение! Не могла же я стать ниже ростом! — похолодев от страшной догадки, воскликнула Злата.

Тем не менее так оно и было. Злата уменьшалась день ото дня. Там, где замешано волшебство, порой случается невероятное. Каждое утро девушка с трепетом подходила к дверному косяку, где в ее детстве отец ставил зарубки,

чтобы отметить, на сколько выросла его дочурка. Теперь Злата с ужасом замечала, что становится все ниже.

Бакалейщику пришлось достать приступку, на которой Злата стояла за прилавком еще маленькой девочкой,— ведь бедняжка теперь была на целую голову ниже своих сверстников.

Как-то раз Гордячка шла по улице, по обыкновению не замечая никого вокруг.

— Глядите, а красотка-то наша к земле растет! — вдруг услышала она за спиной насмешливый возглас.

Злата оглянулась. Люди показывали на нее пальцами и зубоскалили.

— Недомерок! Лилипутка! — на все лады дразнили ее сорванцы.

Сгорая от стыда, гордая красавица бросилась к дому, но до бакалейной лавки было далеко. Мальчишки с гиканьем и улюлюканьем побежали за ней. Прохожие смеялись ей вслед. Ни у кого не нашлось для Гордячки ни сострадания, ни жалости.

С тех пор Злата перестала бывать на улице. Только по ночам, когда все спали, девушка выходила за порог, любовалась звездами, смотрела на спящую улицу, знакомую ей с детства, и грустно вздыхала. Скоро даже приступка перестала скрывать недостаток Златы. Теперь девушка была не больше восьмилетнего ребенка. Она устала перешивать платья, которые постоянно оказывались ей велики. Вещи висели на ней, словно сшитые на вырост, но красота Гордячки по-прежнему была совершенной.

Однажды девушка достала из гардероба синюю суконную юбку с бархатным пояском и кружевную блузку, те самые, которые были на ней в злополучный день, когда она повстречала красавца музыканта. С тех пор Злата не надевала их ни разу.

Воспоминания нахлынули на девушку. Ей захотелось вновь примерить этот наряд. Она начала поспешно пе-

реодеваться, путаясь в складках широченной юбки. И тут произошло чудо: стоило Злате облачиться в давно забытые одежды, как вещи уменьшились и стали ей точно впору.

«Может быть, чары рассеялись, и я такая же, как раньше?» — обрадовалась девушка и побежала к зеркалу, но увы! Она по-прежнему оставалась маленькой, и только ее наряд словно по волшебству уменьшился вместе с ней.

Глава девятая ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Только сегодня! Единственное представление! Лучшие в мире артисты! Спешите! Спешите! Спешите!

По улицам города ехала красочно расписанная кибитка. Тошная кобыла, тянувшая повозку, была покрыта пестрой попоной, а в ее жиденькой гриве развевались яркие ленты. На козлах, широко улыбаясь, сидел мужчина свирепого вида. Несмотря на радушную улыбку, он походил на разбойника с большой дороги. Позади него стояли тщедушный паренек, одетый в пестрый костюм скомороха, и ярко накрашенная девица. Скоморох, смешно раздувая щеки, дудел в выдавший виды, но до блеска начищенный горн, который издавал истошные пронзительные звуки, ни в коем случае не претендующие на то, чтобы называться музыкой, а девица била в огромный барабан. Время от времени они переставали терзать инструменты и созывали всех на вечернее представление. В размеренную жизнь маленького городка ворвался дух странствий и приключений, ожидание праздника и волшебства, которые может принести только бродячий цирк-шапито.

Злата сидела в своей комнатке над бакалейной лавкой, когда ее внимание привлек шум, доносившийся с улицы.

Она выглянула в окно и увидела расписную кибитку, сопровождаемую ватагой ребятни.

«Ах, как бы мне хотелось попасть на представление!» — подумала девушка, но, увы, это было невозможно. Стоило ей появиться на улице, как городские озорники тут же осмеивали ее. С некоторых пор даже в лавке красавица неохотно выходила к людям, и за прилавком все чаще стоял ее отец.

Скоро кибитка скрылась за поворотом, и ощущение праздника ушло вместе с ней. Злата тяжело вздохнула. Ей надоело быть узницей в собственном доме. Она вдруг представила себе, как было бы хорошо вырваться на волю, бродить по дорогам, спать под звездным небом и встречать рассветы, как ее возлюбленный музыкант.

«Как жаль, что это невозможно», — с тоской подумала девушка. Она еще не знала, что судьба уже все решила за нее.

Известив зрителей о своем прибытии, актеры расположились на пустыре близ города и отправились на поиски съестного. Неудивительно, что один из них набрел на окраинную бакалейную лавку.

— Эй, папаша, не найдется ли у тебя чего-нибудь, чтобы благородные артисты могли набить свои желудки? — загремел в лавке сочный бас.

Привлеченная незнакомым голосом, Злата спустилась по лестнице и прильнула к плохо притворенной двери, ведущей в бакалейную лавку. Возле прилавка стоял высокий, крепко сложенный мужчина с залихватскими усищами. В последнее время незнакомцы редко появлялись в магазинчике. Девушка наблюдала, как Усатый выбирает товар и бесцеремонно пробует соленые огурцы и маслины.

— Взвесь-ка мне, милейший, колбасы и сыру, — сказал посетитель.

Бакалейщик направился в кладовую, и тут Усатый увидел притаившуюся за дверью девушку. На лице ар-

тиста отразилось недоумение, но в следующую секунду он расплылся в слащавой улыбке.

— Сударыня, я глазам своим не верю. Папаша, что же вы прячете от людей этукую жемчужину! — воскликнул он. В глазах Усатого блеснул алчный огонек. «Что за чудо-карлица! Пожалуй, если прибрать ее к рукам, на ней можно неплохо заработать», — подумал циркач.

Злате уже давно не делали комплиментов, поэтому, несмотря на то что этот человек пугал ее, ей захотелось с ним поговорить.

— Я — хозяин цирка, приехавшего к вам на гастроли. Надеюсь, вы придете на наше представление? — продолжал незнакомец.

— Она никуда не пойдет, — сказал бакалейщик, загромождавшая собой дочь.

— Как жаль, — притворно вздохнул Усатый. — Впрочем, я понимаю вашего отца. Такую красоту надо хранить особо. — Он церемонно поклонился девушке.

— Ах, папенька, оставьте. Пойдите отдохните. Я могу взвесить колбасу и сыр сама, — раздраженно сказала Злата.

Не хватало еще, чтобы незнакомец подумал, что ее держат взаперти. Усатый внушал бакалейщику страх, но старик не стал перечить дочери и удалился.

— Так вы принимаете мое приглашение? — настойчиво спросил Усатый.

— Боюсь, что нет. Стоит мне появиться на улице, как мальчишки смеются надо мной, — неожиданно для себя призналась Злата.

— Не может быть! Вы так прекрасны, что над вами невозможно смеяться! — с притворным изумлением воскликнул циркач.

— Тем не менее это так,— вздохнула девушка.

Лесь сделала свое дело, и она была готова довериться этому человеку.

— Послушайте, а почему бы вам не уехать из этого городишки, где все так жестоки к вам? — лукаво прищурившись, предложил Усатый.— Поезжайте с нами, и я сделаю из вас великую актрису.

— Но я ведь никогда не выступала,— робко возразила Злата.

— Это не имеет значения. Ваша красота говорит сама за себя. Разве вам место в этой дыре? Лучшие сцены больших городов будут у ваших ног. Вам будут рукоплескать во всем мире! — с воодушевлением врал циркач.

— Я не могу оставить отца,— все еще колебалась Злата.

— Я не вправе заставлять вас, но подумайте, что лучше: прозябать в городишке, где над вами смеются, или блистать в столице, где вами будут восхищаться? — спросил Усатый и, не дожидаясь ответа, добавил: — Наша повозка стоит в поле, за городом. Мы будем ждать вас до рассвета, сударыня. Уверен, если вы благоразумны, вы придете к нам.

Глава десятая ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

На землю спустилась ночь, и городок погрузился в сон, а Злата все еще не могла решить, как ей поступить. Она никогда не путешествовала и не бывала в чужих краях. Всю жизнь девушка прожила в маленькой уютной квартирке над бакалейной лавкой и только теперь поняла, как дорога ей здесь каждая мелочь. Раньше Злата и не подумала бы искать лучшей доли на чужбине, но теперь, когда друзья стали врагами, а дом — тюрьмой, неизведанное манило девушку обещанием призрачного

счастья. Она вспомнила красавца музыканта. Он ведь тоже бродит по разным дорогам. Что, если они встретятся? Сердце девушки радостно забилося, но она тут же отогнала от себя эту мысль. Нет, она никогда не осмелится показаться на глаза прекрасному барду такой, какой стала теперь.

Было далеко за полночь, когда Злата наконец приняла решение. Она на всякий случай взяла иголку с нитками, на минутку зашла к спящему отцу и, поцеловав его на прощанье, выбежала на улицу. Бедняжка и не подозревала, какие испытания ей предстоят.

Злата спешила по знакомым улицам прочь из города. В черноте раскинувшегося поля она увидела огонек — это циркачи жгли костер. Девушка замедлила шаг. Ей было боязно начинать новую жизнь, но теперь, когда она наконец оказалась на свободе, жажда странствий и приключений охватила ее, и она уверенно зашагала вперед.

Возле костра сидели четверо. Они и составляли всю труппу цирка-шапито. Тщедушный парень, представлявший скомороха, палкой ворошил угли, доставая печеную картошку. Рядом с ним сидела крашенная девица по имени Розита. Она была единственной дамой в мужском обществе. Подле Розиты сладко посапывал толстяк, но главным здесь, бесспорно, был Усатый, с которым Злате довелось встретиться в лавке. Он лежал, вальяжно развалившись возле костра, выставив подошвы сапог к огню. Увидев Злату, Усатый тотчас вскочил на ноги и, потирая ладони, воскликнул:

— А вот и наша примадонна! Похлопаем, господа артисты!

В отблесках огня его лицо и длиннющие усы казались зловещими. Сердце Златы сжалось в тревожном предчувствии. Циркачи с интересом посмотрели в ее сторону. Даже Толстяк проснулся и, громко зевнув, тупо уставился

на девушку. Розите Злата не понравилась с первого взгляда.

— Говорят, ты бакалейщица? — спросила она, придиричиво оглядев новую артистку с головы до пят.

— Да,— кивнула Злата, стараясь не выказать своей робости. Впервые она была ночью не дома, а в чистом поле с незнакомыми людьми.

— В таком случае могла бы принести чего-нибудь пожевать. Явилась с пустыми руками,— недовольно процедила девица.

— Розита, как тебе не стыдно! Какой прием ты оказываешь нашей гостье? — укоризненно покачал головой Усатый и, склонившись в шутовском поклоне, обратился к Злате: — Сударыня, располагайтесь. На рассвете мы отправимся в путь.

Тщедушный подвинулся, освобождая для девушки место возле костра. Артисты спали прямо на земле, укутавшись в замусоленные одеяла. Злата не привыкла к такому ночлегу. Она лежала и слушала, как во сне посапывает Тщедушный, причмокивает Толстяк и, перекрывая все звуки, храпит Усатый. Всю ночь девушка не сомкнула глаз.

Рано утром, едва занялась заря, артисты проснулись. Розита согрела в котелке чаю и раздала всем по куску хлеба с сыром. Дойдя до Златы, она недовольно проворчала:

— Еще один рот! Ничего не заработала, а есть уже подавай!

— Спасибо, я не голодна,— высокомерно ответила Злата и отвернулась.

— Ишь ты, какая гордячка! Не хочешь — не надо,— усмехнулась циркачка.

Перекусив, артисты уселись в кибитку и покатили по дороге в новые города. Злата сидела на козлах рядом с Тщедушным. На вольном воздухе она быстро проголодалась.

«И почему я не догадалась ничего прихватить с собой? Ну ничего, я сумею заработать себе на хлеб. Я буду выступать лучше этой крашеной куклы», — думала она.

Тщедушный, оглянувшись на фургон и убедившись, что на него никто не смотрит, тайком протянул девушке кусок черствого хлеба.

— Эй, Гордячка, ешь. Только чтобы Розита не видела. Ты зря ей перечишь, с ней лучше не связываться,— шепотом посоветовал он.

Злата с благодарностью приняла хлеб. Мало-помалу они разговорились.

— Ты — скоморох? — спросила девушка.

— Да, но это не самое главное. Вот мой коронный номер! — Тщедушный с гордостью выставил перед ней ладонь.— Я — человек с шестью пальцами!

Стараясь не выказать брезгливости, Злата отвернулась.

— А я никогда не выступала. Не знаю, получится ли у меня,— немного помолчав, сказала она.

— Конечно, получится! Еще бы! Знаешь, что бы там ни говорили, а уродство — не такая плохая штука. Им всегда можно прокормиться, ведь везде найдутся чудачки, готовые выложить звонкую монету, чтобы поглазеть на нас с тобой,— подмигнул Тщедушный.

— Уродство?! — в ужасе повторила Злата.

Неужели он считает ее уродом?

— Да ты не обижайся. Ты, конечно, хорошенькая, но быть хорошенькой лилипуткой — это совсем не то, что быть нормальным человеком.

В словах парня была горькая правда, и Злата не нашлась, что ответить. Дальше они ехали молча.

Глава одиннадцатая ВПЕРВЫЕ НА АРЕНЕ!

Несколько дней цирк колесил по дорогам, давая представления в маленьких городишках. Порой артисты едва могли наскрести себе на пропитание. Розита беспрестанно жаловалась, что Гордячку приходится кормить задарма, но Усатый не спешил выпускать девушку на арену.

— Всему свое время,— посмеиваясь, говорил он.

«Он — человек добрый, хотя вид у него свирепый», — думала про Усатого Злата. Она и не подозревала, что тот просто выжидает, пока они отъедут подальше, чтобы она не могла вернуться домой. Однако новую «звезду» пришлось показать раньше, чем предполагал Усатый.

В тот день все шло наперекосяк. Началось с того, что какая-то дворняга стянула у циркачей кусок вареной говядины, и благородным артистам пришлось довольствоваться сухим хлебом с кипятком. Во время представления несчастья посыпались одно за другим. Жонглируя, скоморох не успел поймать один из мячиков, и тот, отлетев в сторону, попал прямо в лоб зрителю в первом ряду. Пострадавший стал возмущенно кричать, что ему набили шишку, и требовать возмещения ущерба. К счастью, скоморох быстро нашелся.

— Эй, приятель, ты говоришь, у тебя на лбу вскочила шишка? — обратился он к оскорбленному зрителю.

— Точно так, — подтвердил тот.

— А ты уверен, что раньше шишки не было?

— Конечно!

— Значит, ты получил что-то новенькое и еще должен за это приплатить.

Публике шутка понравилась: каждый готов посмеяться над шишкой на лбу, если лоб чужой. Под насмешки зала рассерженный пострадавший покинул свое место, и представление продолжалось, но на этом злоключения не кончились.

Когда Усатый показывал фокусы, у цилиндра отвалилось двойное дно, и все, что факир должен был оттуда доставать, высыпалось на землю. Публика почувствовала себя одураченной, Усатому пришлось быстро ретироваться. Чтобы загладить конфуз, на подмостках появился «человек-гора». Его представлял Толстяк. Надо сказать, что перед выступлением он надевал надувную резиновую жилетку, отчего и впрямь становился внушительных размеров. В этот раз его выход на арену был столь поспеш-

ным, что он не успел хорошенько заткнуть пробку на жилете.

Зрители встретили появление «человека-горы» удивленными возгласами. Толстяк важно прошелся перед почтенной публикой. Подойдя к «пудовой» гире, которая на самом деле была пустой внутри, он наклонился, чтобы ее поднять, но в этот самый момент пробка на жилете выскочила, воздух со свистом вырвался наружу, и «человек-гора» стал худеть на глазах. Благородные артисты поняли, что очередное мошенничество им с рук не сойдет. Надо было спасать положение. И тут Усатый вспомнил о новенькой.

— Послушай, крошка, тебе придется спеть,— сказал он и, схватив Злату за руку, потащил на арену.

— Но я никогда раньше не пела перед публикой,— упиралась девушка.

— Ты ведь не хочешь, чтобы твоих верных друзей угостили тумакami? — настаивал Усатый.

— Я всегда говорила, что она не способна заработать ни гроша,— встряла Розита.

Ее слова подстегнули Злату. В конце концов она докажет, что может зарабатывать ничуть не хуже других. Девушка гордо вскинула голову и сказала:

— Хорошо, я буду петь!

Публика неистовствовала. От оглушительного свиста и топота ног подмостки, казалось, вот-вот рухнут. Когда на арену полетели тухлые яйца, перед занавесом появился Усатый и объявил:

— Почтеннейшая публика! Прошу внимания! Сейчас вы увидите настоящую жемчужину! Ваше терпение будет вознаграждено. Перед вами выступает самая удивительная, самая прекрасная карлица на свете.

Слово «карлица» больно задело Злату. Она была готова провалиться сквозь землю, но отступить было поздно. Скоморох и Толстяк смотрели на нее так, словно она

была их последняя надежда, а Розита презрительно ухмылялась.

— Сыты по горло вашими выступлениями! — не уни-малась публика.

— Небось ваша карлица красива, как рябая Меланья, если на нее вымазать пуда два румян!

Усатый отдернул занавес. У зрителей вырвался вздох восхищения. Перед ними действительно стояло самое очаровательное создание, которое можно себе предста-вить. Волосы, подобно золотой волне, струились по пле-чам девушки. Она была хрупкой и нежной, как редкий диковинный цветок. Даже самые горластые крикуны сму-щенно примолкли. Наступила тишина. Злата вышла на середину арены и запела. От волнения голос ее срывался, отчего пение получалось таким жалобным, что к концу номера публика готова была рыдать вместе с артисткой. Едва Злата закончила петь и ушла за кулисы, как Усатый сунул ей в руки шапку.

— Пойди по кругу, кажется, эти остолопы готовы рас-кошелиться,— шепнул он.

Злата подумала, что она ослышалась. Неужели этот циркач думает, что она унижится до того, чтобы ходить с шапкой, словно нищенка?

— Ни за что! — с вызовом сказала она.

— А ты, как я погляжу, и впрямь гордячка,— разоз-лился циркач и, прежде чем Злата успела опомниться, снова выпихнул ее на арену. В шапку посыпались мо-неты.

В тот вечер артисты наелись досыта, и у них даже осталось кое-что про запас, но Злату не радовали ее первые заработанные на сцене деньги. Она почти не притронулась к еде.

«Кто бы мог подумать, что я паду так низко?» — со стыдом думала она.

Усатый, разомлевший от сытости и дешевого вина, довольно потирал руки:

— Что я говорил? Эта девчонка принесет нам денежки! Она сумеет выжать из публики слезу и звонкую монету!

Услышав его слова, Злата опешила. Так вот какое будущее «великой актрисы» ей уготовано!

— Я не буду обходить публику с шапкой,— твердо сказала девушка.

— Запомни, крошка, тут командую я! — расхохотался Усатый.

— Мною никто не будет командовать! Как только расцветет, я уйду!

— Не выйдет, куколка! Никуда тебе от меня не деться,— пробасил Усатый и добавил: — Запомни, ты не получишь еды до тех пор, пока не станешь послушной.

Злата оказалась в плену. Днем за ней зорко следили, а на ночь накрепко связывали ноги веревкой. Вот уже несколько дней у нее во рту не было ни крошки, но даже скоморох, который относился к ней лучше, чем остальные, не пожалел бедняжку.

«К чему потакать ее капризам? — думал он.— Пускай выступает, как другие, тогда и получит свою порцию обеда».

От голода Злата едва держалась на ногах, но когда циркачи усаживались за трапезу, она лишь гордо вскидывала голову и отворачивалась. Ее упрямство приводило Усатого в бешенство. Он решил во что бы то ни стало сломить характер непокорной Гордячки.

Глава двенадцатая БЕГСТВО

Стояло чудесное летнее утро. Солнце поднялось высоко в небо, но в воздухе еще чувствовалась утренняя свежесть. Кляча, отдохнувшая за ночь, бодро трусила по дороге. Скоро кибитка подкатила к развилке. На врытом в землю столбе висело два указателя.

— Ну и занесло же нас! — воскликнул Усатый, натягивая поводья.

Выбор перед кочевниками стоял поистине нелегкий. На правой стрелке было написано: «МЕРТВАЯ ТОПЬ», а на левой — «ГОРЫ СВЕРНИ ШЕЮ».

— Веселенькое местечко, нечего сказать, куда ни кинь, все клин, — покачал головой скоморох.

Некоторое время циркачи раздумывали, не стоит ли повернуть назад, но обратный путь заработка не сулил. Однако и в Мертвой топи золотого дождя ждать не приходилось. Горная гряда, несмотря на свое грозное название, на фоне лазурного неба выглядела величественно-спокойной.

— Я думаю, лучше пойти через горы, — предложил скоморох. — Я слышал, за ними лежат богатые села и города. Вот где нам, бедным циркачам, можно славно поживиться.

— Ну уж нет! Я в эти горы ни ногой! — запротестовала Розита. — Поговаривают, там живет великан-людоед по прозвищу Сверни Шею. По ночам он выходит на добычу, и горе тому, кто попадет к нему в руки.

Услыхав про великана, Толстяк мелко задрожал и поддержал Розиту. Уж кто-кто, а он — лакомый кусочек для людоеда. Все ожидали, что скажет Усатый. Тот представил себе богатые ярмарки и полные пригоршни монет. Он оценивающе посмотрел на видневшиеся вдаль горы и сказал:

— Если мы отправимся тотчас, к вечеру будем по ту сторону гряды.

Кибитка свернула налево. Дорога, ведущая к перевалу, оказалась довольно пологой, но тощая кобыла с трудом тащила кибитку с поклажей, то и дело спотыкаясь и останавливаясь. Повозка продвигалась гораздо медленнее, чем того хотелось бы циркачам.

Перевалило за полдень — артисты забеспокоились. Усатый изо всех сил погонял выбившуюся из сил лошадь.

Кому хочется оказаться ночью в горах, где хозяйничает людоед? Миновав перевал, циркачи вздохнули с облегчением. На спуск повозка пошла веселей.

— Ну и горы Сверни Шею! Да это же просто прогулка, одно удовольствие! — расхохотался Усатый, и тут, словно в насмешку, раздался треск. Кибитка резко завалилась на бок, и оторвавшееся колесо покатилося вниз по дороге. Скоморох чудом успел догнать его, пока оно не свалилось в пропасть.

Циркачи осмотрели покосившуюся кибитку. Оказалось, что сломалась ось — быстро с такой поломкой не управиться.

Надо было отправляться на поиски ночлега. Удача сопутствовала Усатому: именно он обнаружил подходящее убежище.

Высоко в скале зияла пещера, к которой вела единственная тропка, настолько узкая, что по ней едва мог пройти человек. Если бы великану вздумалось карабкаться туда, он неминуемо сорвался бы в пропасть. О лучшем ночлеге нельзя было и мечтать.

Артисты перетаскали свой нехитрый скарб в пещеру. До самых сумерек мужчины возились с починкой сломанной оси, а потом, усталые и голодные, отправились в убежище, где их ждали Розита и Злата. Золотоволосая красавица твердо решила убежать. Девушка поняла, что настал самый подходящий момент. Вряд ли циркачи станут искать ее ночью в горах. Для побега надо было набраться сил, поэтому, когда Розита разливала по плошкам сваренную на костре похлебку, Злата смиренно подошла к Усатому.

— Я буду выступать. Пожалуйста, дайте мне поесть,— попросила она.

Циркач самодовольно расхохотался:

— То-то же! Я знаю, как усмирять непокорных. Теперь ты будешь у меня как шелковая! Розита, покорми карлицу,— приказал он акробатке.

Усатый был слишком упоен своей победой, чтобы заметить лукавый огонек в глазах миниатюрной красавицы. В эту ночь Злату связывать не стали. Вскоре после ужина, устав после тяжелого дня, все крепко заснули.

Злата тихонько встала с груды тряпья, служившей ей постелью, и вышла из пещеры. Прильнув к скале, девушка осторожно ступала по тропке, нащупывая каждый уступ. В лунном свете ее фигурка на фоне голых утесов выглядела хрупкой и беззащитной. Желание оказаться как можно дальше от свирепого мучителя гнало девушку вперед и придавало ей смелости. Беглянка не помнила, как дошла до конца тропинки и без оглядки бросилась

по горному склону в лес. Она бежала, не чуя под собой ног. Казалось, сами каменистые уступы помогали ей. Она ни разу не оступилась и не упала в темноте. Наконец, поняв, что она в безопасности, Злата остановилась передохнуть. Силы оставили ее, и она опустилась на землю.

Глава тринадцатая СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

На одном из многочисленных порогов извилистой горной реки стояла старая водяная мельница. Тут жил одинокий старик мельник, такой же древний, как и его мукомольня. Был он незлобивым, но годы отшельничества сделали его нелюдимым и неразговорчивым. Да и некогда ему было прохлаждаться за пустыми беседами.

Вода, бурля и пенясь, неустанно вращала мельничное колесо, приводя в движение тяжелые жернова. Мельница работала круглые сутки. Хотя и далековато было людям добираться до горной мельницы, работа у старика не переводилась, потому что знал он особый наговор: пироги и хлеба, испеченные из муки, смолотой у него на мельнице, никогда не черствели. Пекари предпочитали отмахать несколько лишних верст, чтобы получить его волшебной мучицы.

Днем старик работал не покладая рук, а ночью подколдовывал, так что зерно само собой сыпалось на жернова, готовая мука пересыпалась в мешки, и те сами собой завязывались.

Днем путь на мельницу был безопасен, хотя о здешних местах ходило немало рассказней. Поговаривали, что в горах живет великан Сверни Шею со своей великаншей, а некоторые удалцы даже похвалялись, что видели пастбище, где пасется их стадо. Иной раз люди дивились, как мельник не боится такого соседства, но все считали, что старик заговорное слово знает.

Однако тут обходилось без колдовства. У великанов был с мельником давний уговор. Раз в месяц, в новолуние, Сверни Шею приходил на мельницу и забирал два полных мешка: один с мукой, другой с отрубями, а пустые мешки оставлял на пороге. Правда, мешки у великана были с секретом: сколько из них ни черпай, а ровно месяц ни мука, ни отруби в них не переводились, но точнехонько в новолуние мешки враз пустели, и великан отправлялся на мельницу.

В ту самую ночь, когда Злата убежала от циркачей, великанша задумала испечь лепешки. Сунулась она в мешок, а в нем муки ни горсти.

— Эй ты, бездельник! — сердито окликнула она мужа. — Когда твое брюхо будет таким же пустым, как и твоя голова, ты перестанешь забывать, что надо идти на мельницу.

— Будь неладна эта мельница! Я ведь только недавно принес тебе полный мешок муки. К тому же я целый день пас коз, — недовольно проворчал Сверни Шею.

— И не стыдно тебе, старый лежебока? Целый день, пока козы пасутся на лугу, ты валяешься на подстилке, да еще и ночью, когда все приличные великаны выходят на добычу, от тебя никакого проку. Сейчас же бери мешки и отправляйся на мельницу, иначе спать ляжешь несолоно хлебавши.

Как ни грозен был людоед, а знал, что с женой шутки плохи. Чего доброго, и правда оставит на голодном пайке. Он нехотя поднялся с нагретой лежанки и, взяв мешки, зашагал к мельнице.

Глава четырнадцатая НОВЫЙ ПЛЕН

Очнувшись, Злата не сразу поняла, где находится. Вместо одеяла под ней расстился бархатистый мох. Над головой висел синий лоскут неба, усыпанный зо-

лотыми монетками звезд. Только что народившийся месяц тоненьким серпиком выглядывал из-за раскидистой ветки склонившейся над девушкой ольхи. Откуда-то снизу доносился шум водопада. Не было слышно ни страшного храпа Усатого, ни противного причмокивания Толстяка.

Злату охватила радость. Ей удалось-таки вырваться от ненавистного циркача! Она на свободе! Золотоволосая красавица вскочила на ноги и, смеясь, закружилась в танце. Ее смех был подобен звону колокольчика. В золотые волосы вплетались серебряные паутинки лунных лучей, отчего казалось, что от девушки исходит сияние. Если бы кто увидел ее в этот миг, наверняка подумал бы, что это волшебная фея. Но, увы, скоро «фее» пришлось спуститься с небес на землю и вспомнить, что она всего лишь бедная девушка, оказавшаяся ночью одна на лесистом склоне.

Кругом толпились деревья, за каждым стволом прятались зловещие тени. Казалось, лохматые кусты вот-вот оживут и превратятся в диких зверей. Злате стало страшно. Чтобы набраться храбрости, она запрокинула голову и, посмотрев на верхушки деревьев, вслух произнесла:

— Милые деревья, вы ведь не причините мне зла? Я никогда не делала вам ничего плохого, и мне нечего вас бояться. Мы будем друзьями.

Девушка провела ладошкой по теплому шершавому стволу лиственницы. В нем чувствовалось дыхание жизни, и Злате показалось, что она не одна, что каждый кустик и каждое деревце — ее союзники, готовые прийти на помощь и укрыть ее от преследователей. Девушка успокоилась.

— Ах, люди, верно, подумали бы, что я сошла с ума, но мне кажется, что деревья и впрямь слышат и понимают меня,— рассмеялась Злата.

В это время густые кроны тронул ветерок. Деревья закачались и зашелестели. Злата готова была поклясться,

что лесные исполины отвечают ей. Она прислушалась, пытаясь разобрать слова в шепоте листвы.

Вдруг в шуме водопада и шелесте леса Злате почудился едва уловимый звук, похожий на скрежет. Что бы это могло быть? Девушка, осторожно ступая, начала спускаться по склону горы туда, откуда доносился скрип. Откос в этом месте был пологий, но деревья точно взбесились. Ветви, словно руки, хватали Злату за платье, корни норовили поставить подножку, тонкие прутья цеплялись за волосы. Лес будто ожил, вставая на пути непреодолимой преградой, но Злата не привыкла отступать. Она упрямо продолжала путь.

Вскоре ее настойчивость была вознаграждена. Она вышла к горной реке. На берегу темнел силуэт водяной мельницы. Вода падала на колесо, и оно медленно вращалось, переливая прозрачные струи с лопасти на лопасть. Мелкие брызги бриллиантовой россыпью сверкали в лунном свете. В ночной тишине ясно слышался скрежет жерновов и шум пересыпающегося зерна. Сердце Златы радостно забилося.

«Для великана мельница слишком мала. Значит, здесь живут люди,— подумала она.— Однако почему они работают ночью в крошечной тьме?»

Злата сделала шаг к мельнице, но чуть было не упала. Юбка зацепилась за старый корявый сук. Девушка дернула за подол. По кронам деревьев пронесся шелест. На мгновение Злате показалось, что деревья хотят ее о чем-то предупредить, но она тут же отогнала от себя эту нелепую мысль. Мало ли что может помешаться ночью в лесу. Золотоволосая красавица направилась к мельнице.

В доме было тихо и темно. На пороге стояли два огромных, туго набитых мешка. Злата поднялась на крыльцо и задумалась, вежливо ли будить хозяев посреди ночи или лучше подождать до утра. В этот миг она

услышала шаги. Кто-то тяжелой поступью шел к мельнице.

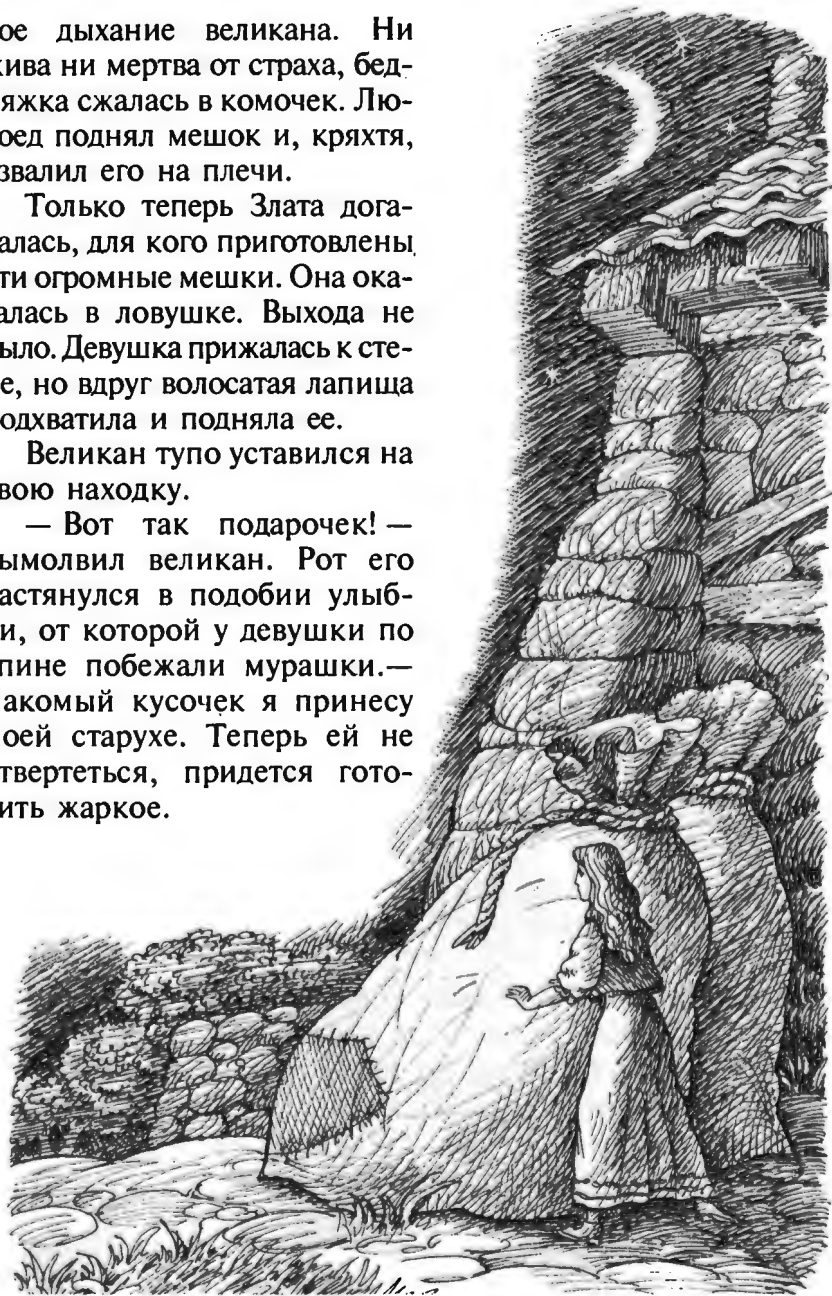
Девушка в страхе оглянулась. Из лесу вышел безобразный великан с волосатыми ручищами и отвислым животом. Уверенной походкой чудище приближалось к дому. Злата хотела бежать, но ноги подкосились. Она решила спрятаться в надежде, что великан не заметит ее. Девушка юркнула за громадные мешки и притаилась. К ее ужасу, великан направился напрямик к крыльцу. Все ближе и ближе раздавались его шаги. Земля задрожала, стены старой мельницы жалобно застонали, крыльцо заходило ходуном. Прямо над собой Злата услышала хрип-

лое дыхание великана. Ни жива ни мертва от страха, бедняжка сжалась в комочек. Людоед поднял мешок и, крихтя, взвалил его на плечи.

Только теперь Злата догадалась, для кого приготовлены эти огромные мешки. Она оказалась в ловушке. Выхода не было. Девушка прижалась к стене, но вдруг волосатая лапища подхватила и подняла ее.

Великан тупо уставился на свою находку.

— Вот так подарочек! — вымолвил великан. Рот его растянулся в подобии улыбки, от которой у девушки по спине побежали мурашки. — Лакомый кусочек я принесу моей старухе. Теперь ей не отвертеться, придется готовить жаркое.

— Отпустите меня! — закричала девушка, молотя кулачками по толстым, словно бревна, пальцам великана.

Не обращая внимания на ее крики, Сверни Шею сунул нежданную добычу в мешок с отрубями и потащил домой. В мешке было нестерпимо душно. Злата приникла лицом к грубой мешковине, ловя ртом воздух. Бедняжка уже не чаяла вырваться из этой темницы целой и невредимой. Отруби насыпались ей в туфли и под одежду, шелуха от зерна больно колола нежную кожу, мучная пыль лезла в глаза и нос. Злате казалось, что ее мучениям не будет конца. Сознание стало угасать в ней, когда вдруг мешок развязали и великан извлек ее наружу.

Лицо, волосы и одежда девушки были белыми от мучной пыли. Злата протерла глаза и оглядела обиталище великанов. Оно было мрачным и неудобным. Посреди пещеры горел огонь. Дым из очага выходил прямо в дыру в скале. Отблески пламени тускло освещали каменный стол и лежанку, устланную козьими шкурами. В глубине пещеры таились зловещие тени.

Великан поставил Злату на огромную каменную плиту, заменявшую стол, и, самодовольно потирая руки, кликнул жену:

— Эй, старая карга! Погляди-ка, что я принес! За тобой жаркое.

Великанша прошаркала к столу, уставилась на девушку подслеповатыми глазищами и, одобрительно поцокав языком, сказала:

— Ничего не скажешь, аппетитная крошка. Только ты на нее пасть до поры до времени не разевай. Прибережем это лакомство до праздника полнолуния. Сегодня с тебя и жаркого из козлятины хватит, а человечичу отнеси в загон к скотине, пускай немного жирку нагуляет, уж больно она мала.

— И то правда, одна кожа да кости, — согласился людоед.

Оцепенев от ужаса, Злата слушала этот разговор. Теперь она поняла, почему деревья не пускали ее к мельнице.

Зачем только она не послушала их молчаливого совета? Почему не затаилась до утра под сенью зеленых друзей?

Сверни Шею схватил нежную красавицу потной лапой и потащил в глубь пещеры. Там, отгороженный большими булыжниками, находился загон для скота. Великан отодвинул валун, закрывавший вход в хлев, бросил пленницу на пол и, снова привалив камень, удалился. Злата оказалась в кромешной тьме. Девушка заплакала от страха и бессилия, но тут в глубине пещеры послышался шорох.

— Кто здесь? — спросила Злата, вглядываясь в темноту.

— Ме-э-э,— ответил тоненький голосок.

Это были козы. Они окружили девушку и доверчиво тянулись к ней, тычась в подол нежными мордочками.

— Бедняжки, вас тоже заперли,— вздохнула золото-волосая красавица, глядя новых подружек по мягкой шерстке.

Она была не одинока, и это придало ей сил. Злата вытерла слезы и решительно сказала:

— Не бойтесь, я придумаю, как отсюда убежать.

Злата очень устала, ей хотелось спать. Голый каменный пол был сырым и холодным. Девушка на ощупь сгребла разбросанную солому и легла. Козы примостились возле нее. Согретая их теплом, Злата задремала. Сквозь сон она услышала чье-то сопение и возню.

«Нужно встряхнуться и быть начеку»,— подумала она, но помимо ее воли отяжелевшие веки сомкнулись, и она провалилась в сон, полный беспокойных сновидений.

Глава пятнадцатая ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ

Злату разбудил страшный грохот. Девушка в страхе вскочила. Великан отодвигал гигантский валун, чтобы выпустить коз на выпас. С улицы потянуло свежестью. Сквозь образовавшуюся щель в пещеру проник сумереч-

ный свет нарождающегося утра. Козы в нетерпении при-танцовывали, радуясь новому дню. Злата поспешила за своими пушистыми подружками на луг.

На востоке небосвод подернулся сероватой дымкой, а на западе по-прежнему отливал чернотой. Звезды меркли, но молодой месяц еще четко вырисовывался на чистом холсте летнего неба. Сверни Шею не жаловал солнечный свет. Ночью зрение у него было острым, как у кошки, зато днем он становился подслеповат, поэтому великан выгонял скот на пастбище до свету.

После сырой затхлой пещеры Злата с наслаждением вдыхала чистый горный воздух. Следом за козами из загона с хрюканьем выбежали три жирные свиньи. Не замечая красоты раннего утра, они наперегонки ринулись к большой лохани. Увидев, что кормушка пуста, хрюшки возмущенно завизжали. Из пещеры вышла великанша с чаном месива из отрубей. Она вывалила варево в лохань, и свиньи, отпихивая друг друга, с жадным чавканьем принялись за еду.

— А где же человечица? — спросила великанша

— На пастбище, где же ей еще быть? — пожал плечами Сверни Шею.

— Глупая твоя голова! Кто же человечицу с козами пасет? Ей там не место. Люди траву не шиплют. К тому же погляди на нее, разве она похожа на коз? По всему видать, что по породе она ближе к свиньям. Думаю, месиво из отрубей ей придется больше по душе,— назидательно сказала великанша.

Сверни Шею задумчиво почесал затылок.

— И впрямь, куда ей до коз! Те пушистые, шкуры у них мягкие, а у человечицы не шкура, а одно уродство,— загоготал он, схватил девушку и, подтащив к свиньям, опустил на землю возле чана.

— Ну, теперь можно спать до самого вечера,— потянувшись и сладко зевнув, сказал людоед.

Злата ушам своим не верила. Неужели ее оставят на вольном пастбище на целый день? Свобода была так близка, что девушка невольно рассмеялась. Умывшись утренней росой, она с легким сердцем побежала по лугу. Трава здесь росла на редкость густая и высокая. Она была девушке чуть ли не по пояс. Юбка скоро намокла, но Злата не замечала холода. Стоило великанам удалиться в пещеру, как она помчалась к краю луга.

— Прощайте, господа людоеды! Придется вам найти для себя другое лакомство,— лукаво улыбнулась она и, помахав рукой в сторону пещеры, хотела было войти в лес, но вдруг наткнулась на невидимую преграду. Злата отступила, снова шагнула вперед, и вновь ее остановила незримая стена. Девушка обошла пастбище кругом, но

всюду колдовская сила удерживала ее на лугу. Прошло немало времени, прежде чем Злата в изнеможении опустилась на траву и заплакала. Все ее надежды рухнули словно карточный домик.

Неподалеку в тени скалы в сытой дреме валялись толстые свиньи. Козы ходили по лугу, пощипывая зеленую траву. Со вчерашнего дня у Златы не было во рту ни крошки. Несчастливая красавица посмотрела на лохань с отрубями и брезгливо поморщилась. Вдруг в ее памяти всплыли слова крестной: «От яда гордыни можно избавиться, лишь познав, что значит быть хуже всех и ниже всех».

— Ах, милая крестная! Что может быть хуже, чем жить среди безобразных великанов и есть из свинячьей лохани? Если бы вы могли мне помочь! — воскликнула Злата.

Тут к девушке подошли козочки. Они прикоснулись к ее руке нежными губами, будто хотели что-то сказать. И Злата поняла: козочки предлагают ей свое молоко.

Возле пещеры великанов девушка нашла черепок от разбитого кувшина. Для нее он казался большущей миской. Злата нацедила козьего молока, подкрепилась и сразу повеселела.

— Слезами горю не поможешь. Не может быть, чтобы этих глупых верзил нельзя было перехитрить, — сказала она своим новым подружкам.

Круглые глаза козочек казались такими удивленными, что Злата невольно рассмеялась:

— Вы думали, я решила остаться здесь навсегда? Плохо же вы меня знаете!

Глава шестнадцатая МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Завечерело. Сверни Шею, зевая и потягиваясь, поднялся с лежанки и пошел загонять стадо на ночь. Стоило людоеду выйти на луг, как Злата тотчас подбежала к нему и спросила сладким голосом:

— А правда ли про вас говорят, будто вы недюжинного ума великан?

Сверни Шею так опешил, что не сразу нашелся, что ответить. По правде говоря, особо умным его никто не считал, но слова этой малявки пришлись ему по душе.

— Да, умом я не обижен,— самодовольно расплылся в улыбке великан.

— Значит, вы собираетесь отгадывать королевские загадки?

— Какие такие загадки? — не понял Сверни Шею.

— Как?! Неужто вы ничего не знаете?

— Нет.— Великан тупо уставился на Злату.

— Тогда мне не стоило открывать вам секрет,— покачала головой девушка.

— Нет уж, говори, коли начала,— взревел людоед.

— Хорошо, скажу,— кротко согласилась лукавая красавица.— Король решил испытать великанов. Кто ответит на три загадки, тот получит полкоролевства и два стада в придачу. Вопросы мудрецы хранят в величайшей тайне, а я их случайно подслушала.

Глаза великана загорелись алчным огнем.

— Говори, что за загадки,— потребовал он.

— Пришли воры, хозяев украли, а дом в окошки ушел,— сказала Злата.

Задумался великан. Кряхтел, затылок чесал, ничего придумать не смог.

— Воры — это рыбаки, хозяева — рыбы, а дом — речка,— объяснила девушка.

— Верно. Как же я сразу не догадался? Хитрая загадка. Давай другую,— кивнул Сверни Шею.

— В лесу выросла, из лесу вынесли, на руках плачет, кто слушает — скачет.

Откуда было великану догадаться, что это свирель. Он ни в музыке, ни в танцах был не силен. А третью загадку Злата наотрез отказалась загадывать.

— Она потруднее первых двух будет. Где уж вам ее разгадать.

— Это мы еще посмотрим. А ну, давай свою загадку,— прорычал людоед.

— Ну хорошо. Что такое: ни замка, ни забора, ни иного запора, держит всех взаперти, ни сбежать, ни уйти.

— Да я такую загадку как орешек расщелкаю! — захохотал великан.

Он похлопал по кисету, висевшему у него на поясе, и сказал:

— Это колдовской порошок «запри-не-выпусти».

— Верно,— подтвердила Злата.— Теперь я вижу, что вы и впрямь очень умный. Но даже вы, наверное, не знаете, как снять колдовство порошка.

— А вот и знаю! Для этого надо сказать: «Побывал на белом свете, посиди опять в кисете» — и порошок тотчас вернется в кисет.

Вдруг у великана закралось подозрение. Его маленькие глазки со злобным прищуром уставились на Злату.

— А почему ты об этом спрашиваешь? Уж не надумала ли ты убежать?

— Что вы! Разве я могу убежать? — воскликнула Злата.

— Что верно, то верно: не можешь. Убрать порошок в кисет, кроме меня, никому не под силу, так что читай заклинание хоть с утра до вечера, глупая человечка.— Великан залился громовым хохотом.

На следующее утро Злата убедилась, что людоед говорил правду. По краю поля тянулась узенькая полоска белого порошка, который нельзя было ни смахнуть, ни сдуть, ни смести. Злата сотню раз пыталась произнести заклинание, но оно не помогало. Весь день и всю ночь она ломала голову над тем, как убежать, и наконец у нее зародился план.

Стоило утром великану удалиться в пещеру, как Злата принялась за работу. Она сняла свой фартук, достала из кармана иголку с ниткой и стала нашивать на передник

пучки травы и клочки мха. Злата была искусной рукодельницей, и иголка споро мелькала у нее в руках. Закончив работу, она расстелила фартук на земле возле самой кромки луга, так что он затерялся в траве. Теперь оставалось надеяться, что великан просыплет порошок прямо на него.

Назавтра, едва великан оставил стадо на лугу, Злата побежала туда, где накануне расстелила фартук, но сама не сразу нашла его, а увидев, вскрикнула от радости. Порошок был посыпан как раз по краю передника. Злата осторожно потянула за тесемки. Фартук медленно пополз по земле, а вместе с ним и просыпанный великаном порошок. В невидимой стене, окружавшей луг, образовался узкий проход. Волшебная преграда больше не удерживала пленницу. Злата проворно выбежала из заколдованного круга и кинулась в лес. Козы последовали за ней, а свиньи лишь на минутку оторвались от месива и неодобрительно поглядели козам вслед, будто говоря: «Что такое свобода? Глупость. Она ничего не стоит по сравнению с полной лоханью свежесваренных отрубей».

Глава семнадцатая НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Горные тропы все дальше уводили Злату от жилища людоедов. Девушка не знала, куда идти, в какой стороне лежит ее дом и где искать счастья. Красноватые скалы громоздились вокруг, словно застывшие неведомые исполины. Кое-где на склонах лепились чахлые кустарники или тянулась к небу, причудливо изгибаясь, сосна. Ромашка, трогательная и прекрасная в своей незащитности, чудом пробилась меж камней. Злата опустилась перед ней на колени.

— Ты такая красивая и одинокая, совсем как я,— обратилась она к цветку.— Хочешь знать, куда я иду?

Куда глаза глядят. А некоторые всю жизнь проводят в странствиях. Среди них есть один бродячий музыкант, высокий и статный. А какое у него благородное и мужественное лицо! Может быть, он проходил мимо тебя?

Ромашка качнулась от ветра, словно ответила: «Нет».

Злата вздохнула:

— Наверное, он бродит по другим дорогам. Если вдруг он появится здесь, скажи ему, что я... я совсем про него забыла и думать не думаю.

Гордячка вскочила и пошла дальше. Тропа резко свернула в сторону и привела ее к расщелине. Злата с опаской протиснулась меж скал. В тусклом свете, сочившемся из узкого лаза, она разглядела стертые каменные ступени. Лестница спускалась в подземелье с низко нависающим потолком. Темный коридор уходил в неизвестность. Возле входа на камне было высечено:

Войдя, ты тайну гор поймешь
Или погибнешь ни за грош.

«Уж если кто и сумеет постигнуть тайну гор, так это я!» — усмехнулась Гордячка и ступила в коридор. Тесный проход петлял, и казалось, ему не будет конца. Сырое подземелье было мрачным и навевало страх. Злате стало не по себе, и она повернула назад, но увы... Бедняжка тщетно плутала в потемках в поисках выхода. Лабиринт сыграл с ней злую шутку. Обезумев от ужаса, девушка бегала по безликим тоннелям. Ее шаги гулким эхом разносились по подземелью. Скоро она поняла, что окончательно заплуталась.

— Ох уж эта гордыня! Ну почему мне всегда кажется, что я лучше и умнее других? — с горечью воскликнула она.

Золотоволосая красавица еще долго бродила в полумраке, прежде чем решила отдохнуть. Она выбрала место поровнее и опустилась на голые камни. Конечно, они

не могли заменить постель, но с тех пор, как Злата убежала из дома, судьба не баловала ее, и она привыкла довольствоваться малым. Подложив ладонь под щеку, девушка забылась сном. Ее разбудило чье-то перешептывание.

— Эй, Щеголь, говорю тебе, она похожа на человека,— произнес чей-то голос.

— Нет, Многолет, для человека она слишком мала,— возразил другой.

Злата открыла глаза. Две тени метнулись в сторону. Мягкий оранжевый свет фонарей освещал пещеру. К своему удивлению, девушка увидела двух маленьких человечков с аккуратно подстриженными бородками. Оди-

наковые суконные курточки, панталоны с застежкой ниже колен и башмаки с большими серебряными пряжками делали их похожими друг на друга. Но один был серьезен, а другой весельчак. Судя по кружевному жабо, Щеголем звали второго. Незнакомцы были настроены миролюбиво.

— Кто ты такая? И откуда родом? — спросил Многолет.

— Меня зовут Злата, а родом я из города, что находится за много верст отсюда.

— Из города эльфов?

— Каких эльфов? Из обыкновенного города.

— Значит, ты — человек?! — хором воскликнули незнакомцы. Их лица тотчас стали враждебными. Злата невольно поежилась под их холодными взглядами.

— Что же странного в том, что я — человек? А вы-то кто? Не люди, что ли?

— Люди — это алчные злодеи, истребляющие друг друга из-за богатства! Разрушающие, вместо того чтобы созидать! Это злобные существа, встреча с которыми не сулит ничего хорошего! Нет, мы — трудолюбивый и справедливый народ. Мы — гномы.

От этой тирады у Златы похолодело внутри. Она с детства помнила легенды о гномах — злобных существах, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

Между тем гномы переглянулись и, не говоря ни слова, пошли прочь. Больше всего на свете Злата боялась сейчас вновь остаться одна во мраке подземелья.

— Пойдите, куда же вы? — крикнула девушка и бросилась за ними.

— Мы не причиняем зла напрасно. Тебе все равно не выбраться из этого лабиринта. Природа позаботится о тебе сама, — услышала она в ответ.

— И это вы называете не причинять зла? — опешила Злата. — Да вы просто черствые, бездушные, злобные создания! Вот вы кто!

Злата знала, что ее ждет голодная смерть в темном подземелье, и отчаяние придало ей смелости.

— Как ты смеешь так говорить! — не на шутку рассердились гномы.

— Если вы так справедливы, как говорите, вы поймете, что я права, — гордо вскинув голову, ответила красавица.

Гномы остановились. Немного пошептавшись, они обратились к Злате более дружелюбно:

— Мы не можем взять тебя с собой. Люди приносят несчастье.

— Я вас ни о чем и не прошу. Обойдусь без вас. — Злата отвернулась, чтобы гномы не видели ее слез. Волосы девушки в теплом свете фонариков сверкали словно золото. Она была такая хорошенькая, что гномы невольно залюбовались ее красотой. Они были искусными мастерами и любили все прекрасное.

— Ты не такая, как все люди, поэтому мы могли бы взять тебя с собой, — немного замявшись, предложил Щеголь.

— Спасибо, мне и здесь хорошо, — надулась Злата.

— Смотри-ка какая гордячка! — обиженно фыркнул гном. — Ну и оставайся тут одна.

Человечки зашагали прочь. Злата поняла, что теперь они уже не вернутся. Огонек фонариков скрылся за поворотом. Кромешная тьма окутала лабиринт. Мысль о том, что она может навечно остаться в каменном мешке, словно молния пронзила Злату. Поборов свою непомерную гордость, она бросилась вдогонку гномам. К счастью, те ушли недалеко.

— Пожалуйста, не оставляйте меня, — запыхавшись от бега, с мольбой в голосе выпалила Злата.

Гномы обменялись взглядами. На этот раз первым заговорил Многолет:

— Хорошо, мы возьмем тебя с собой, но при одном условии. Испокон веков встречи с людьми приносят нам

только беды. Ты должна забыть обо всем, что с тобой было раньше, и о том, что ты — человек.

Перед глазами Златы возник образ красавца музыканта, и воспоминание обожгло ее болью. Разве могла она забыть его? Но как показаться ему на глаза такой, какой она стала теперь?

— Я бы и рада все забыть, но это выше моих сил,— печально вздохнув, сказала красавица.

— Мы поможем тебе в этом,— кивнули гномы, и Злата последовала за маленькими человечками, освещавшими дорогу ярким желтым светом крошечных фонариков.

Глава восемнадцатая ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

Гномы хорошо знали дорогу и уверенно шли вперед, следуя изгибам каменных коридоров. Скоро повеяло свежестью, и впереди забрезжил тусклый свет. Путники ускорили шаг и вышли из-под сводов лабиринта. Перед ними простиралась ровная долина, со всех сторон окруженная горной грядой. Среди гор прятался маленький городок. Закат подрумянил небо, и в лучах солнца ухоженные домики с остроконечными черепичными крышами казались игрушечными. Возле каждого дома был разбит аккуратный палисадник, а стены и веранды оплетали виноградные лозы.

Гномы проводили Злату в один из домиков и оставили там одну. В крошечной гостиной было чисто прибрано и очень уютно, а в спальне стояла маленькая кровать. Злата сильно устала. Она опустилась на постель. Едва ее голова коснулась подушки, как девушку сморил сон. Она не знала, что в это время гномы собрались на совет, где решалась ее судьба.

Проснувшись на следующее утро, Злата нашла возле постели поднос со свежими булочками и дымящейся

чашкой чая. Девушка проголодалась и с удовольствием принялась за еду. Подкрепившись, она вышла на крылечко и, к своему удивлению, увидела, что возле дома собралась толпа гномов. Смутная тревога охватила Злату, но собравшиеся были настроены миролюбиво. Вперед выступил Щеголь:

— Мы готовы дать тебе кров и позволить жить среди нас, но помнишь ли ты свое обещание забыть обо всем, что с тобой было раньше?

— Да, но разве в моей власти распоряжаться воспоминаниями? — пожала плечами Злата.

— Тебе достаточно этого только захотеть, — сказал гном.

Злата вспомнила дом, отца, улыбчивые лица соседей, потом на смену им пришли другие картины: печальные глаза Полины, визгливые уличные мальчишки, бродячий цирк...

— Да! — воскликнула она.

В этот момент ей показалось, что она слышит голос: «Стань моей женой, и я сделаю тебя королевой...» Сердце девушки сжалось. Она знала, что даже если она снова встретится с красавцем музыкантом, он никогда не скажет этих слов карлице. Так не лучше ли и его забыть навсегда?

— Да, я хочу все забыть, — прошептала Злата.

Гномы встретили ее решение гулом одобрения. Щеголь подошел к Злате, держа в руках бархатную подушечку, на которой лежал серебряный обруч. Его украшал крупный алмаз небесной чистоты.

Злату охватила шемящая тревога. Лицо прекрасного музыканта в последний раз яркой вспышкой высветилось у нее в памяти. Она почувствовала на лбу прохладу металла. Память ее угасла. Волнение сменилось спокойным безразличием.

Дни Златы потекли размеренно и однообразно. Гномы были истинными ценителями прекрасного; а золотово-

лосая красавица была чудо как хороша, поэтому они обожали ее, баловали как могли и задаривали разными безделушками. Злата ни в чем не знала отказа.

Однажды, позавтракав, она вышла из дома и увидела, что городок на редкость пустынен, словно вымер. Девушка в недоумении прошла по улицам, пока не набрела на таверну. Хозяин кабачка, гном по имени Ватрушка, протирал столы.

— Эй, Ватрушка! Куда это все подевались? — обратилась к нему Злата.

— Сегодня все в алмазной штольне. Скоро весна. Пришло время делать кольцо для Королевы Дриад, повелительницы лесных фей, а для него нужен камень особой чистоты.

— И вы каждый год делаете для нее новое кольцо? Ну и модница же она! Говорят, Королева Дриад бессмертна. У нее этих колец поди уже миллион, — рассмеялась Злата.

— Дриады вообще равнодушны к кольцам, — кивнул Ватрушка. — Ты, наверное, знаешь, что их называют душами деревьев. Они лишь изредка в лунные ночи выходят из стволов и устраивают пляски. Каждый год дриады прибавляют к своим деревьям по новому древесному кольцу, вот почему по количеству колец на пне всегда можно сказать, сколько лет прожило спеленное дерево. Для Королевы Дриад мы каждый год делаем особое кольцо. Оно исписано магическими рунами, впитывает энергию камней и звезд и таит в себе магию любви. С окончанием зимы Королева Дриад обручается с Весной. Стоит лесной фее надеть обручальное кольцо, как Весна отогревает деревья своей любовью, в них зарождается жизнь, распускаются почки и цветы, появляются листочки. А глубокой осенью с наступлением первых морозов алмазное кольцо превращается в древесное.

— Как интересно! Я тоже пойду в штольню! — воскликнула Злата.

К ее удивлению, гном посерьезнел и решительно покачал головой:

— Нет, тебе туда нельзя.

— Почему? — насупившись, спросила Злата. Она не привыкла, чтобы ей в чем-то отказывали, но гном, казалось, не замечал, что она сердится.

— Есть вопросы, ответа на которые лучше не искать. Так что и не проси.

— Вот еще, буду я просить! — фыркнула Гордячка и направилась к выходу.

— И не вздумай ходить туда сама! — Гном строго угрозил пальцем ей вслед.

— Не будь занудой, Ватрушечка! Мне эта штольня даром не нужна,— огрызнулась Злата.

Как бы там ни было, но с этого дня Злата только и думала что об алмазной штольне. Тайна подземной мастерской манила и притягивала ее. Несколько раз золотоволосая красавица как бы невзначай расспрашивала о ней гномов, но безуспешно. Гномы зорко стерегли заповедное место и ни под каким видом не выдавали секрета.

Любопытство Златы было настолько велико, что она решила любой ценой разгадать тайну штольни.

Глава девятнадцатая ВЕДУНЬЯ ИЗ ЛИСЬЕЙ НОРЫ

Однажды, уйдя за окраину городка, Злата присела в тени под утесом. «Интересно, сколько тайн хранят эти горы? — подумала она, проведя ладонью по камням.— И почему мне нельзя побывать в штольне?»

— А ведь хочется, ой как хочется,— вдруг услышала она ехидный голосок.

Злата подскочила. Возле нее стояла неизвестно откуда появившаяся странная старушонка. В ее глазках с хитрым прищуром и вытянутом морщинистом личике было что-

то лисье. Остренький носик слегка подергивался, будто старушка все время к чему-то принюхивалась. Седые волосенки были спрятаны под аккуратным чепцом, а юбка волочилась длинным шлейфом, точно хвост.

— Что это ты так вспорхнула, красоточка? Удивлена, что я прочитала твои мысли? — захихикала старуха. — На то я и Ведунья, чтобы знать то, что другим неизвестно.

— Ведунья? — испуганно переспросила Злата.

— Ну да, Ведунья из Лисьей Норы. Не слыхала про такую? — спросила старушка и язвительно добавила: — Немудрено, куколка. Я вот тоже раньше не слыхала, чтоб гномы человека приютили.

— Какого человека? — спросила Злата, еще больше теряясь в догадках.

— Тебя, милочка, — усмехнулась Ведунья, подхватила шлейф и исчезла, но тотчас появилась с другой стороны.

— Я не человек, — топнула ножкой миниатюрная красавица. — Люди — это злые, алчные существа, которые разрушают, вместо того чтобы создавать.

— Вот как? — хихикнула старушка. — А скажи на милость, почему ты тогда не похожа на остальных гномов?

Злата молча пожала плечами. Она не знала ответа на этот вопрос.

— А может быть, ты скажешь, отчего тебе нельзя войти в алмазную штольню? — продолжала Ведунья.

— Отчего? — едва слышно прошептала Злата.

Юркая старушонка шустро обежала вокруг девушки, огляделась по сторонам, будто опасаясь, что их подслушают, повела острым носиком, смахнула с юбки пару репейников и затараторила:

— Штольня эта заколдована. Подчас люди ценят красоту не ради самой красоты, а по стоимости, которую сами же и придумали. Случись им обнаружить несметные

богатства подземной мастерской гномов, тотчас началась бы кровавая бойня за обладание ими. Вот почему на штольне лежит заклятие: стоит человеку попасть в нее, как все алмазы обратятся в пепел.

— Но я не человек. Я даже никогда не встречала людей,— воскликнула Злата. Искренность, с которой девушка произнесла эти слова, развеселила Ведунью, и старуха снова захихикала.

— Забыла! Все забыла! Знаешь ли ты, что за ободок надет у тебя на головке? Он зовется Обручем Забвения. Ты — человек, то самое «алчное, злобное существо»! — передразнила ее Ведунья.

— Неправда! Вы все лжете! — с жаром выкрикнула девушка. Ей вдруг стала невыносима эта ехидная старушенция, ее насмешки и намеки. Злата опрометью бросилась прочь.

— Ты потеряла все свои воспоминания — самое дорогое, что у тебя есть! Ты не помнишь саму себя! Захочешь снять колдовство — приди сюда да поищи Лисью Нору! — прокричала ей вслед Ведунья.

Глава двадцатая КОРОЛЕВА ГНОМОВ

Злата не помнила, как добежала до города. Она вошла в таверну, где гномы обычно коротали вечера. Распахнув дверь, девушка застыла на пороге. Глаза ее были темно-синими, словно омуты перед грозой, а лицо — бледным, точно она только что повстречалась с призраком. Волосы разметались от быстрого бега и тяжелой золотой лавой низвергались с плеч. Гномы молча уставились на Злату. В таверне воцарилась тишина. Девушка обвела сидевших гордым взглядом и холодно произнесла:

— Правда ли, что я — человек?

— Кто сказал тебе такую нелепицу? — спросил Многолет.

— Ведунья из Лисьей Норы.

— Так эта старая мошенница снова взялась за свои проделки! Никак не хочет жить мирно. Вечно сует свой нос куда не следует! — наперебой загалдели гномы. Когда все умолкли, Многолет сказал:

— Эта злая колдунья хочет посеять между нами раздор. Неужели ты веришь ей, а не нам, твоим друзьям?

Слова старого гнома звучали так искренне, что Злата засомневалась в правдивости предсказаний Ведуньи. Уже без прежнего пыла девушка добавила:

— Почему я не такая, как все? Я хочу снять с головы обруч.

По комнате прошел ропот.

— Это невозможно! — закачали головами гномы.

— Почему? — Злата упрямо топнула ногой. Ее насторожило поведение гномов, и она решила дознаться правды.

За всех ответил Многолет:

— Ты — наша королева и рождена с короной. Этот обруч — часть тебя. Его нельзя снять, как нельзя снять голову.

— Разве такое возможно? — усомнилась девушка.

— Конечно. Посмотри на пчел. Их королева тоже отличается от остальных. Разве мы не исполняем каждый твой каприз?

Злата на мгновение задумалась, а потом лукаво улыбнулась:

— Что ж, в таком случае я хочу посмотреть алмазную штольню.

— Королева пчел не летает по цветам, собирая нектар. А королева гномов не спускается в подземелья. У каждого свое предназначение. Ты должна дарить красоту и мир. И впредь не слушай злобных ведьм.

Дни шли. На первый взгляд жизнь Златы не изменилась. Все было как прежде, но нет-нет, а воспоминание о странной старухе бредило прекрасную златовласку.

Как-то раз красавица зашла в мастерскую гномов полюбоваться на их работу. На столе лежало несколько великолепных драгоценных предметов. Темно-красный рубин походил на застывшую каплю гранатового сока; жемчуг отливал лунным светом, а лазурная бирюза синела, словно окаменевший кусочек морской волны.

— Они прекрасны! — восхищенно произнесла Злата и с облегчением улыбнулась. — Я не вижу в них иной ценности, кроме их безжизненной красоты.

— Вовсе не безжизненной. Они живые! — возразил девушке гном Золотник. — У каждого камня свой характер и своя судьба. Вот, к примеру, бирюза. Она вобрала в себя лазурь неба и моря, но может поблекнуть и умереть, если попадет в руки того, кто совершил в своей жизни недоброе деяние.

Злата повертела в руках камешек, испещренный золотыми прожилками, и вдруг ей показалось, что он начал менять цвет и бледнеть. Девушка поспешно положила камень на стол.

— Что ж, в следующий раз ты расскажешь мне про другие самоцветы, — как можно небрежнее бросила она и, стараясь не выдать охватившего ее волнения, покинула мастерскую.

Злата шла по улицам городка, в смятении перебирая в памяти все события своей жизни.

«Неужели я сделала что-то недоброе? Но что? Когда? Не помню. Ничего не помню», — в отчаянии думала девушка.

Теперь она была уверена, что гномы скрывают от нее какую-то тайну. Злата задумала во что бы то ни стало вновь повидать старую Ведунью.

Глава двадцать первая

ЛИСЬЯ НОРА

Гномы стали пристальнее приглядывать за Златой, и ей никак не удавалось остаться одной, чтобы навестить Ведунью. Она с нетерпением ждала дня, когда все гномы снова отправятся в алмазную штольню. И вот, когда город опустел, Злата собралась бежать к Лисьей Норе, но заметила, что на пороге дома ее поджидает Щеголь. Такая слежка не на шутку рассердила гордую красавицу.

— Ах так! Ну что ж, вам все равно меня не остановить! — сказала она и, не долго думая, вылезла через окошко, оставив Щеголя дожидаться у моря погоды.

Злата не сразу нашла между скал узкий лаз, ведущий в пещеру. Заглянув в темную расщелину, она невольно поежилась. Солнечные лучи не проникали в эту обитель полумрака. Из пещеры тянуло холодом.

— Госпожа Ведунья! — окликнула Злата старую колдунью, надеясь, что та услышит ее и выйдет на зов. Не получив ответа, девушка поняла, что ей придется войти, и осторожно ступила в темный коридор. После дневного света она почти ничего не видела и старалась нащарить дорогу руками.

Вдруг ей почудилось, что у нее под ногами что-то шевелится. Приглядевшись, она закричала и в ужасе прижалась к стене. На полу копошилось целое полчище мышей. Маленькой девушке они казались огромными, как крысы. Одна мышь ухватила за юбку и начала карабкаться вверх. Злата завизжала и брезгливо стряхнула мышь на пол.

Девушка бросилась к выходу, но навстречу ей, преграждая путь, поднялась визгливая туча летучих мышей. Злата в ужасе закрыла лицо руками. Летучие мыши кружились над ее головой, словно заставляли войти в Лисью Нору.

Злата не помнила, как очутилась в просторной нише. Визг, писк, шорох разом стихли, наступившая тишина оглушала. Девушка огляделась. В каменном своде зияла

дыра, служившая оконцем. Сквозь нее в пещеру сеялся дневной свет. В снопе солнечных лучей мирно плавали пылинки.

Осмотревшись, Злата увидела грубо обтесанный деревянный стол, заставленный банками и склянками с неведомыми снадобьями и порошками. По стенам, словно связки лука или чеснока, висели гроздья сушеных мышей и жаб. Злате стало не по себе. Она уже была не рада, что пришла сюда. Девушка с опаской поглядела в сторону узкого коридорчика, ведущего в обиталище колдуньи. Там, свешиваясь с потолка, висели закутанные, словно в плащи, в свои перепончатые крылья стражи — летучие мыши. Пути назад не было.

«Где же Ведунья? А ну как она ушла надолго и не вернется несколько дней?» При мысли, что ей придется провести здесь ночь, у Златы по спине побежали мурашки.

— Экая ты пугливая, деточка,— услышала она чей-то голос.

Откуда ни возьмись прямо перед ней появилась хитрая мордочка Ведуньи.

От неожиданности Злата вздрогнула. Она никак не могла привыкнуть к умению колдуньи внезапно появляться и исчезать. Между тем юркая старуха уже суетилась возле стола.

— Пришла-таки. А я знала, знала, знала, что придешь,— потирая ладони, пританцовывала она.— Что ж ты жмешься в сторонке?

— Вы сказали, что можете рассказать мне о моем прошлом,— пролепетала Злата, робко подходя к старухе.

— Тут и рассказывать нечего. Коли захочешь, сама вспомнишь. Для этого только обручок надо снять,— захихикала ведьма.

— Но он не снимается. Я уж сколько раз пробовала,— возразила Злата.

— Пробовать-то надо умеючи. Против колдовства силу только колдовство имеет. Коли хватит у тебя сме-

лости, я тебя подучу, как память обрести, и цену потребую пустячную.— Старушка хитро прищурилась.

— Что же вы хотите?

— Уголек, милочка. Черненький, невзрачный уголек. Тот самый, что у тебя в ободочке.

— Невзрачный уголек?! Ты называешь чистейший алмаз невзрачным угольком, насмешливая старуха! — топнула ножкой гордая красавица, приняв поистине королевскую осанку.— Стану я мараться об уголек! У меня все самое лучшее!

— Ишь ты, гордячка какая! Будь по-твоему. Иди откуда пришла.— Лисья мордочка старухи сморщилась, и Ведунья как сквозь землю провалилась.

Злате стало не по себе. И зачем она вступила в спор с колдуньей? От таких разговоров хорошего не жди.

— Госпожа Ведунья, простите меня. Я согласна отдать вам обруч вместе с... угольком, если сумею его снять,— кратко сказала Злата.

— Так-то оно лучше будет,— мгновенно появившись, кивнула Ведунья и расплылась в елейной улыбке.— Тогда слушай. Под вечер в полнолуние, когда самое время для колдовства и ворожбы, отправляйся в алмазную штольню. Там найдешь обручальное колечко, что сделали коротышки для Королевы Дриад. В нем заключена магия любви. Надев его, ты вновь научишься любить и лишь тогда обретешь утраченную память.

— Но я умею любить,— возразила Злата.

— Вот как? — ухмыльнулась старуха.

— Ну да. Я люблю яблочный пирог, солнечную погоду, красивые украшения... О, я очень много чего люблю! — с жаром воскликнула Злата.

— Что ж, тогда нам не о чем говорить. Только помни, завтра последнее полнолуние перед тем, как кольцо отдадут законной владелице.

— Я приду! — на минуту задумавшись, кивнула Злата.

— Вот и чудненько! А я тебя уже там поджидать буду,— слащаво пропела старуха, а себе под нос пробормотала: — Уголек-то волшебненький тебе ни к чему, а мне в ворожбе уж как пригодится.

Глава двадцать вторая

АЛМАЗНАЯ ШТОЛЬНЯ

Потянулись мучительные часы ожидания. Злата не находила себе места. То хотелось поскорее узнать тайну, скрытую от нее обручем забвения, то становилось страшно при мысли, что ведунья сказала правду и она и впрямь окажется человеком.

На небосводе загорелись звезды. В домиках гномов один за другим гасли огоньки. Городок погружался в сон. Над долиной повис мерный стрекот сверчков, вышедших на вечерний концерт. В воздухе стоял густой аромат душистого табака и ночных фиалок. Спокойствие окутало тихую долину.

Не зажигая свечи, Злата стояла у окна, в задумчивости глядя на пустынную улицу. Ей не давала покоя бирюза. Почему она побледнела у нее в руках? Кто знает, что произойдет, войди она в алмазную штольню? Не лучше ли оставить все как есть?

Девушка легла в постель, но сон не шел к ней. Неведомая сила манила и звала Злату в алмазную штольню. Близилась полночь. Не в силах бороться со страстным желанием узнать тайну, золотоволосая красавица поднялась и, поспешно одевшись, выбежала из дома.

Луна посеребрила крыши. Мирный городок казался сказочным, словно картинка из детской книжки, но Злата не замечала царящей вокруг красоты. Ее маленькие ножки быстро несли ее к заветному месту. Добежав до штольни, девушка перевела дух, но, к своему огорчению, увидела, что вход в шахту завален огромным валуном.

— Пришла, красоточка? — вдруг услышала она знакомый голосок.

Из темноты возникла Ведунья. Старуха с хитрым прищуром посмотрела на Злату и, прочитав ее мысли, усмехнулась.

— Что приуныла? К каждому замочку свой ключик имеется. Запоры нам не помеха. Только помнишь ли про обещанный уголек?

Злата молча кивнула, и колдунья завертелась возле пещеры в шаманском танце. Бормоча заклинания и размахивая руками, она приплясывала вокруг валуна. Шлейф юбки, словно лисий хвост, метался по земле. Все быстрее и быстрее крутилась ведьма, все проворнее болтался из стороны в сторону длинный хвост. В самый

разгар танца колдунья сыпанула на камень горсть волшебного порошка, и тот с шипением растворился, будто растаял. Путь был открыт. В полумраке пещеры виднелась лебедка, приводящая в движение подъемник.

— А вот и вход, милочка, только выхода здесь нет. Так что помни, ты покидаешь долину гномов навсегда.

Злата не шелохнулась. Внутри у нее все похолодело от ледяющего страха.

— Что, испугалась? — ехидно спросила старуха.

— Вот еще! Я ничего не боюсь.— Гордая красавица вскинула голову и ступила на платформу подъемника.

Колдунья крутанула лебедку и исчезла. Шестеренки заскрежетали, и подъемник медленно пополз вниз. Злата очутилась в кромешной тьме. При мысли, что она спускается все глубже под землю, у нее закружилась голова.

Бедняжка была не рада, что послушалась Ведунью. Гордыня вновь сыграла с ней злую шутку. Злата с замиранием сердца прислушивалась к скрежету шестеренок лебедки наверху шахты. Он становился все глуше и тише. Наконец подъемник остановился. Девушка поняла, что приехала, но страх так сковал ее, что она не могла сделать ни шагу.

— Темнотища-то какая, хоть глаз коли.— Визгливый голос Ведуньи показался Злате милее пения соловья.

От сознания того, что она не одна, сердце девушки радостно подпрыгнуло. Подземелье озабрилось живым светом факела, висящего на стене. Ведунья кивнула Злате и с юркостью яще-

рицы двинулась вперед, замечая следы шлейфом. Проходя мимо незажженных факелов, колдунья то ли фыркала, то ли чихала, шелкала пальцами, и пламя тотчас вспыхивало, освещая путь. Злата едва поспевала за проворной старухой. Она не заметила, как они очутились в просторном подземном зале.

Ошеломленная и ослепленная увиденным великолепием, Злата застыла у входа. Стены, пол и потолок зала были усыпаны драгоценными камнями. Бриллианты, изумруды, топазы, сапфиры мерцали, вспыхивали многоцветными искрами, словно внутри них бушевало холодное пламя. Посреди зала стоял выточенный из глыбы горного хрусталя стол, на котором красовалась бархатная подушечка с кольцом тончайшей работы.

Постепенно самообладание вернулось к Злате. Она окинула Ведунью презрительным взглядом и холодно произнесла:

— Ты все выдумала, подлая старуха? Я — не человек. Погляди, разве камни обращаются в пепел?

— Погоди горячиться, красоточка. Всему свое время,— потирая ладони, хихикнула колдунья.— Не хочешь ли примерить обручальное колечко?

Злата передернула плечами и, подойдя к столу, взяла кольцо в руки. Безделушка и впрямь была на редкость хороша. Злата продела в колечко изящный пальчик, и вдруг откуда-то из глубин ее памяти всплыл образ прекрасного музыканта, а потом на нее обрушился шквал воспоминаний. В тот самый миг, когда Злата осознала, что она — человек, обруч спал с ее головы. Прекрасный алмаз ослепительно вспыхнул и превратился в кусочек черного угля. Ведунья подхватила его и тотчас исчезла, на этот раз навсегда.

Подземелье потряс страшный грохот. Пещера содрогнулась. Пламя языками рвалось из выложенных самоцветами стен. Изумруды обращались в пепел и угли. Стихия бушевала и бесновалась. Злате казалось, что земля уходит у нее из-под ног. Бедняжка металась из стороны в сторону, но из заколдованной штольни не было выхода. Девушка упала ничком, попыталась встать, но силы оставили ее. Гарь, копоть, тьма окутали Злату. Сознание ее угасло.

Глава двадцать третья **ДРИАДЫ — ДУШИ ДЕРЕВЬЕВ**

Злата очнулась. Бледный лик луны выглянул из-за туч и уставился на нее немигающим оком. По небу неслись рваные серые клочья облаков. Скалы исчезли. Злата не знала, какая колдовская сила вынесла ее из подземелья и забросила в неведомый далекий мир. В долине гномов царило вечное лето, здесь же было холодно и промозгло. Вокруг печальными группками высились застывшие деревья. Весна еще не вдохнула в них жизнь, и они с мольбой тянули ввысь беззащитные голые ветви.

Лес казался фантастической игрой воображения. Злата села, прислонившись спиной к ближайшему дереву. Внезапно ее обожгло мертвенным холодом. Повинуясь безотчетному чувству страха, она вскочила и бросилась прочь, но, пробежав несколько шагов, остановилась. Ей показалось, что деревья вокруг нее растворяются, словно отражение в озере, когда набежавший ветерок поднимает рябь на его зеркальной поверхности. Девушка зажмурилась и снова открыла глаза. Там, где только что вилась тропинка, непроходимой стеной толпились деревья. Злата, не разбирая дороги, кинулась к просвету в чащобе. Но это был всего лишь мираж.

Чем дальше она углублялась в лес, тем сильнее страх охватывал ее.

Неведомая враждебная сила, казалось, поджидала на каждом шагу. Злата повернула назад, но наваждение повторилось. Очертания деревьев расплылись, как размытая акварель, а когда контуры лесных великанов проступили вновь, Злата не узнала этого места. Она не верила, что деревья могут ходить, и все-таки готова была поклясться, что так оно и было. Пепельные призраки тянули к ней руки-ветви. Они все теснее окружали ее, словно подталкивая и направляя к какой-то лишь им ведомой цели. Вдруг тишину леса нарушил далекий шелест листвы. Листвы, которой НЕ БЫЛО!

Зачарованный лес играл с крошечной путницей в жестокую колдовскую игру. Отовсюду тянуло холодом. Золотоволосая красавица казалась солнечным лучиком, невесть как очутившимся в зимней ночи. Злата пошла туда, куда вели ее колдуны-деревья. Шелест призрачной листвы становился все громче. Теперь он походил на шепот, и скоро Злата стала различать слова.

— Отдаш-ш-шь, вориш-ш-шка! Отдаш-ш-шь! — шептали деревья, протягивая к ней шупальца ветвей.

Вдруг все разом смолкло. Лес расступился, и Злата вышла на поляну, где росло одинокое дерево. Лишь оно

было покрыто пышной зеленой кроной, словно холода и смена времен года не касались его. Казалось, природа собрала в этом гиганте все существующие на земле деревья. Кругляшки осиновых листочков соседствовали с резными листьями клена, хвоя — с перьями пальм. Ни одно дерево, в каком бы краю оно ни росло, не было забыто в этом невероятном букете.

Неожиданно по стволу дерева пробежала дрожь, оно потянулось, словно разминая затекшие после сна суставы, и превратилось в женщину.

Стан ее был плотно обтянут парчой, а волосы пышным зеленым ореолом обрамляли красивое лицо. На голове у нее блистала корона.

«Да ведь это Королева Дриад», — догадалась Злата.

— Повелеваю всем выйти! — скомандовала королева, и тотчас каждый ствол обернулся феей.

Бестелесные и полупрозрачные, души деревьев были одеты в длинные облегающие платья, под которыми не угадывалось ног. Движения дриад были неуловимы, они скользили, ни на миг не отрываясь от земли, ибо прервать эту связь даже на мгновение значило для них погибнуть.

«Дриады — добрые феи и не причинят мне зла», — пыталась успокоить себя Злата, но дух враждебности так пропитывал все кругом, что казался почти осязаемым.

На красивом лице королевы застыла гримаса неприязни, а в глазах повелительницы деревьев зияла такая бездна холода и презрения, что Злата невольно отшатнулась. Девушка с надеждой обвела взглядом лица других фей, но не нашла в них и тени сочувствия.

— Мы разгневаны. Как ты смела взять наше кольцо? — ледяным тоном промолвила Королева.

— Вориш-ш-ка, вориш-ш-ка, — зашелестели лесные феи.

— Я не воришка и никогда не была ею. — Злата гордо вскинула голову.

— Ты взяла то, что тебе не принадлежит, а значит, мы вправе так тебя называть,— процедила Королева.

— Я не собиралась присваивать кольцо, я только примерила его,— объяснила Злата.

— А знаешь ли ты, что из-за твоего проступка снега не растают вовремя, деревья зацветут позже, весна опоздает и прилетевшим птицам будет неуютно в холодном мире? — продекламировала повелительница дриад, воздев руки к небу. Она вытянулась ввысь, став еще более величественной, словно хотела подчеркнуть ничтожество стоящей перед ней девушки.

— Я сделала это не нарочно и готова вернуть ваше кольцо,— сказала Злата, снимая перстенок. Тотчас, повинувшись неведомой магии, кольцо оказалось на руке у волшебницы.

— Я вижу, ты ни о чем не сожалеешь,— покачала головой фея.— А знаешь ли ты, что дурные поступки смывает только искреннее раскаяние? Проси прощения, и, может быть, природа снизойдет к твоим мольбам, весна наступит в срок, и мы простим тебя.

Злата не чувствовала за собой прямой вины. Ее переполняла обида. Гордыня вновь шевельнулась в ней.

«Вот еще, буду я просить прощения за то, чего и в мыслях не было,— подумала золотоволосая красавица.— Если весна не наступит в срок, в этом нет моего злого умысла».

— Коли вы еще не поняли, что я невиновна, то мне вашего прощения не надо! — вслух сказала гордячка.

— Одумайся, гордыня не доведет тебя до добра,— покачала головой Королева Дриад.

— Нехорош-ш-шо! Нехорош-ш-шо! — прошелестели се подданные.

— Может быть, гордыня и не доведет меня до добра, зато вы ко мне слишком добренькие,— насмешливо произнесла Злата.— А еще говорят, встреча с дриадами сулит

удачу. Будь я феей, я бы всем дарила счастье, а не обвиняла бы напрасно в несуществующих грехах.

На мгновение над поляной воцарилось молчание, а потом Королева Дриад торжественно произнесла:

— Будь по-твоему, гордячка! С этого дня ты будешь всем дарить счастье.

Злата хотела еще что-то сказать, но видение исчезло.

Глава двадцать четвертая ШАРМАНЩИК

Гигантские деревья стояли молчаливые и безжизненные. Кое-где грязными клоками лежал спрессованный снег. От выставшей за зиму земли тянуло холодом. Продрогшая Злата бежала по тропинке в надежде поскорее выбраться из заколдованного места. Ей надоело скитаться среди гномов, фей и колдунов. Она всей душой желала вернуться к людям. Что с того, что она мала ростом и взрослому человеку лишь по пояс? Мало ли на свете невысоких людей!

Вдруг Злата услышала странный звук. Девушка насторожилась. Совсем недалеко от нее кто-то рычал. Если

в лесу водятся дикие звери, ей несдобровать. Злата огляделась в поисках хоть какого-нибудь убежища. С монотонной размеренностью рык повторялся снова и снова. Злата вся обратилась в слух. Нет, разъяренный зверь так не рычит. Кто бы это мог быть? Гонимая любопытством, маленькая красавица осторожно пошла на звук. Вскоре в просвете между деревьями она увидела большущий расписной ящик с блестящей ручкой.

«Да ведь это огромная шарманка!» — осенило Злату.

Рядом с шарманкой, укутавшись в выцветшее шерстяное одеяло, храпел великан. Подле него тлели угли погасшего костра. Великан зашевелился и, причмокивая губами, повернулся на другой бок. Сучковатая коряга, лежащая возле, больно впилась ему под ребра. Не успела Злата спрятаться, как великан проснулся, открыл заspanные глаза и увидел крошечную золотоволосую куколку. Сон с него как рукой сняло.

— Чур меня! — вскакивая, перекрестился он.

Ни жива ни мертва от страха, Злата бросилась прочь, но, споткнувшись о корень дерева, растянулась на земле. Стоило ей подняться, как корявая ветка цепко ухватила ее за юбку.

Немного придя в себя от удивления и суеверного страха, шарманщик с интересом наблюдал за тщетными попытками малышки скрыться. Лес не отпускал Злату, точно специально уготовил для нее эту встречу. Поняв,

что убежать не удастся, Злата подняла свое прекрасное личико и с вызовом посмотрела прямо в глаза исполина:

— Я в вашей власти, господин великан.

— Великан? — засмеялся незнакомец. — Вообще-то люди зовут меня Осип Заморыш, но для такой крохи, как ты, я, стало быть, великан.

— Значит, вы — человек?! — Слезы брызнули из синих глаз златовласки.

Она и представить не могла, насколько уменьшилась! Бедняжка была незнакомцу по колено.

— Конечно, человек. А ты, стало быть, фея? Экая, брат, ерундовина иной раз приснится, когда подогреешь себя винными парами! — усмехнулся шарманщик.

— Если бы это был сон! — печально вздохнула Злата.

Осип ушипнул себя за нос и, убедившись в том, что не спит, весело хлопнул себя по ляжкам.

— А ведь это и впрямь не сон! Значит, я сподобился повстречаться с феей наяву? Тогда, как полагается, выполняй мои желания. Для начала мне бы бутылочку вина, чтобы согреться, — загнул он палец на руке.

— Я не фея. Я простая девушка, — покачала головой Злата.

Шарманщик затрясся от хохота:

— Гляди-ка, простая девушка! Меня не проведешь! Где это ты видела таких девушек?

— Увы! Надо мной тяготеет колдовство. Я не могу вырасти больше, — сказала Злата, при этом скрыв, что она, напротив, день ото дня становится все меньше.

— Стало быть, ты — не фея, — разочарованно протянул Осип. — Жаль, бутылочка винца мне бы сейчас не помешала. Да ты и сама, как я погляжу, дрожишь от холода. Одежонка-то у тебя не по погоде. Иди вот, погрейся.

Шарманщик высвободил край одеяла. Злата с благодарностью укуталась в него. Между тем Осип рассуждал:

— Я думаю, ты мне встретишься неспроста. Видать, там, на небесах,— он многозначительно ткнул пальцем вверх,— за мной какое-то доброе дело записано, вот мне тебя и послали. Представь, третьего дня у меня обезьяна околела. Мы с ней по ярмаркам ходили. Я на шарманке играл, а она счастливые билетки для почтенной публики вытягивала. Уж как я по ней горевал. Сама понимаешь, без обезьяны какие заработки? И вот — на тебе. Услышали, видать, меня в небесной канцелярии и вместо сдохшей обезьяны тебя послали.

Гордая красавица едва не задохнулась от негодования. Неужели этот мужлан думает, что она станет тянуть счастливые билетки вместо ярмарочной обезьяны? Но тут, словно шелест деревьев, словно дуновение востерка, в ушах у нее зазвучал голос Королевы Дриад: «С этого дня ты будешь всем дарить счастье».

Только теперь страшный смысл пророчества волшебницы дошел до золотоволосой красавицы. Она поняла, что из-за своей гордыни ей придется вынести новое унижение.

Глава двадцать пятая ЯРМАРКА

Собираясь в дорогу, шарманщик достал из кармана ошейник и стал прилаживать его вокруг шеи Златы.

— Эй, что это ты делаешь! — возмутилась девушка.

— Это тебе наследство от моей старой Жакони. Для порядка, чтоб ненароком не убежала. Да ты не сердчай, что на веревке будешь сидеть, зато поедешь на шарманке, как принцесса.— Он усадил опешившую Злату на расписной музыкальный ящик и побрел в город на ярмарку.

Злата пыталась стянуть ненавистный ошейник, но ее пальчики были для этого слишком тонкими и нежными, и ей не хватало сил.

— Это тебе с непривычки на привязи тошно. Жаконя тоже сначала ерепенилась, даже кусаться пыталась,— ухмыльнулся Осип, глядя на старания девушки освободиться.— Ничего, стерпится — слюбится. Зато я зверей не бью и хлеб с ними делю честно.

От такой наглости Злата на мгновение потеряла дар речи, а потом подбоченилась, вскинула голову и решительно заявила:

— Вот что я тебе скажу: забудь и думать, что я стану тащить твои противные бумажки.

Она нахохлилась и весь остаток пути провела в гордом молчании. Когда они прибыли на ярмарку, торговля уже шла вовсю. Кругом смеялась и гудела, словно улей, веселая пестрая толпа. Несмотря на увещевания Осипа, Злата сидела не шелохнувшись, глядя прямо перед собой. Заметив, что диковинка привлекает всеобщее внимание, Осип, однако, смекнул, что внакладе не останется.

— Ладно, Гордячка, я и без твоего согласия на тебе заработаю,— сказал он и, крутя ручку шарманки, стал громко скликать народ:

Подходи, налетай!
Свое счастье выбирай!
В обмен на звонкие монеты
Тяни счастливые билеты!

Тут же вокруг него собралась толпа желающих испытать судьбу. Люди охотно расставались с деньгами в надежде вытянуть счастливый билетик. Шарманщик бойко приговаривал:

Только чур! Фея сидит,
За всем зорко следит.
Тяни по одному,
Иль сразу угодишь в тюрьму.
Нашлет и оспу и чуму,
Обман не спустит никому.

— А что ж у тебя фея-то на ошейнике? — крикнул кто-то из толпы.

— Для порядку, — важно ответил Осип.

Дни потекли своим чередом. Злата таяла день ото дня. Шарманщик даже ночью не отпускал ее с привязи, но девушка не оставляла надежды на побег. И вот однажды случай представился сам собой. Как-то раз вечером Осип с удивлением заметил, что Злата уменьшилась.

— Что за напасть! Никак ты меньше ростом стала? — Он в недоумении почесал затылок.

— А ты что же думаешь: я у тебя на привязи сидеть буду и от радости пухнуть? — фыркнула Злата. — В неволе я съеживаюсь. Так что если ошейник не снимешь, пеняй на себя: все, что имеешь, потеряешь.

Осип долго и так и сяк раздумывал над словами девушки, а потом решил не искушать судьбу и ошейник снял.

В тот день, отправляясь на ярмарку, Злата была твердо уверена, что восседает на шарманке в последний раз. Она прикидывала, как улизнуть от своего мучителя, когда на базаре поднялся переполох.

Пронесся слух, что на ярмарке объявился необыкновенный бродячий музыкант, о котором по всей округе ходили легенды. Говорили, что нет никого прекраснее его, что в его песнях скрыта истинная красота: они делают людей добрей и заставляют забыть о горестях. Все, от мала до велика, стекались на центральную площадь, чтобы послушать пение барда. Кто же не хочет хотя бы ненадолго расстаться со своими печальями? Шарманщик тоже не остался в стороне.

Сердечко Златы затрепетало от волнения. Она ни на миг не сомневалась, кто этот восхитительный музыкант. Девушка с ужасом представила себе, как она встретит его теперь, когда стала ярмарочной обезьяной. Что могло быть унижительнее и страшнее?

Работая локтями, шарманщик протиснулся вперед. Злата не хотела, чтобы музыкант увидел ее. Она низко склонила голову и, прячась от позора, прикрыла нежное личико руками. Музыкант тронул струны, и толпа при- молкла. Чарующие звуки вознеслись над площадью.

Искушение взглянуть на возлюбленного, о котором Злата думала день и ночь, было так велико, что она не удержалась. Раздвинув пальцы, она украдкой бросила взор на певца и чуть не вскрикнула от удивления. Перед ней был совсем не тот, кого она ожидала увидеть. Слово «прекрасный» казалось ей насмешкой над отвратитель- ным горбуном с изрытым оспой лицом. Музыкант запел:

Пусть говорят: в тебе живет порок
И недостойна ты высоких чувств,
Но без тебя в толпе я одинок.
Коль нет тебя, мир холоден и пуст.

И если веришь, что в тебе найду
Изъян, что зачеркнет любовь мою,
То это значит — на свою беду —
Глухому сердцу песню я пою.

Пуškai толпа твердит, что я — глупец,
И недостаткам счет твоим ведет.
По мне, ты — добродетели венец.
Ты — совершенство! Ты — мечты полет!

Любовь слепа, и не ее вина,
Что не подвластна разуму она.

Пленительный голос и нежная песня околдовали Зла- ту, и в тот же миг она забыла об уродстве горбуна. Ее переполняло чувство неведомого счастья.

— Как прекрасен этот певец! — беззвучно прошептала она.

Перед взором девушки стоял юноша, который ушел, едва появившись на пути, и унес с собой ее сердце. Вдруг перед Златой открылось таинство исцеления: она будет

спасена, если возлюбленный примет ее такой, какая она есть.

Прозвучал последний аккорд — золотоволосая красавица вернулась из мира грез на землю. Перед ней был горбун-музыкант, вокруг шумела ярмарка, работали балаганы, торговцы зазывали покупателей. Все было как прежде, но волшебная музыка оставила свой след. В душе Златы с новой силой вспыхнула искорка надежды. Она во что бы то ни стало найдет своего музыканта, и он снимет с нее колдовские чары.

Маленькая красавица решила отложить побег.

«Пусть Осип, сам того не ведая, сослужит мне службу — походит со мной по разным ярмаркам и балаганам. Где, как не там, можно встретить бродячего певца?» — рассудила она.

Пронзительный визгливый голосок прервал размышления девушки.

— Купи! Купи мне живую куклу! — топая ногой на отца, капризно кричала богато разодетая девчонка.

— Линочка, эта кукла не продается, — пытался увести ее отец, но не тут-то было. Избалованная девчонка привыкла настаивать на своем. Она бросилась на землю, в истерике забила ногами и истошно заорала:

— Хочу! Хочу-у-у! Куклу хочу-у-у!

Вокруг собрался народ. Люди качали головами и пытались урезонить капризулю, но это лишь сильнее раззадоривало ее. Отец от смущения не знал куда глаза девать.

— Скажи, любезный, может, ты все-таки согласишься продать эту диковинку? — обратился он к шарманщику, указав тростью на Злату.

Осип оценивающе поглядел на покупателя. Все говорило о том, что тот важная птица: и костюм тонкого сукна, и золотые часы на толстой цепочке, и крупная бриллиантовая булавка в галстуке. Расставаться со Златой шарманщику было жаль. С тех пор как она стала сидеть у него за обезьяну, монета завелась в его худом кармане. С другой стороны, Осип смекнул, что этот господин богат и готов раскошиться ради своей визгливой доченьки.

— Пожалуй, я бы поменял ее на небольшой домик с садиком где-нибудь на окраине города,— сказал он.

— Да ты с ума сошел! За какую-то куклу целый дом, да еще с садом! — возмущенно воскликнул господин.

— На меньшее я не согласен и торги прекращаю,— заявил хитрый шарманщик и повернулся, чтобы уйти.

Как он и ожидал, взбалмошная девчонка, которая было прекратила орать и с интересом прислушивалась к разговору, забилась в новом приступе истерики. Она топала ногами, кидалась на отца с кулаками и ревела так, что лицо ее покраснело и пошло пятнами. Никакие увещевания не могли успокоить ее.

— Куклу-у-у! — перекрывал все шумы ярмарки ее визгливый крик. Она знала, как добиться своего. Как всегда, отец ей уступил, решив, что он достаточно богат, чтобы купить ребенку дорогую игрушку.

— Эй, Осип, не продавай меня,— взмолилась Злата.— Так и быть, я согласна тянуть счастливые билеты.

— Ну уж нет. Я свой счастливый билет вытянул. За домик с садом я не только тебя, но и шарманку в придачу отдам,— усмехнулся Осип.

Надежда на исцеление от колдовства вновь ускользнула от Златы. Девушка оказалась куклой в руках противной избалованной девчонки.

Глава двадцать шестая

КУКЛА

Комната Лины находилась на втором этаже богатого особняка. Очутившись в светлой просторной детской, Злата подумала, что попала во дворец. Белоснежная мебель с позолотой, кровать под воздушным балдахином, персидские ковры, напольные вазы с диковинными цветами, несметное число игрушек — все говорило о том, что хозяйка комнаты ни в чем не знает отказа.

В большой корзине, свернувшись калачиком, спал толстый рыжий кот.

При звуке шагов он лениво приоткрыл один глаз, но, увидев хозяйку, вылез из уютного логова, не спеша потянулся и, подойдя к девочке, потерся о ее ноги.

— Уйди, Маркиз, у меня теперь есть игрушка получше тебя.— Лина пнула ногой ни в чем не повинного кота, и тот, обиженно мяукнув, спрятался под диваном.

Девчонка поставила Злату на пол и принялась вышвыривать из кукольного дома прежних обитателей.

При виде живой игрушки котище оживился. Его янтарные глаза, не мигая, уставились на диковинку. Он крадучись вышел из своего укрытия и, с интересом принюхиваясь, осторожно, на полусогнутых лапах начал приближаться к Злате. Девушке стало не по себе. Острые кошачьи зубы казались бедняжке клыками саблезубого тигра, а когти — стальными клинками. Злата невольно попятилась. И тут в домашнем ленивце проснулся азарт охотника. Хвост зверя нервно подрагивал, а когти в нетерпении то показывались из мягких лапок, то прятались вновь. Заметив, что Маркиз приготовился к прыжку, Лина набросилась на него:

— Брысь! Пошел отсюда! Брысь! — Она затопала ногами на бывшего любимца и безжалостно прогнала его из комнаты.

Выдворенный из кошачьего рая, Маркиз поселился на кухне. В детскую его больше не пускали, а Лина совсем перестала с ним играть. Каждый раз, когда рыжий охотник видел виновницу своих несчастий, в его немигающих желтых глазах вспыхивал злой огонек. Злата предпочитала обходить кота стороной, зная, что обрела смертельного врага.

Лина поселила новую игрушку в кукольном доме. Злата никогда не видела ничего подобного. Все здесь было как настоящее: кровати, тумбочки, шкафы, комоды, стулья. На столе стояла ваза с фруктами из папье-маше. На игрушечном трюмо лежали расчески и щетки, а в платяном шкафу висели нарядные кукольные платья, которые пришлось Злате в пору.

— Ты будешь жить здесь, — объявила Лина. — Я давно хотела говорящую куклу. К тому же ты такая хорошенькая.

Целый день капризная девчонка не давала Злате ни минуты покоя. Она то переодевала, то кормила ее, то заставляла стоять на полке вместо статуэтки. В конце концов Злата не выдержала:

— Послушай, я ведь не кукла. Я живая.

Лина насупилась и, сердито сощурившись, сказала:

— Ну и что с того, что живая? Мне тебя купили, и ты будешь делать то, что я хочу!

— Вот как?! — Злата с вызовом посмотрела на ненавистную мучительницу. Она хотела высказать все, что о ней думает, но осеклась: ей в голову пришла интересная мысль.

«Нет, несносная вредина, это ТЫ будешь делать то, что Я хочу», — подумала лукавая красавица, а вслух в притворном смирении произнесла:

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Лина не могла нарадоваться на свою новую куклу: с ней было намного интереснее, чем с другими игрушками. Однажды, когда они играли в театр, Злата сказала:

— Как это скучно играть все время понарошку. Хорошо бы устроить настоящее представление, а еще лучше — турнир. Ты стала бы прекрасной принцессой, ради которой все состязаются в мастерстве, а я была бы твоей фрейлиной.

— Замечательно! Будем играть в эту игру, — загорелась Лина, но Злата тотчас охладила ее пыл:

— К сожалению, это невозможно. Твои родители не разрешат.

— Пусть только попробуют, — с угрозой в голосе произнесла избалованная девчонка. Она не привыкла отступать от задуманного. — Так что для этого нужно?

— Сущие пустяки. Надо созвать со всех концов королевства музыкантов. Пусть они воспоют твою красоту, а ты решишь, кому подарить алую розу, — лукаво улыбнулась Злата.

Лина была в восторге от новой затеи, зато у ее отца чуть не случился сердечный приступ. Забавы дочери обходились ему все дороже. Сначала он наотрез отказался приглашать артистов, но через пару дней сдался. И вот из всех уголков страны к особняку стеклись певцы и

музыканты. Злата с замиранием сердца оглядывала толпу, ища глазами своего возлюбленного, но, увы, он так и не появился.

Вечер застал золотоволосую красавицу в печали. Здесь ей больше нечего было ждать и не на что надеяться.

«Пора мне вырваться из золоченой клетки и вновь отправиться в странствия»,— решила она.

Глава двадцать седьмая ПОЛЕТ

Чем больше Злата размышляла над тем, как вырваться из заточения, тем более невероятным представлялся ей побег. Днем Лина ни на минуту не расставалась со своей живой куклой, а ночью по дому, неслышно ступая на мягких лапках, разгуливал когтистый враг. К тому же бедная пленница была столь мала, что лестница, ведущая со второго этажа, казалась для нее почти неодолимым препятствием, не говоря уже о входной двери, открыть которую ей было просто не по силам. Но самое страшное ожидало во дворе. Огромные сторожевые псы круглые сутки охраняли дом.

Сидя на подоконнике, Злата с ужасом глядела, как на лужайке перед парадным крыльцом резвились эти кровожадные черные монстры, чьи пасти походили на пещеры с желтыми сталактитами клыков.

На ветку яблони, что росла под окном, сел любопытный воробышек. Он с интересом покосился на Злату круглым глазом, почирикал, прыгнул пару раз и, вспорхнув, поспешил по своим делам.

— Ах, если бы я была птицей и умела летать! — воскликнула Злата.

Внезапно, как озарение, ей на ум пришла спасительная мысль. Она поняла, как вырваться на волю.

В тот же день Злата научила Лину мастерить из бумаги голубей. Сначала они пускали их по комнате, а потом Злата предложила пойти на балкон. Лина была в восторге. Бумажные птицы, как настоящие, парили над землей и, сделав круг, плавно садились на газон. Пока девчонка, прыгая и хлопая в ладоши, подбадривала голубей, чтобы те летели подольше, Злата незаметно припрятала одну птицу за портьерой.

На другой день хозяин дома устраивал прием. Ожидалось много гостей, и свирепых псов посадили на цепи. О лучшем времени для побега нельзя было и мечтать.

Выждав, пока Лина заснет, Злата тихонько вылезла из кукольной кровати. Нужно было успеть выпорхнуть из золоченой клетки до того, как гости разъедутся и собак спустят с цепи. Ухватив бумажного голубя за крыло, девушка волоком подтащила его к балкону и, упершись обеими руками в дверь, попыталась ее открыть, но тщетно. Створка была заперта на щеколду. Глаза Златы наполнились слезами. Все планы рушились. Надежды на спасение не было. Некоторое время она в бессилии стояла возле бумажной птицы, а потом решилась на отчаянный шаг.

Злата поволокла голубя в другой конец комнаты.

«Только бы удалось спуститься на первый этаж и незаметно выскользнуть с гостями, когда те станут разъезжаться», — как заклинание, повторяла девушка.

К счастью, дверь в детскую была притворена неплотно. После нескольких попыток кукольной красавице удалось приоткрыть ее ровно настолько, чтобы выскользнуть наружу вместе со своей ношей. Злата подошла к самому краю лестничной площадки и осторожно глянула вниз. По случаю торжества в канделябрах горели свечи, но в холле никого не было. Нельзя было терять ни минуты. С замиранием сердца Злата села на бумажного голубя. Днем все казалось легко и просто, теперь же она не могла побороть охватившего ее страха. От высоты кру-

жила голова. Девушка поняла, что чем дольше будет медлить с прыжком, тем труднее будет решиться на безумный полет на утлой бумажной птичке. Злата зажмурилась, оттолкнулась и... почувствовала, что летит.

Открыв глаза, девушка увидела, что парит над холлом. Вдруг ее охватил панический страх. За ней, не мигая, следили два злобных глаза цвета янтаря. Голубь неумолимо снижался. Не осознавая, что делает, Злата на лету соскочила с него и, падая мимо вешалки с ворохом дорогих мантий и шуб, повисла на чьем-то пальто.

Рыжий охотник одним прыжком оказался внизу. Нетерпеливо помахивая хвостом, он переминался на задних лапах, готовясь к нападению. Злата сделала отчаянную попытку вскарабкаться наверх, но тщетно. Бедняжка едва держалась на слабеющих руках.

Кот прыгнул. Пальцы девушки разжались, и она полетела вниз.

Глава двадцать восьмая КОЗЫРНОЙ ТУЗ

Злата приземлилась на что-то мягкое. Было темно, пахло духами и дорогим табаком. «Да ведь я в чьем-то кармане», — осенило девушку.

Она осторожно выглянула наружу. Кот, принюхиваясь, бродил под вешалкой, недоумевая, куда могла подеваться добыча.

«Ищи, ищи, все равно тебе меня не поймать», — подумала Злата и тихонько засмеялась.

Спасение было столь неожиданным, что она не сразу пришла в себя от счастья. Из гостиной доносились голоса и музыка. Злата прислушалась, пытаясь угадать, в чье пальто занесла ее судьба.

Общество было приглашено самое изысканное. После обеда дамы собрались возле рояля, а мужчины сели играть в карты. Среди прочих гостей особым обхождением

выделялся иноземный граф. Человек немолодой и степенный, он умело говорил комплименты дамам и со знанием дела рассуждал о политике с мужчинами.

Когда гости сели за карточный стол, граф поставил на кон такую большую сумму, что все собравшиеся, люди далеко не бедные, были поражены его расточительностью. Проиграв, он с легкостью принял поражение. Крупный выигрыш раззадорил его партнеров. Во второй партии ставки оказались значительно выше. На этот раз счастье улыбнулось графу.

Скоро гости начали разъезжаться. Дворецкий снял с вешалки пальто, где скрывалась Злата. Девушка сжалась в комочек, стараясь стать как можно неприметнее, чтобы ее не обнаружили раньше времени. При мысли, что она навсегда покидает ненавистный дом, сердце Златы радостно трепетало.

Подпрыгивая на булыжной мостовой, экипаж ехал по полутемным улицам ночного города. Холеная мужская рука опустилась в карман, и хозяин пальто, опешив от удивления, вытащил крошечную девушку.

Граф не сразу пришел в себя от потрясения. Злате пришлось объяснить ему, что она была куклой противной хозяйской дочери, прежде чем он поверил, что не бредит.

— Господин граф, я так рада, что оказалась именно у вас. Мне так часто приходилось иметь дело с грубыми простолюдинами. Все они только и думают о том, как бы на мне заработать,— презрительно сморщив носик, сказала Гордячка.— Вы — совсем другое дело. Вы богаты и не станете выставлять меня напоказ, чтобы выманить у публики несколько жалких монет.

— Ни в коем случае. Боже упаси показывать тебя, прелесть моя. Ты права, я богат! Я сказочно богат! — заверил ее граф и раскатисто расхохотался.

Злата была озадачена, когда вельможа не стал подъезжать к дому, а отпустил экипаж, сказав кучеру, что остаток пути хочет пройти пешком. Удивление девушки

еще более возросло, когда граф свернул на узкую грязную улочку, зашел в обшарпанный дом и, поднявшись по скрипучей лестнице, оказался на убогом чердаке.

— Ну вот мы и прибыли. Располагайся,— сказал граф, доставая карманную красавицу.

— Что это? — Злата обвела взглядом неопрятную нищенскую комнатенку и презрительно поморщилась.

— Графские апартаменты,— засмеялся новый хозяин.— Не волнуйся, крошка. Это ненадолго. Сегодня был на редкость удачный день. Я так обчистил карманы этих дураков, что мы с тобой переберемся в более достойное место.

— Разве вы не граф? — в недоумении спросила Злата.

— Граф, но не титулованный,— усмехнулся мнимый вельможа.— Отец мой был ничтожным писаришкой, но он дал мне образование. За изысканность манер друзья наградили меня этой кличкой. Кого только не приходится из себя корчить, чтобы обвести людей вокруг пальца. Я потому и живу в этой дыре, что последние деньги пришлось истратить на платье, достойное богатого господина.

— Так вы просто мошенник! — в гневе воскликнула Злата.

— Да, я был мелким мошенником и карточным шулером,— покорно согласился Граф.— Но я всегда верил, что однажды мне повезет и я вытащу козырную карту. Теперь все пойдет по-другому. С тобой мы сможем проворачивать такие дела, что самые матерые аферисты задохнут от зависти.

— Ну уж нет! От меня вы этого не добьетесь! Лучше быть ярмарочной обезьяной, чем помогать жулику!

— Зачем так грубо, детка,— поморщился Граф.— Думаю, нам не стоит ссориться. Ты — мой козырной туз, и будь спокойна: я тебя из рук не выпущу.

Лицо его искривила недобрая усмешка. Злата поняла, что бунтарством она ничего не добьется. Надо было действовать хитростью.

Глава двадцать девятая ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Граф поместил свою находку в большую банку. Девушка понуро сидела в стеклянной келье, кляня свою горькую судьбу. Даже жизнь на привязи казалась ей вольницей по сравнению с нынешним заточением.

Целыми днями Граф что-то обдумывал, меряя комнату шагами и дымя трубкой. Наконец он объявил:

— Пора приниматься за работу, детка.

— Я не стану никого обманывать, это бесчестно,— упрямо повторила Злата.

— Ну, если говорить о чести, будь спокойна. Мы проведем одного из самых больших пройдох, ростовщика Фартинга. Как говорится, вор у вора украл,— засмеялся Граф.

План Графа был прост и дерзок. У Фартинга был брат-близнец — известный мот и кутила. Внешне они как две капли воды походили друг на друга. Ростовщик боялся — и не без оснований,— что брат воспользуется этим сходством и будет тайком брать из банка его сбережения, поэтому банкиру было строго-настрого наказано выдавать деньги только тому, кто назовет секретный шифр. Поговаривали, что шифр этот столь замысловат, что Фартинг и сам не знает его наизусть и хранит дома в сейфе, с ключом от которого не расстанется ни на минуту.

Истратив почти все выигранные деньги на золотой браслет, Граф положил его в ларец с двойным дном, и пошел закладывать ростовщику. Злата, трясаясь от страха и унижения, сидела в потайном ящичке ларца. Перед тем как впихнуть ее туда, Граф сурово предупредил:

— Все, что от тебя требуется, детка,— это взять листок с шифром и припрятать его в потайном отделении. Завтра я выкуплю заложенный браслет, и ты снова вернешься ко мне. Сделаешь все как надо — больше не будешь сидеть в склянке. Заживешь как королева. Честное слово благородного шулера. Если же нет, я буду закладывать тебя вместе с браслетом до тех пор, пока ты не образумишься.

«А что, если мне открыться Фартингу?» — подумала Злата.

Будто прочитав ее мысли, Граф сказал:

— Кстати, детка, не советую тебе продавать меня Фартингу. Это на редкость жестокий и подлый негодяй. Деньги его пропитаны слезами.

Это была горькая правда. О бессердечии ростовщика ходили легенды. Злата попала из огня да в полымя.

Как и предполагал Граф, ростовщик с удовольствием дал мизерную ссуду за дорогой браслет и спрятал его в сейф. Очутившись в стальном ящике, Злата вышла из своего убежища. Кругом была непроглядная тьма. Девушка зажгла огарочек свечи, которую предусмотрительно припас для нее Граф. Тусклый свет озарил стопки монет и бумажных купюр. Злата присела на пачку банкнот и задумалась о своей горькой участи.

«Не может быть, чтобы все кончилось так печально. Должна же быть на свете справедливость. Нельзя оставлять безнаказанными двух мошенников, обирающих честных людей», — с горечью подумала Злата. И тут у нее зародился план.

Нужно было торопиться. Свеча уже наполовину прогорела. Злата не сразу нашла клочок бумаги, испещренный цифрами и буквами. Вот он, драгоценный шифр! Девушка сунула листок в потайной ящик. Теперь оставалось самое трудное — спрятать туда же браслет. Девушка едва тянула эту тяжелую ношу. Для малютки изящная золотая вещица казалась пудовой гирей. Злата выбилась из сил. Огонек свечи дрожал, готовый вот-вот погаснуть. Девушку охватила паника. Неужели она не успеет? Не обращая внимания на усталость, Злата боролась с неподъемным грузом, пытаясь пропихнуть его в тайник.

Огонек ярко вспыхнул на прощанье, и девушка снова оказалась в кромешной тьме. Раздался легкий шелчок — браслет упал на дно потайного ящика. Злата с облегчением вздохнула, залезла в тесный тайник и, свернувшись калачиком внутри браслета, тихонько прикрыла за собой крышку.

Вечером, освободившись от дел, ростовщик решил взглянуть на принесенный Графом браслет. Вещица была недурна, жаль, если владельцу удастся ее выкупить. Фар-

тинг повернул замок сейфа, открыл тяжелую дверцу, бережно взял бархатную коробку и, поудобнее расположившись в кресле, поднял крышку. Коробка была пуста.

— Что?! Кто?! Как?! — вне себя от страха и возмущения, завопил ростовщик.

Отшвырнув коробку в сторону, он бросился к сейфу и стал судорожно ворошить его содержимое, надеясь, что драгоценность каким-то образом выпала из коробки и закатилась в угол.

Пока Фартинг был занят поисками, Злата выскочила из тайника и, прихватив с собой листок с шифром, лихорадочно заметалась, не зная, куда спрятаться.

— Скорей сюда! — услышала она чей-то голос.

Крошечное лохматое существо подбежало к девушке и, схватив ее за руку, потащило за собой. Едва они успели скрыться за каминной решеткой, как ростовщик повернулся лицом к комнате и, обхватив руками голову, истошно закричал:

— Ограбили!

Глава тридцатая КОРГОРУША

Отдышавшись, Злата оглядела нового знакомого. Росточком он был невелик и походил на взъерошенный обрывок облака с огромными круглыми глазищами.

— Ты кто такой? — спросила Злата.

— Я-то — домовый тутошный, Коргоруша. А ты кто?

— Меня зовут Златой, — ответила девушка и вдруг спохватилась: — Ох, а бумага-то где?

— Какая бумага? Уж не та ли, что на полу валяется? — поинтересовался Коргоруша.

Злата осторожно выглянула из-за каминной решетки, и сердце ее упало.

— Обронила. Все кончено! Теперь Фартинг останется безнаказанным, и все мои труды напрасны,— сокрушалась она.

— Не бойся, мы эту бумажку старому скряге не отдадим,— пообещал ей Коргоруша и храбро побежал прямо к лежавшему на полу листку.

Злата чуть не вскрикнула, потому что в это самое время ростовщик заметил драгоценную записку и тоже направился к ней.

О том, что потом случилось, по городу долго ходили разные толки. Фартинг хотел поднять записку, но та сама собой сорвалась с места и медленно поплыла по комнате. Долетев до канделябра, листок завис над свечой. Словно окаменев, ростовщик вытаращил глаза и молча взирал на происходящее, лишь открывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Когда бумага коснулась уголком пламени и запылала, он пришел в себя и с криком: «Нечистая сила!» — бросился прочь из кабинета.

Кто-то считал, что эта история — чистейшая выдумка и на самом деле ничего подобного случиться не могло, но так или иначе, а с того дня ростовщик вел свои дела честно и даже занялся благотворительностью.

Между тем домовой по потайным лазам и простенкам привел Злату в свои апартаменты. Коргоруша был хозяин домовитый и тащил в свое жилище все, что плохо лежит. Чего тут только не было: и пуговицы, и лоскутки, и наперстки, и даже ложечка от солонки.

Девушка и домовой долго потешались над испугом ростовщика.

— Только не пойму, как же Фартинг тебя не заметил? — недоумевала Злата.

— Ну уморила,— хватаясь за бока, прыснул со смеху Коргоруша.— Где это видано, чтобы человек домового

углядел? Да я могу хоть камаринского перед его носом отплясывать, он и ухом не поведет.

— Так я-то тебя вижу! Что же, я и не человек больше? — растерялась Злата.

Домовой пристально поглядел на нее и объяснил:

— Ты — другое дело. На тебе печать волшебства лежит. Однако соловья баснями не кормят, — спохватился Коргоруша и принялся собирать на стол.

Щедро выложив перед Златой все, что у него имелось, он заварил чаю и, разлив его по наперсткам, служившим ему стаканами, стал потчевать гостью.

— Вдвоем мы славно заживем, — мечтательно произнес домовой, отхлебывая из блюдечка.

— Нет, мне у тебя задерживаться нельзя. Мне надо певца найти, — отказалась Злата.

— Тогда все в порядке. Больше тебе торопиться некуда. Можешь считать, что ты его уже нашла, — просиял Коргоруша.

— Где он? — едва слышно прошептала Злата.

— Он перед тобой, — приосанившись, объявил домовой. — Если надо, я тебе хоть целыми днями петь буду.

— Ну уж нет, лохматый, пой для себя, а я другого певца ишу, — засмеялась Злата.

— Как хочешь, — вздохнул Коргоруша и добавил: — Все равно на ночь глядя идти незачем. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Злата собралась в дорогу еще до свету и попросила домового проводить ее на улицу. Тот нехотя согласился. Они долго кружили и плутали по простенкам, пока наконец снова не оказались в жилище Коргоруши.

— Видать, свернули где-то не там, — в притворном удивлении воскликнул домовой и, с надеждой глянув на Злату, спросил: — А может, все-таки останешься?

— Ах ты плут! Веди меня отсюда сейчас же,— набросилась на него Злата.

— Хорошо,— смиренно согласился домовой.

Они опять пошли блуждать по дому и снова вернулись туда, откуда ушли.

— Совсем забыл, надо тебе на дорогу гостинцев собрать,— засуетился Коргоруша.— Конечно, если ты не передумала. Сама посуди, куда ты пойдешь скитаться, когда здесь место теплое, сухое, и на обед всегда можно с кухни кусок-другой прихватить.

— Да ты в своем ли уме, лохмач растрепанный? Что за радость мне жить в твоей конуре и питаться объедками? Нет уж, мне такого счастья не надо,— презрительно фыркнула Гордячка.

— Ишь ты какая! Ну и уходи, раз так. Можно и в халупе жить припеваючи, а с такой гордячкой, как ты, и дворцу не обрадуешься,— обиженно засопел Коргоруша.

— Так ты что, хотел меня научить нищете радоваться? — язвительно спросила красавица.

— Есть учителя и получше моего,— хитро прищурился домовый и проводил Злату на улицу.

Глава тридцать первая ВАСЯТКА

Занималось утро. Восток подернула предрассветная дымка. Край неба посветлел. Тонкий рожок месяца не торопился покидать небосклона. В воздухе витали самые сладкие утренние сны. Вдруг тишину пронзил задорный крик:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

На заборе сидел тщедушный оборвыш в грязных лохмотьях и, глядя на небо, кукарекал во всю глотку.

— Доброе утро, Васятка. Ты уже за работой? — обратился к нему домовый.

— Да, солнышко зову, а то петуха нету, позвать некому. Вдруг солнышко про нас забудет и не заглянет. Ку-ка-ре-ку!

По бессмысленно блуждающему взору и глуповатой улыбке, не сходящей с полуоткрытых губ оборванца, Злата поняла, что перед ней дурень. В ней шевельнулось невольное отвращение.

— Эй, а дурачок-то тебя видит и слышит.

Злата удивленно обернулась к Коргоруше.

— Васятка — блаженный, Божий человек, а потому видит больше, чем другие, и больше жизнь понимает. Пойди к нему в обучение, может, и тебе истина откроется,— сказал тот.

— Вот еще! У дурака уму-разуму учиться! — фыркнула Гордячка, но домового и след простыл, зато юродивый увидел девушку и потянулся к ней. Глаза его засветились детским счастьем. Он бережно взял кукольную красавицу и посадил себе на ладонь.

— Ой! Никак ко мне радость пришла? Ты — радость.

— Ага, забава для дурака. Пусти сейчас же,— брезгливо поморщившись, попыталась вырваться Злата.

На мгновение лицо Васятки опечалилось, но в этот миг из-за горизонта показался ярко-алый краешек солнца, и веснушчатое лицо блаженного вновь озарилось широкой улыбкой.

— Услышало солнышко. Это я его позвал, но только ты никому не говори. Они не поверят. Они не знают, что кто-то его должен звать, чтобы оно светило всем.

— Ладно, солнышко позвал, а теперь хотелось бы найти что-нибудь поесть,— сказала Злата, которая отчаянно проголодалась.

— Ага, пойдем на базар,— кивнул Васятка и поковылял в сторону рыночной площади.

Увидев, с какой легкостью она может командовать этим дуралеем, Злата ободрилась, рассудив, что не будет худа, если некоторое время он ей послужит. Самой ей путешествовать было небезопасно. Бедняжка была так мала, что боялась быть раздавленной чьим-нибудь неуклюжим башмаком.

Одна нога у паренька была короче другой, и при ходьбе он сильно прихрамывал. Ветхая одежонка, казалось, вот-вот совсем разорвется, но с его лица не сходила улыбка.

«Еще бы ему не радоваться: дуракам счастье,— презрительно подумала Злата.— Ежели меня продаст, то и сыт будет, и наряд справит».

— Ты меня продавать несешь? — сердито спросила она.

— Ты — радость,— вместо ответа засмеялся Васятка. Пришепетывая, он разговаривал сам с собой. Подчас в обрывках фраз Злата не могла уловить никакого смысла.

Она немного помолчала, а потом вновь прервала бесвязный лепет юродивого:

— За деньги, что ли, показывать будешь?

Васятка уставился на нее, как будто силился что-то понять, но, так и не поняв, глуповато улыбнулся и пошел дальше, продолжая бессмысленную болтовню. Злата решила, что от дурня толку все равно не добьешься, но не опечалилась. Ей случалось выбираться из куда более серьезных переделок, а уж дурачка она вокруг пальца обведет. Подходя к базару, блаженный аккуратно посадил ее за пазуху.

— Здесь тебя никто не увидит. Солнышко — всем на радость, а ты — кому на радость, а злым людям — на зависть. Тс-с.— Он прижал палец к губам.

— Так ты не хочешь на мне заработать? Как же ты раздобудешь еду? — удивилась Злата.

— Люди — добрые, и звери — добрые. Все добрые. Волчица свирепая деток кормит, детки лапастятся: добрая волчица, добрая...

Какой-то торговец дал юродивому монетку. Васятка, приоткрыв ворот рваной рубашки, показал денежку Злате, чтобы и она могла полюбоваться.

— Блестит! Глянь, блестит! — как ребенок, радовался он, вертя монету на солнце.

Злата прикинула, что этого им хватит на хлеб и полхлебку, но, к ее разочарованию, дуралей уже наигрался с денежкой и сунул ее в руки прохожему.

— Ты что наделал? Зачем ты отдал монету? — отчитала его Злата.

Видя, что девушка рассердилась, Васятка искренне огорчился:

— Она красивая, блестит. Ты любишь, когда блестит?

— Я люблю, когда я сыта. У меня от голода в голове мутится,— ответила Злата с досадой.

Юродивый засмеялся:

— Нет, ее нельзя есть. Она блестит, и все.— Он развел руками.

Вдруг Злата вспомнила слова гномов: «Люди часто ценят вещи не по их истинной стоимости, а по цене, которую сами же и придумали». Она посмотрела на Васятку другими глазами. Вот и домовый говорил о нем уважительно. Кто знает, может быть, перед этим странным пареньком открыта тайна истинных ценностей?

Васятка не просил милостыни, он просто шел и улыбался всему миру. В его улыбке было столько открытости и доброты, что люди сами подходили к нему и дарили гостинцы. Он принимал их, а пройдя немного, отдавал

другим нищим, оставив себе, в конце концов, лишь лепешку и яблоко.

Наконец он присел под пропыленными придорожными кустами, опустил Злату на траву и, покروшив немного хлеба птицам, остальное выложил перед ней. Девушка отломала кусочек лепешки и стала есть. Васятка молча смотрел на нее.

— Что же ты не ешь? Ешь.— Злата показала на лепешку.

— Ты хорошая. Ты — радость,— в который раз повторил блаженный и тихонько засмеялся, так и не прилагиваясь к еде.

За те несколько дней, что Злата скиталась, сидя за пазухой у Васятки, она привязалась к своему странному спутнику. Они спали под звездным небом, жили подаванием и питались милостыней, но ее гордыня молчала, и впервые за долгое время хлеб был девушке сладок. Злата заставила Васятку обойти все ярмарки и балаганы, где только можно было встретить музыкантов, но все напрасно. Однажды в бессвязном лепете юродивого Злата услышала нечто такое, что заставило ее прислушаться:

— Ищешь, ищешь — не найдешь. Где музыкант? Музыканта больше нету!

— Что ты сказал? — воскликнула Злата, но больше не добила от Васятки ни слова.

Предсказание глубоко ранило Злату. Теперь ей некого было искать и нечего ждать. Непокорная бунтарка смирилась и таяла день ото дня. Она не переставала удивляться своему спутнику. Убогий, оборванный, полуголодный, он искренне радовался и солнцу и дождю, а глаза его всегда сияли счастьем. Только однажды на шумной улице он вдруг чего-то испугался. Увидев деловито снующих людей с озабоченными лицами, в которых не было ни тени радости, он закрыл голову руками и застонал:

— Страшно! Слепые. Кругом слепые...— Его речь перешла в сбивчивые восклицания.

— Не бойся, погляди, все зрячие,— пыталась успокоить его Злата, но он будто не слышал ее:

— Прозрейте, слепцы! Возрадуйтесь! Вы — живете!..

Его голос перешел в отчаянный крик. Вокруг собралась толпа. Тотчас, словно из-под земли, появился городской.

— Что за беспорядок! — рявкнул он и, увидев бессвязно бормочущего и всхлипывающего дурачка, замахнулся на него нагайкой.

— Не трогайте его! — воскликнула Злата, высунувшись из-за пазухи рваной рубахи, и распахнула руки, словно она могла защитить плачущего Васятку.

— Чур меня! — перекрестившись, отступил городской.

— Чудо! Чудо! — пронеслось по толпе.

В умишке городского лихорадочно суетились темные мысли. Конечно, такая находка чего-нибудь да стоит. Не будь он раззявой да снеси ее во дворец, глядишь, и повышение по службе получить можно. А что, если за этакую редкость его полковником сделают, а то бери выше: генерал-губернатора дадут? Городовой представил себя в расшитом золотом мундире с генеральской лентой через плечо и протянул ручищу:

— А ну-ка, дай сюда свою финтифлюшку.

— Нет, она — радость. Радость нельзя отдать,— затряс головой Васятка.

— Молчать!! — взревел городской и потной пятерней вырвал крошечную девушку у паренька.

— Отдай! Нельзя отнимать радость.— Слезы текли по щекам Васятки.

Он кинулся за Златой, но городской оттолкнул его в сторону:

— Пшел вон!

Паренек упал на пыльную мостовую. По толпе прошел ропот, но никто не решился перечить представителю власти.

— Не плачь, мой милый дурачок,— крикнула Злата Васятке.— Я не стою твоих слез. В тот миг, когда я стала гордячкой, я перестала быть радостью.— Девушка в мольбе протянула руки к толпе: — Люди, прошу вас, позаботьтесь о нем.

Эта невеличка, ростом с мизинец, внушала благоговейный трепет и уважение. Тотчас из толпы к Васятке протянулись руки. Кто-то поднял его, кто-то стал отряхивать от пыли, кто-то протянул кусок хлеба.

— Отдайте мне радость! — навзрыд плакал паренек.

Лучистые глаза Златы были тоже полны слез, но она с напускной веселостью сказала:

— Не плачь. Погляди на солнце. Вот тебе радость. Да смотри не забывай его звать, чтобы оно светило всем.

Городовой сунул ее в карман, и Злата больше не видела Васятку, проливающего горькие слезы по утерянной радости.

Глава тридцать вторая РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ!

Во дворце царила суматоха. Принц возвращался домой из дальних странствий. Со всех концов страны собрались лучшие певцы, танцоры и музыканты. Придворные красавицы шили новые наряды и разучивали модные танцы.

Раньше принц любил шумные развлечения. Правда, он уехал путешествовать в глубокой печали, но время — лучший лекарь, и все были уверены, что к юноше вернулись прежние веселье и беззаботность.

Генерал-губернатору доложили, что какой-то городской с самого утра добивается с ним встречи и твердит, что у него дело государственной важности. Сановник нехотя принял служаку. Перед приездом королевского наследника и так было работы хоть отбавляй.

— Ты говоришь, у тебя ко мне чрезвычайное дело? — спросил генерал, не глядя на посетителя.

— Так точно! — рявкнул городской, вытягиваясь в струнку. — Разрешите доложить, у меня имеется невиданная диковинка в подарок его высочеству.

— Что за диковинка? — поинтересовался генерал, сосредоточенно подтачивая пилочкой холеные ногти.

— Разрешите доложить, девушка ростом с мизинец, — бойко отпартовал городской.

Генерал-губернатор оторвался от своего занятия и, подняв глаза на городского, спросил:

— Ростом с мизинец? Да уж не пьян ли ты, любезный?

— Никак нет, ваше благородие!

— Ну и где же твоя диковинка?

Городовой замялся. Отдать девчонку задаром — дело нехитрое, прежде надо награду выторговать.

— Разрешите доложить, ваше благородие, не щадя живота своего, чудеса храбрости невиданной выказал, а девчонку достал, — доложил служака.

Генерал-губернатор усмехнулся:

— И какую ты награду за нее хочешь?

— По службе повышения и орден за отвагу, ваше благородие!

— А не много ли будет?

— Никак нет! Ведь истинный героизм проявил ради его высочества, — не моргнув глазом выпалил городской.

— Что ж, покажешь диковинку — поговорим о награде, — кивнул сановник.

Городовой сунул руку в карман и побледнел: девчонка исчезла. Генерал нетерпеливо постукивал пальцами по

столу, пока городской один за другим обшаривал карманы, выворачивая их наизнанку. Пот градом катился по его толстым щекам. Вдруг в подкладке шинели ретивный служака обнаружил маленькую дырочку.

— Не могла же она выпасть? Да она бы и не пролезла,— в испуге выпучив глаза, вслух размышлял он.

— Ты что, шутки со мной шутить?! — багровея, рывкнул генерал-губернатор.

Городовой сразу сник и попятился к двери.

— Стража! — Сановник громко позвонил в колокольчик.— Гоните взащей этого мерзавца, да прежде насыпьте ему двадцать ударов плетью, чтоб впредь неповадно было паясничать.

В это время один из придворных, спеша по коридору, заметил на полу какую-то золотую безделушку. Нагнувшись, он поднял находку и застыл в изумлении. В руках у него была крохотная золотоволосая девушка. Бедняжка была без сознания.

— Боже, какая прелесть! — воскликнул вельможа и поспешил к королю.

Глава тридцать третья КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

За время скитаний принц сильно изменился. Он объездил много стран, пытаясь забыть околдовавшую его красавицу, но так и не смог вычеркнуть ее из памяти. Стоило юноше закрыть глаза, как образ златовласки возникал перед ним. Иногда юноше снились странные сны. Он видел девушку то в лапах отвратительного великана, то в объятой пламенем пещере, то в заколдованном лесу. Каждый раз принц в ужасе просыпался и целыми днями не находил себе места.

Веселые пирушки не отвлекали его от печальных дум. Чтобы хоть как-то забыться, он занялся науками и на удивление преуспел в них. Целые дни юноша проводил над серьезными книгами или в беседах с учеными мужами, а по ночам образ прекрасной девушки вновь всплывал перед ним.

Поняв, что от наваждения ему не избавиться, принц решил положить к ногам гордой красавицы корону и возвратиться во дворец с невестой. Переступив границу родного королевства, юноша поспешил в маленький городок недалеко от столицы, где жила его возлюбленная. Казалось, у его коня выросли крылья, он мчался словно птица. Свита не могла угнаться за пылким юношей. Разгоряченный быстрой ездой и счастливый от предстоящей встречи, принц вбежал в бакалейную лавку.

Здесь все было по-новому. Потеряв дочь, бакалейщик заболел от горя. Дело его пришло в упадок, и лавка была продана другому владельцу, а сам старик жил в каморке на чердаке. Он не больше, чем принц, ведал, где искать Злату.

Убитый горем, юноша вернулся во дворец. Узнав, что по случаю его приезда состоится грандиозное пиршество, он грустно улыбнулся:

— Пусть будет бал. Я не хочу лишать вас веселья, друзья мои, но позвольте мне провести этот вечер в уединении. Радость и счастье ушли с моей дороги, и я не хочу омрачать праздника другим.

— Мальчик мой,— обратился к нему король.— Мы приготовили для тебя сюрприз. Может, он немного развлечет тебя. Ручаюсь, такой чудной диковинки тебе не приходилось встречать ни в одной стране.

Юноше было не до сюрпризов, но он решил не огорчать отца.

— Что ж, я с удовольствием взгляну на диковинку,— согласно кивнул он.

Король в сопровождении свиты придворных торжественно повел принца в его апартаменты.

Глава тридцать четвертая

ПЫЛЬ У НОГ

На столе в комнате принца установили искусно вырезанный из слоновой кости дворец, поселив в нем золотоволосую красавицу. Кроха была так прекрасна, что сама казалась произведением искусства. Полюбовавшись на приготовленный подарок, придворные удалились. Им было невдомек, что девушка тает уже не по дням, а по минутам. Близился конец.

«Как все странно устроено в этом мире,— думала Злата.— Истинная красота открылась мне в безобразном горбуне-барде, а городской дурачок оказался мудрее многих умников. Я искала того, кого сама прогнала. Я была уверена, что я лучше всех, а теперь должна стать пылью под ногами других. Но мне все равно. Моего музыканта больше нет».

Из окна падал солнечный луч, в котором мирно плавали пылинки. Легкие и невесомые, они не знали ни бед, ни забот. Как было бы хорошо так же, как они, парить над землей в золотом луче. Злата расправила руки и вдруг, к своему удивлению, вспорхнула и полетела. Прозрачная и невесомая, она плыла в воздухе, удивляясь своей легкости. Она начала плавно снижаться, пока наконец не опустилась на пол, став пылью у ног других.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел принц. Игрушечный дворец был пуст.

— Где же ваша диковинка? — спросил юноша.

Король и придворные в недоумении переглянулись и кинулись искать пропажу.

С улицы налетел озорной ветерок. Он раздул занавеску, зачерпнул с пола пригоршню пылинок и игриво подбросил их в воздух. Злата вновь испытала радость полета. Она парила, поднимаясь все выше и выше. Вдруг пылинка попала в глаз принцу. В тот же миг воспоминание о золотоволосой красавице вспыхнуло в нем с новой силой. По щеке юноши покатилась слеза. Она

упала на пол, и вдруг... откуда ни возьмись перед принцем появилась гордая дочь бакалейщика.

— Как?! Вы здесь?! — в недоумении воскликнул принц и, повернувшись к ошарашенному отцу, впервые за долгие месяцы рассмеялся: — Что же вы мне сразу не сказали, что за сюрприз меня ждет! Благодарю тебя, отец! Большого подарка ты мне не мог бы сделать!

Сбитые с толку, король и придворные в изумлении глядели на волшебную красавицу. Сияя от счастья, принц провозгласил:

— Сегодня будет бал! Я хочу, чтобы все видели ту, которой я навеки отдал свое сердце.

Юноша взял Злату за руку. Влюбленные смотрели друг на друга, позабыв обо всем на свете. Король понял, что он здесь лишний. Поманив за собой придворных, он вместе со свитой тихонько удалился.

— Я хочу положить к твоим ногам корону, гордая красавица. Согласна ли ты выйти за меня замуж? — пылко произнес юноша.

Злата не знала, что и думать. Все произошло так неожиданно. Вместо бродячего музыканта перед ней стоял красавец принц. Она уже давно отдала ему свое сердце, но вдруг ей вспомнилась песня барда, и девушка едва слышно прошептала:

— Я недостойна тебя, мой принц.

Злата поведала возлюбленному обо всем, что с ней случилось, не утаив ни своих унижений, ни поступков, вспоминая о которых она сгорала от стыда.

— Теперь ты видишь, что полюбил не меня, а образ, выдуманный тобой,— печально завершила она свой рассказ.

— И, кажется, не ошибся,— улыбнулся принц.— Я полюбил твое лицо, но душа твоя так же прекрасна. Я никогда не встречал девушки, похожей на тебя. За это время мы оба стали другими. Ты даже не подозреваешь, как изменила всю мою жизнь. И я вновь повторяю свой вопрос: согласна ли ты выйти за меня замуж?

— Да.

В этот миг из-за портьеры появилась незнакомка с суровым, неприветливым лицом. На кожаном пояске, что обтягивал ее талию, висели остро наточенные ножицы.

— Воркуете, голубки? — криво усмехнулась она.

— Кто вы? И как сюда попали? — спросил принц.

— Я — ее судьба.— Незнакомка ткнула в Злату крючковатым пальцем.

Принца охватило необъяснимое предчувствие беды. Он обнял девушку за плечи, загородив от старухи, будто это могло уберечь ее от неведомой опасности. Незванная гостья обратилась Злате:

— Ты сумела победить гордыню. Все прежние добродетели вернутся к тебе. Вон и юноша говорит, что душу

твою полюбил.— Старая карга захихикала, а потом, резко оборвав смех, отрезала: — Врет он! Ему нужна только твоя красота, и ничего больше.

— Неправда! — выкрикнул принц.

— Вот как? Это мы быстро проверим.— Злыдня бросила в золотоволосую красавицу пригоршню черного, словно сажа, порошка. Тот на мгновение облаком окутал девушку, а когда рассеялся, перед принцем стояла веснушчатая дурнушка с волосами тусклыми, как прелая солома.

Принц невольно отступил, но в следующее мгновение твердо произнес:

— Никто и ничто не помешает нам быть вместе.

Легко сказать — но трудно сделать. Потекли долгие мучительные дни. Привыкнуть к новому облику возлюбленной оказалось гораздо труднее, чем думал принц. Он с нетерпением ожидал встреч с ней, но стоило ему увидеть невзрачное создание с жиденькими волосенками, как сердце его сжималось, и ему с трудом удавалось скрыть свое разочарование. Днем принц изобретал разные предлоги, чтобы не видеться с нареченной, зато с наступлением вечера они долго сумерничали в потемках. Им всегда было о чем говорить. Ни с кем принцу не было так легко, как с этой странной девушкой, и никто не понимал его лучше. С каждым днем юноша все больше и больше влюблялся в Злату и все сильнее чувствовал свою вину перед ней. Прежний образ девушки днем и ночью преследовал его, не давая покоя.

Накануне праздника, назначенного в честь помолвки принца и Златы, влюбленные, как всегда, сидели в потемках и разговаривали.

— Мой принц, я знаю, что мучает тебя,— вдруг сказала девушка.— Я — недостойна быть твоей женой, но ты слишком добр и благороден, чтобы признаться в этом.

Отмени завтрашнюю помолвку. Женись на той, которая будет тебе парой и сможет блистать во дворце.

— Но мне нужна только ты! — воскликнул принц.

— Нет. Если я понадоблюсь, то буду рядом, но не как жена, а как тень твоя,— смиренно произнесла Злата.

В темноте юноша не мог видеть лица девушки. Он провел рукой по ее щеке, и ладонь стала мокрой от слез.

— Ничего ты не понимаешь,— покачал головой принц.— Разве может быть счастлив тот, кто любит тень?

Вдруг раздался далекий звон бубенцов. Комната озарилась светом, и посреди нее появилась фея с веретенцем на пояске.

— Крестная? — удивилась Злата.

Доля поманила девушку за собой:

— Я пришла, чтобы увести тебя, дитя мое. Ты достаточно страдала и заслужила покой. Пойдем со мной, ты забудешь обо всем и вновь станешь счастлива.

Принц подскочил к Злате и крепко прижал ее к себе:

— Не уходи! Я ни за что не отдам тебя!

— Не упрямься. Ты все равно не сможешь полюбить ее такой, какая она есть,— грустно сказала Доля.

Принц понурил голову:

— Я совсем запутался. Я не могу жить без нее — и не могу забыть ее прежний облик. Что же мне делать?!

От стены бесшумно отделилась зловещая фигура Злыдни.

— Я верну красоту девчонке, но за это ты должен заплатить дорогой ценой,— пообещала она.

— Я готов отдать все: трон, корону, казну!

— Богатства да почести мне ни к чему. Отдай мне свое зрение,— проскрипела старуха и выжидающе уставилась на принца.

Юноша отшатнулся.

— Нет! Я не хочу этого! — воскликнула Злата.

Принц молчал. Плата была слишком велика. Он посмотрел в окно на бушующий красками солнечный мир, а потом твердо сказал:

— Человек может прожить без зрения, но без сердца умрет. Мое сердце принадлежит Злате, и лишь глаза виной тому, что я не в ладу с самим собой. Я согласен!

— Будь по сему! — Злыдня шелкнула ножницами и исчезла. В тот же миг Злата вновь стала божественно красивой. Последнее, что увидел принц перед тем, как на него опустилась темнота, было ее необыкновенно прекрасное лицо в ореоле золотых волос.

— За что?! — зарыдала Злата и бросилась к Доле: — Крестная, где же ваше волшебство! Я ненавижу свою красоту! Она несет только беды и страдания. Верните принцу зрение! Я готова отдать за это все!

Доля ласково погладила девушку по щеке.

— Я вижу, вы действительно любите друг друга и достойны счастья, — сказала фея. — Я хочу сделать тебе свадебный подарок, но даже волшебники не всесильны. Я могу совершить для тебя только одно чудо, милая крестница.

— Так совершите же его поскорее, дорогая крестная, — взмолилась Злата, и в глазах ее загорелся огонек надежды.

Лицо суденицы помрачнело, а глаза наполнились печалью.

— Не спеши радоваться. Ты не знаешь всей правды. С тех пор как ты переступила порог алмазной штольни, над тобой тяготеет заклятие гномов. Я хотела избавить тебя от него, но, вернув твоему возлюбленному зрение, не смогу этого сделать.

— Ах, милая крестная! Мой принц — это самое дорогое, что у меня есть. Рядом с ним я ничего не боюсь, — сказала Злата.

— Будь по-твоему, — кивнула фея. — Я от всей души желаю вам счастья.

Она взмахнула руками, и в воздухе заплясали мириады искорок. Они вспыхивали, гасли и снова загорались, словно фантастический фейерверк. Когда последняя звездочка исчезла, принц прозрел.

Принц и Злата сидели, взявшись за руки, и не могли наглядеться друг на друга. Счастье казалось им вечным, а заклятие гномов — пустой выдумкой. Все радовались, что у этой истории хороший конец.

НО ЧТО ТАКОЕ КОНЕЦ? ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО ЧЕГО-ТО НОВОГО...

Часть вторая ЗАКЛЯТИЕ ГНОМОВ

Глава первая СГУСТИТЕСЬ, ТУЧИ КОЛДОВСТВА

Помолвка принца с дочерью простого бакалейщика Златой вызвала бурю толков и пересудов. Все королевство от дворцов до лачуг гудело, как потревоженный улей. Простой люд ликовал, зная негодовала. Согласие короля на свадьбу сына с простолюдинкой вызвало недоумение, но, когда девушка появилась в свете, даже самые ярые противники неравных браков пришли от нее в восторг. Никто не мог противиться ее очарованию. Скоро графы, герцоги, бароны были без ума от бывшей бакалейщицы и, что греха таить, завидовали жениху. Знатные дамы поначалу приняли «простушку» настороженно, но при-

ветливость и искренность девушки завоевали даже самые неприступные сердца.

Принц и Злата были счастливы. Во дворце царило хорошее настроение. Все жили ожиданием праздника. Никто не знал, что...

...Далеко в горах, в мрачной пещере, называвшейся Лисьей Норой, курился дым, варилось зелье, и носилась вокруг закопченного котла юркая старушенция, пытаясь разрушить счастье влюбленных. Она растолкла в ступке скорлупу от змеиных яиц, добавила три капли крокодиловых слез, щепотку пыльцы с крыльев бабочки со зловещим названием Мертвая голова и высыпала все это в варево. Зелье зашипело, как потревоженная гадюка, над котлом взвился столб зеленоватого пара, и старуха произнесла заклинание:

Сгуститесь, тучи колдовства,
Пусть зло войдет в свои права.
И ясным днем пусть грянет гром
Над девой с ангельским лицом.

Неожиданно пар осел, а огонь под котлом погас.

Который раз Ведунья пробовала добраться до Златы колдовством, но все напрасно. Старуха в бешенстве забежала вокруг очага, спугнув сидящего на оленьих рогах филина.

— Ох-ох-хо! — заохал филин.

— То-то и оно, что ох! — сердито воскликнула колдунья. — Нет мне покоя от этой девчонки. Вконец меня извела.

— Ха-ха-ха! Кто кого? — насмешливо произнес филин.

— Она меня, конечно. Ей хоть бы что. Живет и радуется, а я так вся измучилась, ни сна, ни отдыха не знаю, ворожу, а все без толку, — ярилась Ведунья.

— Отступиш-ш-шься — успокоиш-ш-шься, — прошипела змея.

Оббившись вокруг помела, она мерно раскачивалась из стороны в сторону.

— Цыц! Тоже мне, учителя нашлись. Никакой у вас цели нет в жизни. Сыты, над головой не каплет — и довольны. А мне большего хочется. Сейчас я кто? Незаметная колдунья. На шабаш и то не всегда зовут. А если бы мне удалось душу этой девчонки заполучить, тогда другое дело.— Старуха мечтательно закатила глаза, и ее остренький нос задергался, как у лисицы, чующей добычу.— Я сразу стала бы госпожой Ведьмой. Вся мелкая нечисть передо мной бы лебезила, а я бы кочевряжилась, кому ручку для поцелуя дать, кого взащей прогнать.

Ведунья достала из матерчатого ридикюля кусочек угля.

— Если заклятие гномов сработает, девчонка за этот уголек душу как миленькая отдаст. Только вот беда, никакого в ней изъяна, одни достоинства, аж противно.

— Это хорош-ш-шо. Такая душ-ш-ша неде-ш-шево стоит,— прошипела змея.

Старуха согласно закивала:

— Конечно, чем чище душа, тем выше я получу звание, только что толку, если красotka такая паинька, что на нее и заклятие не навлечешь. Кому сказать, даже колдовство ее не берет.

— Ух, ху-худо,— ухнул филин.

— Куда уж хуже! — закричала Ведунья.— Мне бы хоть какую-нибудь лазейку к девчонке найти, но у нее и врагов-то нет.

Впрочем, тут Ведунья ошибалась.

Глава вторая ЧЕРНАЯ ГЕРЦОГИНЯ

Если бы Ведунья из Лисьей Норы заглянула во дворец самого богатого и влиятельного герцога, она нашла бы там то, что искала.

Дочь герцога, Агнесса, слыла первой красавицей королевства и считалась самой завидной невестой. Где бы она ни появлялась, за ней следовала толпа поклонников. Черные как вороново крыло волосы придавали лицу юной герцогини загадочность, а богатство отца помогало забыть о ее капризном и взбалмошном характере. В свои восемнадцать лет Агнесса была уверена, что мир существует лишь для исполнения ее прихотей. При дворе ее звали Блистательной, а за глаза величали Черной герцогиней. Впрочем, это прозвище ей льстило. Единственным увлечением юной герцогини была черная магия. Поздними вечерами в доме герцога собиралась золотая молодежь гадать и вызывать духов. У Агнессы было все, кроме трона, но она не сомневалась, что придет день, и она станет королевой, тем более что когда-то принц оказывал ей знаки внимания. И вот однажды явилась какая-то выскочка бакалейщица и все разрушила.

Придворные словно с ума посходили и только и говорили о достоинствах этой простолюдинки. Во дворце стали каждую неделю устраивать вечера и танцы, и вся молодежь устремилась туда, оставив юную герцогиню наедине с талмудами по магии. Конечно, Агнессу тоже приглашали в королевский дворец, но она не желала сидеть за одним столом с грязной торговкой. Предательницы-подруги наперебой расхваливали избранницу принца, восхищаясь ее скромностью, тактом и изысканным вкусом. И что все нашли в этой нищенке?

Сначала герцогиня не приняла соперницу всерьез, но шли дни, Злата все больше очаровывала королевский двор, и Агнесса поняла, что, оставаясь в стороне, ничего не добьется. Настало время бросить сопернице вызов.

В тот день придворная красавица была особенно придиричива к своей внешности. Служанки долго растирали

госпожу кремами и бальзамами, напомаживали и нарумянивали. Цирюльник полдня бился с ее густыми волосами, закручивая их и укладывая в локоны по моде. Из-за границы было выписано новое платье, а драгоценности стоили больше, чем сорок экипажей. Наконец красавица осмотрела себя в зеркало и осталась довольна. Никогда еще Блистательная герцогиня не была так великолепна.

Когда Агнесса приехала во дворец, танцы уже начались. Принц вальсировал с невестой. Увидев соперницу, герцогиня всем сердцем возненавидела ее. «Высочка» и впрямь была хороша. Ей не нужны были ни румяна, ни пудра, а золотых волос, лавиной струящихся по плечам, не касалась рука парикмахера.

Заметив новую гостью, танцующие остановились. Юную герцогиню не ждали, и ее приезд вызвал замешательство. По залу прошел ропот. Принц под руку с невестой поспешил навстречу вновь прибывшей.

— Вот так сюрприз! — воскликнул он. — Агнесса, что-то вы совсем забыли нас и не бываете во дворце!

Юная герцогиня одарила принца ослепительной улыбкой и, бросив на Злату презрительный взгляд, произнесла:

— С некоторых пор, ваше высочество, во дворце витает запах, как в дешевой бакалейной лавке. Не понимаю, почему вы предпочли его аромату дорогих духов?

В зале повисла неловкая тишина. От незаслуженной обиды у Златы к горлу подкатил комок. Бунтарский дух проснулся в золотоволосой бакалейщице и, прежде чем она сообразила, что делает и к чему это может привести, девушка выпалила с присущей ей прямоотой:

— Потому что его высочество не любит фальшивых локонов.

Придворная красавица остолбенела от такой наглости. Она привыкла к поклонению и подчинению. Свою бестактность она считала искренностью, а злые остроты —

милыми шутками. Никто не смел дерзить или перечить ей. Герцогиня полохнула на Злату взглядом, полным неприкрытой ненависти.

— Неотесанная мужланка! Никакая внешность не заменит воспитания.

— Глядя на вас, я это понимаю,— спокойно парировала Злата.

Принц не смог скрыть улыбки. Остальные тоже едва сдерживали смех.

Агнесса повернулась и опрометью выскочила из зала. Принц с интересом посмотрел на свою невесту:

— Я вижу, ты не дашь себя в обиду.

— Что толку? Лучше бы мне промолчать, а теперь я приобрела врага,— огорчилась Злата.

Девушка и не знала, что враг у нее появился в тот самый миг, когда принц сделал ей предложение.

Глава третья ГАДАНИЕ

Вернувшись домой, юная герцогиня дала волю своему бешенству. Она надавала пощечин служанке, которая не слишком расторопно помогала ей раздеваться, бросила бронзовый подсвечник в гувернантку, которая попыталась утешить «взволнованное дитя», и, хлопнув дверью, закрылась в своих покоях. Не находя себе места, Агнесса то, как разъяренный зверь, ходила из угла в угол, то бросалась на кушетку и безутешно рыдала. Наконец она успокоилась и подошла к зеркалу. Глаза ее припухли от слез, а волосы растрепались. Сейчас она совсем не походила на блистательную даму из высшего света.

— Эта мерзавка мне за все заплатит. Не хватало еще, чтобы от переживаний у меня испортился цвет лица,— процедила герцогиня, припудривая хорошенький носик.

Вернув прежнее самообладание, Агнесса позвонила в колокольчик. Служанка тотчас явилась на зов.

— Прикажи кучеру съездить в табор да привезти ко мне цыганку, ту, что так хорошо гадает по картам. И пусть поторапливается, а не трактиры пересчитывает,— повелела госпожа.

В ожидании гадалки время тянулось нестерпимо медленно. Агнесса пыталась читать роман, но мысли ее были далеко. То и дело ей слышался звук подъезжающего экипажа, и она бросалась к окну.

Не успела гадалка переступить порог покоев и склониться в поклоне, как герцогиня нетерпеливо приказала:

— Кланяться потом будешь. Гадай! Я хочу знать, буду ли я королевой!

Цыганка достала из-под цветастого платка колоду карт и раскинула их на столе. Увидев, что рядом с червовым королем выпала бубновая дама, герцогиня побледнела и, не дав гадалке произнести ни слова, в бешенстве смешала карты на столе в кучу.

— Твои карты лгут! — воскликнула она.

Седовласая цыганка молча склонила голову в почтительном поклоне. Она много пожила и знала, что сильным мира сего не стоит перечить, особенно когда они в гневе. Успокоившись, Агнесса спросила:

— Как мне вернуть принца? Мне нужен трон.

— Есть у меня приворотное зелье. Если три дня кряду давать его принцу на утренней заре, он перед тобой не устоит, яхонтовая,— пообещала цыганка.

— Ты в своем уме? Как я буду принцу на заре зелье давать? Разве только повара подкупить,— задумалась герцогиня, но, отмахнувшись от этой мысли, приказала: — Говори, какое еще средство знаешь.

— Можно булавку зашить в корсет невесты, чтобы принц от нее отказался. Или лепешку им дать с отворотной травой. Как съедят — тотчас повздорят.

Чем больше герцогиня слушала рецепты ворожбы, тем больше впадала в отчаяние. Все они были невыполнимы. Она приказала гадалке еще раз раскинуть карты, и снова, словно в насмешку, червовый король и бубновая дама встали рядом.

День близился к ночи, когда Агнесса прогнала цыганку прочь. Багрянец заката разлился над городом. Он полыхал над дворцами и лачугами, в равной мере одаривая их красотой и предвещая наутро хорошую погоду. Постепенно последние красноватые росчерки закатных лучей угасли. Ночь накрыла город темным покрывалом. В окнах погасли огни. Только часовые

стояли на страже, да время от времени, постукивая колотушками, по улицам бродили сторожа, охраняя покой горожан.

Юная герцогиня была мрачнее тучи, но она твердо решила, что не отступится. Чувство мести жгло ее неистребимым пламенем.

«Интересно, как у меня лягут карты?» — подумала Агнесса и достала новую колоду. Подражая цыганке, она принялась раскладывать карты на столе. Вот король червей. Герцогиня помедлила, прежде чем достать следующую карту, а потом медленно перевернула ее. Это была ненавистная дама.

— Если я не могу заполучить принца и корону добром, пусть мне помогут силы зла! — с досадой воскликнула Агнесса, швырнув оставшуюся в руке колоду на стол. Пиковый туз, предвестник беды, упал поверх дамы бубей.

Герцогиня в благоговейном страхе уставилась на карты. Что это: случайность или знамение? Она собрала карты, перетасовала их и стала по одной открывать. Король, дама... пиковый туз!

Пальцы у юной герцогини дрожали, она огляделась вокруг и, стараясь придать голосу твердость, произнесла:

— Темные силы, если вы слышите меня, дайте знак.

Агнесса замерла. Она ожидала, что повалит черный дым, запахнет серой, посыплется сноп искр, но ничего подобного не произошло. Герцогиня была глубоко разочарована, хотя, признаться, испытывала и облегчение.

«Наверное, карты выпали случайно», — вздохнула она и, чтобы убедиться, разложила их в последний раз. Дама выпала первой, следом за ней — пиковый туз, затем еще один и еще... Агнессе стало по-настоящему

страшно, но она как заведенная продолжала перекладывать карты. В колоде оказалась одна бубновая дама и пятьдесят три пиковых туза. Теперь герцогиня не сомневалась, что разбудила силы зла.

Глава четвертая СГОВОР

Юная герцогиня не знала, радоваться ей или печалиться. Колдовство пугало и манило ее, как манит мотылька смертельная игра пламени свечи. Постепенно Агнесса взяла себя в руки, и мысли ее снова вернулись к бакалейщице.

— Что ж, если мне покровительствуют силы зла, значит, я вольна делать все, даже убить эту змею,— в ярости прошептала придворная красавица.— Немного яда в бокале бакалейщицы — и свадьбе не бывать.

Чем больше герцогиня об этом думала, тем больше ей казалось, что это единственный выход.

Часы пробили полночь. За тяжелой портьерой слышался шорох и покашливание.

— Кто там? — прошептала герцогиня, стараясь не выдать охватившего ее страха.

Вглядываясь в темноту комнаты, она как за спасительную соломинку ухватилась за бронзовый подсвечник. Портьера зашевелилась, и из-за нее появилась юркая сухонькая старушенция.

Герцогиня хотела закричать, но, как в кошмарном сне, голос не повиновался ей. Между тем старуха исчезла и тут же появилась вновь, только гораздо ближе. Агнесса, не осознавая, что делает, схватила колокольчик и стала трезвонить, чтобы вызвать прислугу, но старуха и ухом не повела. Хитро прищурившись, она буравила герцогиню взглядом.

— Зря суетишься, милочка. Все одно тебя не услышат,— хихикнула нежданная гостья.— Ты ведь сама просила помощи. Я могу тебе хорошую службу сослужить.

Старуха опять растворилась в воздухе, и не успела Агнесса глазом моргнуть, как Ведунья стояла уже рядом с ней и назидательно говорила:

— Яд, конечно, средство проверенное, только ведь не ровен час докопаются, кто насыпал порошок в бокал девчонке.

При этих словах герцогиня побледнела, а старуха заговорщицки подмигнула:

— Чего дрожишь, милочка? От меня не утаишься. Я все думки и мыслишки знаю. На то я и Ведунья из Лисьей Норы. Только тебе опасаться нечего. Будешь меня слушать — мы твою соперницу и без яда со свету сживем. Комар носу не подточит. Ты снова станешь первой красавицей при дворе. А там и корону к рукам приберешь.

Герцогиня ответила не сразу. Что и говорить, не каждый день приходится встречаться с нечистой силой. С одной стороны, вступать в сговор было боязно, но с другой...

— Что ты за это хочешь? — спросила Агнесса.

— Да ничего. Такой красоточке, как ты, я задаром помогу.

Это звучало слишком заманчиво. Агнесса повеселела и почувствовала себя уверенней.

— Очень мило,— снисходительно улыбнулась она.— Так как же мне убрать с дороги эту мужланку?

— Колечко обручальное подменить, только и всего,— выпалила Ведунья.

— Но зачем, какой в том прок?

— А такой, что у невестушки странная причуда. Хочет, чтобы вместо брильянта в кольцо была простая стекляшка.

— Вот уж поистине у простолюдинки и вкуса нет, и причуды дурацкие! — презрительно скривилась Агнесса.

Уж она-то знала толк в драгоценностях и всегда имела все самое лучшее.

— А это оттого, что она брильянтов пуще смерти боится, хотя сама не ведает почему. Но я-то знаю, знаю, знаю... Я все знаю...— заплесала по кругу старуха.

— И отчего же этот нелепый страх?

— А вот подсунешь ей колечко с брильянтиком, там и увидишь,— молвила ночная гостья и исчезла.

Проснувшись утром, герцогиня припомнила события прошедшей ночи. Что это было, явь или сон? Агнесса соскочила с кровати, подбежала к карточному столику и стала судорожно перебирать разбросанные карты. В колоде, как и подобает, был только один пиковый туз. Может, и ночной гостьи не было, а все случившееся — это лишь игра воображения? Однако червь сомнения точил Агнессу.

Сразу после завтрака юная герцогиня послала за главным придворным ювелиром. Нужно было во что бы то ни стало узнать, правда ли, что в кольцо невесты принца не бриллиант, а подделка. Если так, Агнесса знала, как поступить.

Глава пятая ВЕНЧАНИЕ

Близился день свадьбы. В королевстве царила предпраздничная суматоха. Все готовились к пиршеству. Улицы украшали разноцветными флагами и цветами. На площадях устанавливали длинные столы для угощения торговцев, ремесленников и прочего люда. Из окрестных государств съезжались именитые гости. Гостиницы и постоялые дворы были переполнены.

В назначенный день на Соборной площади спозаранку топтались зеваки, чтобы занять места поближе к собору и не пропустить предстоящего зрелища. Чуть позже начал собираться мастеровой люд. Приходили семьями,

нарядные и торжественные — шутка сказать, королевская свадьба! Но, как водится, в праздник кому отдых, а кому и работа. Торговцы квасом и сладостями на разные лады нахваливали свой товар. Да и у коробейников недостатка в покупателях не было. Все шло нарасхват. Каждый хотел иметь со свадьбы что-нибудь на память: глиняную статуэтку новобрачных или побрякушку с намалеванным королевским гербом. В толпе сновали воришки. Было шумно и весело. На площади яблоку было негде упасть. Все ждали жениха и невесту.

И вот издалека донесся цокот копыт и грохот колес по булыжной мостовой. К собору в сопровождении бравых всадников на белых конях подъехал кортеж увитых цветами карет. Толпа возбужденно загудела. Верноподданные радостными криками приветствовали появление принца, но когда из кареты вышла невеста, люди замерли, пораженные ее красотой. Легкая и грациозная, в белом подвенечном платье, она походила на небесную фею.

Пышная краснощекая торговка рыбой толкнула в бок своего друга, кузнеца:

— Глянь-ка. Будущая королева, а не надела на себя ни одной цапки. Будь я невестой принца, я бы с ног до головы увешалась золотыми побрякушками.

— Наверное, поэтому принц тебя и не сосватал, моя толстуха. Уж больно много денег пришлось бы выложить на твои наряды,— засмеялся кузнец.

Невеста принца и впрямь никогда не носила драгоценностей. Впрочем, украшения ей были не нужны. Ее роскошные золотые волосы походили на чистое золото. Недаром ее звали Злата.

Поднимаясь под руку с принцем по ступеням собора, Злата улыбалась и кивком головы отвечала на приветствия толпы, но мысли ее были далеко. Она с таким нетерпением ждала дня свадьбы, но сегодня в душе ее поселилась смутная тревога. Злату страшила церемония

венчания. Напрасно она обращалась к голосу разума, стараясь побороть предчувствие беды. Только когда ритуал венчания подходил к концу, девушка вздохнула с облегчением: скоро все закончится, она станет женой принца и посмеется над своими нелепыми страхами.

Новобрачным поднесли золотую тарелочку с обручальными кольцами.

Наблюдая за обрядом, юная герцогиня сжала кулаки так, что костяшки пальцев побелели, а ногти впились в ладони. Неужели все кончено и эта выскочка станет королевой? Агнесса не могла и в мыслях допустить, чтобы на троне сидела другая. Напрасно она доверилась Ведунье из Лисьей Норы! Яд был бы надежнее.

Принц взял с золотой тарелочки обручальное кольцо. Чистейший камень блеснул безупречными гранями. Злата похолодела. К свадьбе заказывали совсем другое кольцо. Золотая оправа обрамляла не стекляшку, а настоящий бриллиант. Злате почудилось, что от драгоценного камня веет смертельным холодом. Она невольно отдернула руку, жених выронил кольцо, и оно покатилося по ковру.

— Плохая примета,— ахнул кто-то в толпе.

Принц недоуменно взглянул на возлюбленную. В ее лице не было ни кровинки.

— Что с тобой? — растерянно спросил юноша.

— Кольцо ненастоящее,— едва слышно прошептала Злата, но принц по-своему истолковал ее слова:

— Ты сама хотела, чтобы камень был фальшивым. Теперь менять что-либо поздно,— тихо проговорил он, не в силах скрыть раздражения.

Да и как тут не рассердиться. Не хватало начать пререкания в церкви во время венчания, когда на них смотрят сотни глаз. Нужно любой ценой сгладить неловкую заминку. Принц не растерялся. Недаром в нем текла королевская кровь. Он твердо взял Злату за руку. Пальцы девушки дрожали. Как могла она объяснить свой каприз? Она в отчаянии посмотрела на собравшихся, словно на-

деясь найти поддержку, и вдруг встретилась взглядом с юной герцогиней. В темных, полных ненависти глазах блистательной красавицы застыло напряженное ожидание. Губы Агнессы искривила недобрая усмешка, будто она бросала вызов сопернице. Пути назад не было. Злата покорила судьбе. Обручальное кольцо скользнуло на ее палец.

В тот же миг земля содрогнулась. Откуда-то издалека донесся глухой гул, будто огненный вулкан просыпался от векового сна. Сильный порыв ветра разом задул все свечи. Все погрузилось во мрак. Вдруг в соборе полыхнула молния — это вспыхнул бриллиант на обручальном кольце невесты. Девушке показалось, что она летит в бездонную холодную пропасть. Ей стало так же одиноко и страшно, как когда-то в алмазной штольне гномов. Раскат грома потряс здание. Стены собора задрожали, вот-вот готовые рухнуть. Люди в ужасе ринулись к выходу, но внезапно все стихло. Свечи вспыхнули вновь. Казалось, буше-

вавшая стихия всем пригрезилась. Собравшиеся стали приходить в себя от потрясения. И тут раздался отчаянный крик. Люди застыли в суеверном страхе.

Невеста исчезла.

Перед алтарем, протянув изящную руку принцу, стояла чудесная статуя из белоснежного мрамора.

Глава шестая

ВЫБОР

Гроза отгремела, и вновь воцарилось спокойствие. Собор выглядел торжественным и незыблемым, словно только что его стены не сотрясала стихия.

Злата вздохнула с облегчением: жива! Она поглядела на блестящее на пальце обручальное кольцо и чуть не запрыгала от радости. Хорошо еще, она вовремя вспомнила, что невесте принца негоже вести себя так легкомысленно. Девушка счастливо улыбнулась суженому и с удивлением увидела, что его лицо искажено болью и отчаянием. Она не знала, что заклятие гномов свершилось. Для всех она стала статуей и, переступив черту реальности, оказалась там, где живут феи и фурии.

— Ну же, перестань сердиться. Обещаю, больше никогда не буду тебе перечить,— сказала Злата и, озорно прищурившись, добавила: — Ну разве только в тех случаях, когда я права.

Принц не ответил на шутку. Взгляд его был обращен куда-то мимо невесты. Озадаченная, Злата оглянулась и увидела статую, сделанную столь искусно, что казалось, мрамор вот-вот оживет. Поистине это было вдохновенное творение великого мастера. И самое удивительное: каменная дева поразительно походила на нее.

— Что это? Сюрприз? А кто же скульптор? — Злата засыпала принца вопросами, но он, как и прежде, не удостоил ее ответом.

Наследник короля смотрел лишь на статую и оставался глух и слеп ко всему, что происходило вокруг. Не понимая, что случилось, Злата оглядела собравшихся. В глазах людей читался суеверный ужас. Взгляд девушки остановился на Черной герцогине. Блистательная красавица не могла скрыть злорадства. Она сияла от счастья и едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. В душе Златы скользкой змеей шевельнулась тревога.

Схватив принца за руку, девушка заглянула ему в лицо.

— Скажи мне, что с тобой? Перестань смотреть на меня так, словно я — пустое место!

Напрасно она умоляла, плакала, кричала, зывала к толпе. Никто не услышал ее зова и не повернул к ней головы. Вдруг Злату осенило: всему виной злополучное кольцо. Тщетно пыталась она снять заколдованный перстень, он как влитой сидел на пальце. Пути назад не было.

Злате показалось, что кто-то настойчиво зовет ее прочь из собора. Девушка не слышала голоса, она просто чувствовала, что ее ждут за стенами здания. Не в силах противиться молчаливому приказанию, она пошла к выходу. Толпа на площади волновалась. Незримая для всех, Злата сбегала вниз по ступенькам и вдруг услышала знакомое хихиканье и слащавый голосок:

— Вот и свиделись, красоточка. Наконец-то я тебя дозвалась. Мне-то дорожка в собор заказана, а поговорить ох как надобно.

На паперти стояла Ведунья. Подхватив длинный шлейф рыжеватой юбки, она растворилась в воздухе и в следующий миг очутилась перед Златой.

— Ведунья из Лисьей Норы! — отпрянув, воскликнула девушка.

— Она самая. Ты, вижу, встрече не рада, а зря. Я ведь пришла твоей беде помочь.

— Ты знаешь, как это сделать? — недоверчиво спросила девушка.

— А то нет! У меня на любой случай средство припасено.— Ведунья порылась в поношенном тряпичном ридикюле и достала из него кусочек угля.— Когда-то гномы надели тебе на головку Обруч Забвения с бриллиантом чистоты небесной, и забыла ты о своем прошлом. Я помогла тебе вернуть память, но бриллиант обратился в этот самый уголек, что ты мне в уплату за услугу отдала. Как только получишь уголек назад, за-

клятие гномов спадет, и заживешь ты со своим муженьком как ни в чем ни бывало, принцессочка.

Ведунья выжидающе уставилась на Злату. Девушка, не сводя глаз с кусочка угля, медленно произнесла:

— Что ты хочешь за уголек?

Ведунья хихикнула и запричитала фальшивым голосом:

— Плата, может, и необычная, да только товар того стоит.

— Не юли, говори прямо,— приказала Злата.

— Твою душу,— коротко объявила Ведунья.

Девушка отпрянула, будто увидела перед собой гадюку.

— Что?! Не бывать этому! Никогда!

— Как знаешь. Мое дело предложить,— нервно хихикнула ведьма и пошла прочь. Она сделала несколько неторопливых шагов, но, видя, что назад ее не окликают, шустро засеменила обратно.

— Ну подумай, какой тебе прок каменюкой стоять? Ты ведь для людей теперь пустое место, тьфу,— зло сплюнула старуха.— На что тебе твоя душа? С ней только маета да переживания. А ежели королевой станешь, так тебе душа и вовсе ни к чему. Бездушной-то жить легче. Соглашайся на честный обмен и возвращайся к своему женишку.

Злата с отвращением попятилась от старой ведьмы, а потом развернулась и стрелой взметнулась по ступеням в собор.

— Одумайся, дурища. Сама от своего счастья отказываешься! — неся ей вслед сердитый крик.

В соборе царили растерянность и суматоха. Злата с легкостью пробиравась в толпе. Земных преград для нее больше не существовало. Она подбежала к алтарю и, сложив в мольбе руки, опустилась на колени:

— Боже, подскажи мне путь! Неужели нет для меня возврата?

Вдруг Злата услышала за спиной перестук копыт. Девушка удивленно обернулась и увидела в дверях ослепительно белого единорога. Его шелковистая шерсть серебрилась, словно она была выткана из лунного света. Единорог нетерпеливо тряхнул головой, и грива взметнулась, как холодное пламя. Никто не повернулся в сторону волшебного зверя, невидимого, как и Злата. В грациозном прыжке он взлетел над головами собравшихся и опустился подле девушки. Преклонив передние ноги, он встал перед ней на колени и коснулся губами подвенечного платья, словно целуя его.

«Должно быть, я сплю, и мне видится сон», — подумала Злата.

Она протянула руку и осторожно погладила неземного посланника.

— Значит, ты и есть мой провожатый. Что ж, быть по сему,— грустно улыбнулась девушка.

С тяжелым сердцем она обвела прощальным взглядом гостей и, остановив долгий взор на принце, едва слышно прошептала:

— До свидания, мой возлюбленный. Я еще вернусь.

Злата оседлала волшебного скакуна, тот легко вскочил на ноги и в один прыжок вынес ее из собора. К этому времени новость о превращении невесты облетела всю площадь. Толпа гудела и волновалась, как штормящее море.

Вдруг к мраморным ступеням собора спустилась радуга. Призрачный мост, сотканный из воздуха и света, соединил небо и землю.

— Чудо! Радуга! Глядите, знамение! — в недоумении и суеверном страхе восклицали люди.

Белоснежный единорог ступил на радужный мост и во весь опор поскакал в далекую заповедную страну кудесников и фей, унося с собой прекрасную всадницу в подвенечном платье. Радуга полыхала под его копытами. Земля растворялась в мелькании огней. А толпе было невдомек, что это начало звездной дороги, уводящей красавицу невесту в новые странствия. Люди не замечали ни единорога, ни девушки. Лишь маленький мальчик воскликнул:

— Глядите, по мостику едет фея на белой коняшке!

Но никто не обратил внимания на его слова. Мало ли что придумает ребенок.

Глава седьмая ЛЕТОПИСЕЦ

Вечность простиралась ввысь, вглубь и вширь, не зная ни границ, ни времени. Темная, словно бездонный колодец, она таила в своих глубинах свет звездных россы-

пей. Люди дали ей имя Космос, но не сумели разгадать и малой толики ее секретов.

Вот откуда-то из глубины Вечности выплыла точка. Она приближалась и росла. Скоро можно было разобрать, что это осколок астероида. Оседлав парящий камень и вцепившись в его шероховатые бока онемевшими от напряжения пальцами, на нем сидела старуха, всеми ужимками и повадками напоминающая хищного зверька. Длинный шлейф рыжеватой юбки тянулся за астероидом, словно хвост, заметающий следы. Кое-кто из мелкой нечисти тотчас признал бы в ней Ведунью из Лисьей Норы. Но что заставило ее покинуть свое прибежище? Как осмелилась она подняться до Вечности?

Ведунья не знала, как долго она парит в небытии. Внутри у нее все холодело при мысли о том, на какой отчаянный поступок она решилась, но сквозь ледяную пелену страха прорывались всполохи неумемной радости. Кто бы мог подумать, что она станет искать встречи с одним из Могуущественных? Может статься, что скоро она обретет силу и мелкая колдовская братия будет кланяться ей. Колдунья нервно хихикнула и нащупала через матерчатый ридикюль лежащий там уголек. Если девчонка не захотела меняться по-хорошему, тем хуже для нее. Ведунья от злости заскрежетала зубами. Не мытьем, так катаньем она получит человеческую душу, и вся мелкая нечисть будет ей кланяться.

Вдруг по черному шелку неба прошла рябь, будто проплыла стайка игривых серебряных рыбок. Темнота вновь сомкнулась, и из нее появилось еще несколько осколков астероида. Ведунья затаила дыхание. Седые камни приближались. Они медленно, словно нехотя, парили в пространстве. На одной из глыб, скрестив ноги, восседал человек со свитком папируса на коленях. Пальцы его отрешенно, словно четки, перебирали большую связку ключей. Их было ровно триста шестьдесят пять. Ведунья поняла, что встретила того, кого искала. Перед

ней был Великий Янус, отпирающий каждый новый день и запирающий на замок старый. В рассеянном свете, исходившем от камня, Ведунья явственно увидела лицо старца, глубоко посаженные глаза, хранящие тайны веков, пергаментные щеки и плотно сжатые губы.

— Зачем пришла? — В вопросе не прозвучало любопытства. Лицо старца оставалось бесстрастным, точно он давно уже знал ответы на все вопросы.

— О Великий Янус! — воскликнула Ведунья, подобострастно распластавшись на камне.— Вся Вселенная говорит о твоём могуществе...

Янус жестом остановил поток лести и стал медленно удаляться. Ведунья поняла, что стоит потерять внимание Могущественного, как все её планы рухнут. Он не явится ей в другой раз. Суется, она достала из ридикюля уголек и торопливо произнесла:

— Я принесла волшебный уголек, чтобы ты начертил им судьбу одной девушки.

— Я не пишу судеб простых смертных. Для этого есть суденицы, которые прядут нити их судеб,— монотонно произнес Янус.

В это время астероид развернулся, и Ведунья увидела, что перед ней не старец, а юноша с прекрасным одухотворенным лицом и лучистым взором, полным ожиданий и надежды. Колдунья невольно вздрогнула. Она знала, что Януса звали двуликим, но перемена была слишком разительна.

— О, это не простая смертная,— елеинным голоском пропела Ведунья.— Когда-то эта девчонка вторглась в волшебный мир кудесников и фей. Ей известно, что наш мир существует. Разве можно позволить человеку знать об этом?

— А почему бы и нет? В этом нет беды. Люди, знающие о нашем мире, либо молчат, либо их считают чудаками,— озорно улыбнулся юноша.

— О Могущественный! Поверь, не все так просто. Она уже натворила бед. Это она разрушила сокровищницу гномов. Нельзя оставлять ее безнаказанной. Справедливость должна...— напыщенно начала колдунья, но осеклась.

На нее не мигая глядели глаза старика. Взгляд пронизывал насквозь, и ведьма поняла, что от Могущественного ничего не скрыть.

— Сокровищницу она разрушила не по своей воле и не без твоей помощи.— Янус сделал неуволвимое движение рукой, и кусочек угля, повинувшись неведомой силе, оказался в его пальцах. Двухликий Янус положил его на раскрытую ладонь, и вдруг вместо уголька на руке кудесника возникло видение восхитительно прекрасной золотоволосой девушки.

— Как она хороша!..— восторженно выдохнул Янус-юноша.

—... Но она хрупка и тленна,— бесстрастно заключил Янус-старец.— Как только уголек испишется, она отречется от земной жизни и потеряет свою душу. Ты за этим пришла? — обратился он к Ведунье.

— К чему отрицать? Ведь тебе, о Великий Янус, дано истинное знание,— раболепно закивала та, потупив глаза, пряча вспыхнувший в них алчный огонек.

— Порой знание убивает надежду. Что пользы стремиться к цели, если все заранее предрешиено? — задумчиво произнес Янус.

Видение исчезло. На его ладони вновь лежал невзрачный кусочек черного угля.

— Когда один теряет надежду, другой обретает ее,— лукаво улыбнулась старуха, думая о своих тщеславных планах.

— Ты слишком рано торжествуешь победу. Я дам этой девушке шанс оставить тебя с носом,— озорно улыбнулся Янус-юноша.— Если она пройдет звездной дорогой и преодолеет все испытания и искушения, то вернется на Землю на каравелле голубой мечты.

— А если не сумеет? — охрипшим от волнения голосом пролепетала Ведунья.

— Тогда я начертаю линию ее судьбы,— бесстрастно вымолвил летописец и жестом показал, что беседа окончена.

Глава восьмая ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Единорог нес Злату по искрящемуся радужному мосту. Растворившаяся в голубоватой дымке Земля осталась позади. Сверху сквозь сито облаков просеивались солнечные лучи. Торжество света было величественным и чарующим. Злате захотелось превратиться в золотую пес-

чинку и плыть легко и бездумно в теплом солнечном луче. Девушке показалось, что когда-то нечто подобное уже случалось с ней. Она воздела руки, как крылья, но, увы, вязкая темная тоска окутывала ее, не отпуская в полет. Едва вспыхнув, восторг растворился в сумерках печали. Понутив голову, всадница продолжала путь, чужая на празднике света и тепла. Непокорные слезы тяжелыми каплями покатались по ее щекам, и крошечные радуги заиграли на густых ресницах.

Мерный цокот золоченых копыт нарушал торжественную тишину. Радужный мост терялся в дымке, такой же зыбкой и туманной, как и будущее золотоволосой красавицы. Пытаясь отогнать печаль, Злата смахнула слезы, выпрямилась в седле и, погладив единорога по шелковистой гриве, ободряюще сказала:

— Не будем унывать. Самое плохое уже позади, значит, остается ждать только хорошего.

Единорог мотнул головой, словно соглашаясь, и еще стремительнее понесся вперед. Вскоре вдалеке показался волшебный сад. Залитый солнцем и объятый цветением, он, как призрачное видение, висел в воздухе. Ровные террасы уходили в небо, туда, где над кипенью цветущих деревьев возвышался восхитительный дворец. Воздушный и невесомый, он казался сказочным миражом. Единорог подскочил к саду и очутился под сенью деревьев. Здесь радуга кончалась.

Вокруг бушевала весна. В кружевном подвенечном наряде Злата сама была словно цветущее деревце. Казалось, она слилась с садом и была здесь не пришелицей, а хозяйкой. Все выше и выше к дворцу нес ее волшебный скакун. У ворот замка единорог опустился на колени, предлагая всаднице спешиться. Злата послушно сошла на землю. Единорог одарил ее прощальным взглядом и унесся прочь.

— Прощай! — крикнула ему вслед Злата.

Ей было грустно расставаться с белогривым скакуном. Теперь она осталась одна-одинешенька. Однако времени для печали не было. Что-то ждало ее впереди?

Злата с любопытством осмотрела замок. Вблизи он оказался еще удивительнее. Выложенные из янтаря стены светились, словно в них прятались солнечные лучи. Многочисленные башни уходили ввысь острыми шпилями, на которых реяли разноцветные флаги. Некоторые башенки соединяли причудливо выгнутые мосты с золочеными резными перилами.

Злата подошла к окованной медью двери замка и протянула руку к массивному бронзовому кольцу, но ее пальцы поймали лишь воздух. Девушка провела рукой по стене, но, увы, стены не было и в помине. Замок только чудился, он был игрой воображения. Злата разочарованно повернулась и собралась уйти, как вдруг услышала нежный шелестящий голос.

— Ты так же прекрасна, как твоя душа. Входи,— пригласил невидимый собеседник.

— Кто тут? — спросила Злата, озираясь вокруг.

— Я — здешний страж, хранитель музыки,— последовал ответ.— Иди без опаски. Ты — желанная гостья воздушного замка.

Иллюзорная дверь бесшумно распахнулась. Злата с трепетом ступила на парадную лестницу и ощутила под ногами пустоту. Девушка ахнула, ожидая, что провалится в пропасть, но воздух сгустился и не дал ей упасть. Злата сделала осторожный шаг, потом другой. И вот, осмелев, она уже парила над несуществующими ступенями, едва касаясь их изящными атласными туфельками. Голос звал и направлял ее, чтобы она не заплутала в бесконечных залах и переходах.

— Как твое имя, невидимый проводник? — спросила Злата.

— Зефир.

— Зефир? Так зовут легкий ветерок,— удивилась девушка.

— А я и есть ветер, свободный и легкий, как и ты.

Злату подхватило и, как пушинку, понесло по дворцу. Она невольно рассмеялась, но тут же осеклась.

— Наверно, я веду себя очень ветрено: смеюсь, когда должна печалиться.

— Недаром говорят: с кем поведешься, от того и наберешься,— шаловливо прошелестел ветерок.

Злата прислушалась. Откуда-то сверху доносилась дивная мелодия. Она то смолкала, то звучала вновь, тягуче и плавно. Мотив нельзя было ни напеть, ни предугадать. Музыка была под стать дворцу, такая же зыбкая, нежная и чарующая.

— Какая чудесная мелодия! Что это за инструмент?

— Эолова арфа,— пояснил Зефир.

— Я и не знала, что в семь нот можно вложить все, что на сердце. Видно, на ней играет великий музыкант.

— Может быть,— уклончиво пробормотал ветерок.

Винтовая лестница вела вверх. Злата вспорхнула по ступенькам и оказалась на плоской крыше замка. По краям ее ограничивала резная балюстрада. Подбежав к перилам, девушка глянула вниз и обмерла. Там, у подножия дворца, простирался цветущий сад, уходящий террасами вдаль. Он походил на вспененные каскады водопада, а за ним, куда хватало глаз, тянулся бескрайний голубой простор.

Здесь мелодия слышалась отчетливее. Протяжные звуки казались осязаемыми. Призрачный замок и реальная музыка слились воедино, так что было не отличить, где кончается явь и начинается видение.

Посреди крыши стояла беседка. Хрустальный купол покоился на высоких колоннах, увитых диковинными бело-голубыми цветами. Музыка лилась именно оттуда. Злата, точно бабочка, подлетела к беседке и, очутившись под сенью полупрозрачного купола, увидела золоченую арфу. Струны ее подрагивали, рождая нежную мелодию, но беседка была пуста.

— Значит, арфа играет сама? — удивилась Злата.

— Конечно, нет. Ты забыла про меня,— потрепав ее за фату, обиженно возразил Зефир.

— Извини, просто я не привыкла к невидимым собеседникам,— улыбнулась девушка.

— Не все, что существует, видимо,— капризно произнес ветерок и стих.

Музыка смолкла. Воцарилась гнетущая тишина: ни шелеста, ни шороха, ни шепота. Злата почувствовала себя потерянной и одинокой. Солнце над садом померкло, и на него напоззло печальное сизое облако.

— Я не хотела тебя обидеть. Ну пожалуйста, не дуйся на меня,— взмолилась Злата в надежде, что Зефир услышит ее.

— Дуться? — Прямо у нее над ухом раздался озорной смехок, и струны арфы дрогнули.— Разве ты не знаешь, что ветер не может дуться? Он может только дуть. Вот так.

Порыв ветра взметнул кружевную юбку подвенечного платья. Злата ахнула и руками придержала легкую ткань.

— Что ты делаешь? Как тебе не стыдно? — в шутку пожурив ее, она шалуна.

— Мне никак не стыдно,— засмеялся ветер.

Солнце опять сияло над волшебным садом, и на душе у девушки было легко и спокойно.

— Зефир, скажи, отчего я смеюсь, когда должна грустить? Отчего беспечна, как мотылек, когда разум твердит, что со мной стряслась беда?

— В воздушном замке не бывает ни обиженных, ни несчастных.

— Почему?

— Потому что сама мысль о хозяйке воздушного замка заставляет трепетать сердца и делает людей счастливыми.

— Кто же она? — заинтересовалась Злата.

— Угадай. В НЕЙ собрано все самое желанное. Без НЕЕ жизнь становится пустой и никчемной.

— Это любовь, — не задумываясь, выпалила Злата.

— Ты не дослушала загадку до конца, — мягко прошелестел Зефир. — Каждый стремится к НЕЙ, но едва дойдет до цели, как ОНА меняет свой облик, и человек вновь оказывается в начале пути.

— Не знаю. Открой мне ответ, — попросила Злата.

— Устраивайся поудобнее и слушай легенду о воздушном замке.

Глава девятая ЭОЛОВА АРФА

Возле Эоловой арфы стояла удобная кушетка, обтянутая набивным белым шелком. Злата подпорхнула к ней, но, коснувшись рукой подлокотника, почувствовала, что, как и все остальное в замке, кушетка — не более чем видение.

— Что же ты не садишься? Или не смеешь сидеть в моем присутствии? — подтрунивал над девушкой Зефир.

— Ты смеешься надо мной! Может, я и ветрена, но не настолько, чтобы сидеть на пустом месте, — в шутку обиделась Злата.

— А ты попробуй, — настаивал ветерок.

Злата не без опаски опустилась на краешек кушетки, потом подвинулась глубже. Глядя со стороны, можно было подумать, что она удобно расположилась на сиденье, но на самом деле Злата ощущала, что висит в воздухе.

— Гляди-ка, я не проваливаюсь! — изумленно воскликнула она, болтая ногами.

— Что же в этом странного? Я вообще не понимаю, как можно провалиться.— Ветерок ласково тронул золотые кудри девушки.

— Ты обещал рассказать мне легенду о замке и его хозяйке,— напомнила Злата.

Зефир прикоснулся к струнам арфы и под тягучие звуки музыки начал свой рассказ.

«Это случилось в незапамятные времена, когда безраздельно властвовали языческие боги. Их мир был таким же реальным, как и мир людей, но людям приходилось трудиться, чтобы добыть себе пищу и кров, а боги умели делать чудеса, поэтому жили в веселье и неге. Так продолжалось долго, но праздность рождает скуку. Настало время, когда беззаботная жизнь показалась богам невыносимой. Они стали думать, чем бы заняться, и решили сотворить совершенство. Все с жаром принялись за работу. Богини сплели из лунного света нить и свили из нее кокон, боги вдохнули в него самые сильные и прекрасные заклинания, и началось томительное ожидание.

И вот однажды волшебный кокон окутало сияние, он замерцал и стал исчезать. На его месте появилась незнакомка, за спиной которой трепетали два прозрачных крыла. Она была столь восхитительна, что даже богини красоты казались рядом с ней простушками. Она не была ни волшебницей, ни богиней, но неведомая сила влекла к ней. И назвали ее Мечта. А вскоре разгорелась ссора, у кого она будет жить. Каждый внес свою лепту в ее создание, и никто из богов не хотел уступать. Все больше распалялись спорщики, дело грозило дойти до большой беды, если бы Мечта не предложила:

— Спор ваш легко разрешить. Пусть каждый из вас построит дворец. Тот дворец, над которым не властны ни стихии, ни войны, ни мода, ни время, станет моим домом.

Все вновь с жаром принялись за работу. Одни возводили дворцы из золота и серебра, другие — из драгоценных камней. Только Эол, повелитель ветров, не заложил в основание своего дворца ни единого камня. Целыми днями Эол сидел под кипарисами и что-то мастерил. Боги подтрунивали над ним, но он лишь улыбался в ответ. И вот назначенный день настал. Порхая на легких крыльях, прекрасная Мечта осмотрела творения зодчих и печально покачала головой:

— Эти дворцы великолепны, но они слишком роскошны. Богатство порождает алчность. Пройдет время, их разграбят и сотрут с лица земли. Неужели никто из вас так и не сумел создать для меня надежного пристанища?

И тут вперед выступил Эол.

— О прекрасная Мечта, мне кажется, я создал замок, достойный тебя,— сказал юноша и робко положил к ногам красавицы неизвестный доселе музыкальный инструмент.

Боги недоуменно переглянулись, а потом встретили странный дар взрывом хохота, однако Мечта жестом приказала им замолчать.

— Что это? — спросила она, с интересом разглядывая подарок.

— Это арфа. Мои подданные — ветры. Они сильны, но не умеют слагать каменных дворцов. Я хочу подарить тебе замок, построенный из семи нот. Может быть, он полюбится тебе.

Ветры тронули струны арфы, и полилась нежная мелодия. Она завораживала. С каждой нотой, с каждой трелью в тех, кто слушал эту неземную музыку, просыпалось ожидание радости и чуда. И вот перед изумленными взорами собравшихся высоко ввысь вознесся прекрасный воздушный замок. Легкокрылая Мечта впорхнула в него, и он тотчас озарился внутренним светом.

С тех пор Мечта навсегда поселилась здесь. Воздушный замок стоит прочный и нерушимый. Ни войны, ни время не властны над ним, как и над самой Мечтой. И каждый раз, когда на Земле рождается новая мелодия, воздушный замок, построенный на семи нотах, становится на один кирпичик больше».

Глава десятая ПЛЕННИКИ СЛАДКИХ ГРЕЗ

— Неужели сама Мечта живет здесь? — воскликнула Злата.

— Да, и она поступила очень мудро, выбрав именно этот замок. Ему не страшны разрушения. До тех пор пока люди умеют мечтать, они сами возводят воздушные замки.

— А я увижу хозяйку дворца? — с надеждой спросила девушка.

— Нет ничего проще. Забудь обо всем, слушай музыку, и Мечта явится к тебе.

Золотые струны арфы подрагивали. Чудесная мелодия околдовывала девушку. Ветерок ласкал ее, глядя по золотым кудрям. Мир звуков поглотил Злату, и она начала грезить.

Перед ней раскинулось бескрайнее лазурное небо. Вот на горизонте появилось крошечное облако. Оно приближалось и росло, пока не превратилось в сказочную каравеллу. Легкая, она неслась по небу. В свете заката ее надутые паруса казались огромными лепестками розы. Вдруг солнечный луч блеснул на борту парусника, высветив золотоволосую девушку, и Злата почувствовала, что она плывет на небесной каравелле.

Внизу простиралась Земля. Леса раскинулись словно мохнатые медвежьи шкуры. Кое-где их прорезали голубые ленты рек. Потом показались квадраты возделанных полей, а за ними маленькие, как игрушечные, домишки,

утопающие в зелени садов. Домов становилось все больше, они выстроились в ровные улицы большого города, посреди которого возвышался дворец. Башни со стрельчатыми окнами и колоннады галерей показались Злате такими знакомыми, что у нее защемило сердце в ожидании чуда. И чудо свершилось. На увитом плющом балконе она увидела возлюбленного.

— Мой принц! Я здесь! — воскликнула Злата, и тотчас облачная каравелла растаяла и ливнем пролилась на землю. На серебряных струях дождя Злата спустилась прямо в объятия принца.

Видение растаяло. Злата очнулась и, к своему разочарованию, увидела, что все это ей лишь приснилось.

— Ах, какой это был чудесный сон! — воскликнула Злата. — Как бы я хотела, чтобы он продолжался!

— Твое желание для меня закон. Слушай же, я буду тебе играть.

И вновь музыка увела Злату на небесную каравеллу, а с нее — на Землю. Вновь Злата видела принца, он держал ее за руку и шептал нежные слова. Вновь девушка нехотя проснулась и с радостью погрузилась в забытие. Сон и явь сменяли друг друга. Все дольше длился сон, все реже Злата бодрствовала.

Однажды в ней шевельнулась тревога: что-то изменилось. Злата попыталась вспомнить — что, но мысль ускользала, и девушка решила, что подумает об этом после, а пока будет слушать Эолову арфу. Она поискала глазами волшебный инструмент, и вдруг, как гром среди ясного неба, ее поразило открытие: беседка с арфой исчезла. Не было ни хрустального потолка, ни увитых плющом колонн. Всюду была лишь игра света и тени. Яркие разноцветные пятна, будто повинувшись музыке, складывались в причудливый орнамент, таяли и вновь образовывали затейливые узоры.

Приглядевшись, Злата увидела множество людей. Они были отталкивающе неряшливыми, а в их глазах застыла

смесь безумия и восторга. При виде отрешенных лиц Злате стало не по себе.

— Зефир, кто эти люди? — поежившись, спросила она.

— Пленники сладких грез. Они устали от жизни и не захотели бороться за свое счастье, предпочтя уйти в мир грез.

— До чего же они отвратительны! Неужели им не хочется стряхнуть с себя оцепенение?

— Зачем? Они живут в мечтах и вполне довольны. Впрочем, они не стоят твоей заботы. Выбрось их из головы. Думай только о себе и своем принце.

Злата вспомнила возлюбленного и готова была опять погрузиться в сон, как вдруг ее пронзила страшная догадка.

— Как я оказалась здесь? Ты хочешь сделать меня такой же, как они? — встрепелась она.

В ответ Зефир тихонько рассмеялся:

— Я ничего не хочу. Я лишь повинюсь твоим желаниям.

— А я не желаю жить в грезах! Я добыюсь всего наяву! — выкрикнула Злата.

В тот же миг музыка оборвалась, ощущение невесомости исчезло, и Злата почувствовала, что стремительно летит вниз. Внезапно боль от удара пронзила ее, и все разом погрузилось во тьму.

Глава одиннадцатая ТАЙНЫЙ ГРОТ

Злата очнулась в саду. По-прежнему вокруг бушевала белая кипень цветов и над буйством зелени высился величественный и незыблемый воздушный замок. Ни одна башенка не покосилась, ни один кирпичик не сдвинулся с места. Высокие шпили уходили в поднебесье, как горькая насмешка над изгнанницей из волшебного

рая грез. Они, как и раньше, манили обещанием призрачного счастья, но теперь Злата знала, какую цену надо за это платить. Девушка почувствовала себя опустошенной и одинокой и, не в силах сдержать слез, разрыдалась.

В тот же миг из ясного неба полил дождь. Капли задорно забарабанили по земле и зашуршали в ветвях деревьев. Чистые струи серебряными паутинками протянулись к земле. Ливень словно пробудил Злату и смысл с нее хандру. Девушка подхватила кружевные юбки и поспешила спрятаться под раскидистой яблоней, но дождь кончился так же внезапно, как и начался. На лазурном небосводе сияло солнце, а земля была усыпана бело-розовыми лепестками. Легкий ветерок пробежал по кронам деревьев, и с веток покатались хрустальные капли, обдав девушку чистой водой.

— Зефир, ты опять шалишь? — сквозь слезы улыбнулась Злата.

— Я вовсе не Зефир. Зефир — хранитель музыки. Он живет в воздушном замке. Меня зовут Бриз. Я — вольный морской ветер. Я надуваю паруса кораблей и несу запах странствий, — услышала в ответ девушка.

— Я и не знала, что море рядом, — удивилась Злата.

— Как сказать. Расстояния мне нипочем. Я прилетел, чтобы поведать тебе о каравелле твоей мечты. Ведь каждый мечтает о своем волшебном паруснике, — сказал Бриз.

Злата вспомнила корабль своих снов. Как сладко было мечтать и каким тяжким было пробуждение! Больше она не поддастся наваждению и ни за что не станет пленницей сладких грез!

— С меня мечтаний хватит. Слава Богу, я вернулась с заоблачных высот. Все мои мечты рухнули, — решительно заявила девушка.

— Так уж и рухнули? — насмешливо прошелестел ветер.

Злата покосилась на воздушный замок и нахмурилась.

— Хорошо тебе безнаказанно насмехаться надо мной, только чести в том мало.

— Ну-ну, не сердись, а то и солнце скрылось,— примирительно сказал Бриз.

Небо и впрямь набрякло тяжелыми ватными тучами. Было чему подивиться, ведь мгновение назад на нем не было ни облачка.

— Ну и погода тут! Только что светило солнце, а теперь того и гляди опять пойдет дождь! — сказала Злата и подставила ладонь, чтобы проверить, не начало ли моросить.

— Сама виновата. Этот сад — твоя душа. Улыбаешься — солнце светит, плачешь — дождь идет.

— Ты хочешь сказать, душа — это цветущий сад? — удивилась Злата.

— Не у всякого. Бывает, вместо цветущих деревьев торчат голые сухие коряги, засиженные вороньем. Но твоя душа полна любви и так же прекрасна, как ты сама. В награду тебе дарована возможность вернуться на Землю. Каравелла твоей мечты ждет тебя в конце звездного пути,— мягко прошелестел Бриз.

Злата не спешила отправляться в дорогу. В этом мире все смешалось: сон и явь, ложь и правда. Она больше не верила в посулы дарованного счастья. Ничто в жизни не дается даром, за все приходится платить.

— Что я должна сделать? — робко спросила Злата и услышала неожиданный ответ:

— Пустяк. Всего лишь до конца познать самое себя.

— Ты шутишь? Никто не знает, как это сделать! — воскликнула девушка.

— Я подскажу тебе. В твоей душе есть только одно темное место — это тайный грот в глубине сада. Пойди туда. Если ты сумеешь победить в себе зло, путь до каравеллы будет легок и прост, если же зло возьмет над тобой верх, тебе предстоят новые испытания.

— Что ж, я готова. Веди меня в грот. Победить в себе зло не так уж трудно, если знаешь, как оно выглядит,— беспечно сказала Злата.

— Напрасно ты так уверена в себе. Вряд ли тебе понравится то, что ты увидишь,— предостерег ее ветер, но девушка лишь засмеялась в ответ.

Вскоре Бриз привел ее к гроту, скрытому в зарослях плюща. Гибкие ветви оплетали нишу, делая ее почти незаметной. Злата отодвинула лозу, нерешительно постояла у входа, вглядываясь в полумрак, и наконец с замиранием сердца переступила порог.

Солнечные лучи сюда не проникали. В гроте царили вечные сумерки. По уступам стены стекала тонкая прозрачная струйка. Камни будто плакали, и там, куда они роняли слезы, образовалось крошечное озерцо. Злата подошла к самой кромке воды.

Там, куда впадал родник, по зеркальной глади шла легкая рябь, отчего казалось, что камешки на дне шевелятся. Девушка зачарованно смотрела, как они, точно мозаика, складывались в зыбкую картину. Вдруг на поверхности воды возникло видение. Злата узнала бы из миллиона эти миндалевидные глаза и черные словно вороново крыло волосы. Злата вспомнила торжество, написанное на лице у соперницы в день, когда произошла трагедия, и в ней шевельнулась неприязнь. Герцогиня беседовала с придворным ювелиром.

«Интересно, о чем они говорят?» — подумала Злата и, словно в ответ на безмолвный вопрос, услышала голос Агнессы:

— Невеста принца не знакома с дворцовыми правилами. Если у нее в обручальном кольце будет не настоящий бриллиант, она станет всеобщим посмешищем. Я хочу помочь бедняжке. Замени поддельный камень на настоящий. Пусть это будет моим свадебным подарком.— Лукавая «подруга» протянула собеседнику туго набитый кошелек.

Так вот кто явился причиной всех несчастий! Если раньше Злата недолюбливала герцогиню, то теперь ее переполнила ненависть к лицемерке. Жажда мести ослепила девушку. Она едва не задохнулась от охватившей ее злости.

— Я отомщу тебе, проклятая герцогиня! Я заставлю тебя страдать, лживая кукла, не меньше, чем страдаю я! — выкрикнула Злата и изо всех сил ударила кулаком по водной глади.

Брызги, соленые как слезы, разлетелись в разные стороны.

Злата опрометью выскочила из грота и не узнала весеннего сада. Знойный ураган гнал тучи мельчайшего песка, засыпая все на своем пути. Опаленные его горячим дыханием лепестки жухли и осыпались.

— Бриз! Ты сошел с ума! Что ты делаешь? Остановись! — взмолилась девушка, пытаясь перекрычать разбойничий свист ветра.

— Я не Бриз. Меня зовут Сирокко. Я — знойный ветер пустыни,— услышала она в ответ.— Ты забыла, что зло можно победить только добром, и позволила ненависти иссушить сад твоей души.

— Я не сделала этой негодяйке ничего плохого, а как она поступила со мной?! И после этого я должна быть к ней добра? — возмутилась Злата, уверенная в своей правоте.

— Зло порождает зло. Учись прощать,— прошумел Сирокко.— Ты не выдержала испытания. Теперь твой путь к каравелле мечты будет тернист и труден.

Злата поняла, что сделанного не воротишь. Пытаясь устоять перед натиском жгучего ветра, она гордо вскинула голову и крикнула:

— Я пройду его вопреки всему!

— А тебя нелегко сломить! Ты почти такая же непорочная, как ветер,— одобрительно захохотал Сирокко.— За это я открою тебе секрет. Чтобы дойти до каравеллы, тебе надо выполнить три условия. Ты должна потерять голову и при этом остаться с головой. Упасть и остаться на высоте. И убежать, стоя на месте. И помни, что бы ни случилось, храни верность своему принцу, верь в его любовь и научись прощать. Ты можешь оступиться только три раза,— прошумел напоследок Сирокко и ураганом унесся прочь.

Глава двенадцатая КАРАВАН

Стоял полный штиль. Прекрасная и величественная каравелла отражалась в гладком, как зеркало, море. Ни единое дуновение ветерка не тревожило поникших парусов. Разноцветные флаги на мачтах безжизненно обвисли. Каравелла застыла в ожидании загадочной пассажирки, чтобы увезти ее в неведомые просторы мечты.

...А перед Златой до самого горизонта простиралось безбрежное песчаное море. Желтые барханы, как застывшие волны, убегали вдаль, до самого горизонта. Солнце палило нещадно. Над землей дрожала красноватая дымка. Песок насыпался в атласные туфельки, не созданные для тернистых дорог. Временами Злата утопала в зыбких наносах по щиколотку. Она потеряла счет времени. От жары и жажды у нее мутилось в голове. Все медленнее продвигалась она вперед, все труднее давался ей каждый шаг.

«Только не останавливаться», — как заклинание, стучало у нее в висках. Стоит присесть, и уже не будет сил подняться и продолжать путь.

Перед глазами у Златы поплыли красные круги. Она в изнеможении опустилась на горячий песок, и видения обступили ее. Ей казалось, что она слышит отдаленный звон колокольчиков и чьи-то голоса. Из густого, как патока, марева, стоящего над пустыней, появился караван. Навьюченные поклажи верблюды размеренной по-

ступью шли через песчаные барханы. Их горбы лениво колыхались под яркими, украшенными кисточками попонами. К седлам были приторочены тюки с заморскими товарами и бурдюки с водой. Белоснежные повязки прикрывали головы погонщиков от палящих лучей солнца.

Люди заметили лежащую на песке девушку и стали, оживленно жестикулируя, переговариваться между собой. Сердце Златы радостно встрепенулось: да ведь это не мираж! Неужели спасена? Она увидела над собой обеспокоенные лица.

— Пить,— только и смогла вымолвить девушка сухими от жажды губами.

Тотчас ей ко рту приставили фляжку с живительной влагой. С каждым глотком в девушку вливались силы. Голова все еще кружилась, но вскоре Злата могла встать. Люди жестами приказали ей подойти к балдахину, возвышавшемуся на спине лучшего верблюда.

Полог балдахина откинулся, и Злата увидела старца с козлиной бородкой и в шитых золотом одеждах. Голову его украшала чалма с пером павлина, а пальцы были унизаны перстнями.

— О премудрый визирь! — склонившись в поклоне, обратился к старику главный погонщик.— Небесам было угодно послать нам на пути чужестранку.

Визирь кинул в сторону Златы безразличный взгляд. Вряд ли посреди пустыни можно найти товар, достойный внимания. От удивления глаза старца полезли на лоб, и в них вспыхнул алчный огонек. Чужеземка была дивной красоты. Нервно теребя бородку, визирь вперился в девушку. Сам шайтан не мог бы создать большего искушения для глаз и для души. Женщины, живущие в здешних краях, были смуглыми и темноокими. Они не носили белых одежд и стыдливо прятали лица. Незнакомка же, напротив, смотрела смело и прямо. Волосы ее отливали чистейшим золотом, а глаза сияли подобно сапфирам.

Такая наложница могла бы стать жемчужиной любого гарема. За эту невольницу Звездный шейх осыплет его подарками и почестями.

— Усадить чужестранку на верблюда, — скомандовал он.

— О, вы так добры! Я просто не знаю, как вас благодарить! — воскликнула девушка, одарив визиря очаровательной улыбкой.

Это было неслыханной дерзостью. Мало того, что чужестранка не прикрывала лица, она еще осмелилась говорить со старшим! Погонщики переглянулись. Однако визирь не осудил нечестивицу. Его старческое сердце растаяло, как кусочек льда под лучами палящего солнца. Он почувствовал себя лет на тридцать, а может, и на все пятьдесят моложе и браво приосанился, но прострел в спине тут же напомнил ему об истинном возрасте.

«К тому же Звездный шейх вряд ли откажется от такого лакомого кусочка», — с тоской подумал визирь и сказал:

— Много есть диковинок и украшений во дворце Звездного шейха, но там всегда найдется место еще для одной, — а потом строго приказал погонщикам: — Верблюда выбрать самого лучшего и во время пути воздавать иноземке почести.

Визирь посмотрел на молодых погонщиков, не знающих, что такое прострел в спине, и в нем шевельнулась черная зависть. С каким бы удовольствием он сам подносил янтарный виноград и сладкие персики этой золотоволосой пери!

— Да не смей поднимать на нее глаз, — сердито добавил он, и полог балдахина опустился.

Глава тринадцатая ЗВЕЗДНЫЙ ШЕЙХ

Злату привели во внутренний дворик и оставили одну. С четырех сторон дворик ровным квадратом окружало здание, украшенное богатой мозаикой. Вдоль всего вто-

рого этажа тянулась галерея, опирающаяся на мраморные колонны. Пол был выложен разноцветными плитами, составляющими красивый геометрический рисунок. Посередине дворика бил фонтан.

Откуда-то сверху, смешиваясь с журчанием воды, доносилось перешептывание. Злата подняла голову. Стайка девушек, смеясь и толкаясь, бросилась прятаться за арки галереи. Через некоторое время шушуканье возобновилось.

Злата не выдержала:

— Не надоело вам играть в прятки? Если хотите познакомиться, спускайтесь сюда.

Еще немного пошептавшись, девушки прибежали вниз. Все как на подбор были красавицы. В тонких шароварах и куцых парчовых жилетках, они походили на заморские статуэтки. Ноги и руки наложниц украшали многочисленные золотые браслеты, мелодично позвякивающие при каждом движении. Пока Злата дивилась странным нарядам и украшениям, девушки с любопытством обступили новенькую. Они пересмеивались, подталкивая друг друга, а некоторые исподтишка пытались потрогать золотые локоны. Наконец вперед выступила красивая дикарка с раскосыми глазами.

— За сколько цехинов тебя купили? — спросила она.

— Я не вещь, чтобы меня покупать, — ответила Злата.

— Ты — рабыня, а это все равно что вещь своего господина.

Злата заливисто расхохоталась:

— Какая чушь! Я не рабыня. Я — гостья.

В это время в дверях появился черный как ночь слуга. Девушки тотчас притихли, в ожидании глядя на мавра, но тот обратился к золотоволосой пери:

— Господин ждет тебя, о лучезарная.

В его поклоне было столько гордости и достоинства, что Злата невольно подумала: «Если таков слуга, то каков же господин?»

Девушки с нескрываемой завистью глядели ей вслед.

Злату привели в шестиугольную комнату, отделанную с таким вкусом, что чрезмерная роскошь не бросалась в глаза. Золотые и серебряные кувшины, покрытые тончайшей чеканкой, стояли возле стен. Пол устлали мягкие персидские ковры. Синий свод потолка был расписан золочеными звездами. По углам комнаты стояли курильницы. Тонкие струйки поднимающегося от них сизого дымка распространяли необычный приторно-сладкий аромат.

Злата была одна. Она медленно обошла комнату, рассматривая диковинные безделушки. Шейх не появлялся.

«Интересно, какой он? — Злата вспомнила завистливые взгляды красавиц. — Должно быть, ужасный сердце-ед». Звездный шейх занимал ее мысли гораздо больше, чем она могла признаться. Кутившийся фимиаом одурманивал. Злата почувствовала легкость.

— Как зовут тебя, о прекрасная пери?

Вопрос застиг Злату врасплох. Она резко обернулась и чуть не вскрикнула. Рядом с ней стоял шейх. Он был красив дикой, необузданной красотой. На его лице лежала печать мужества, и от всей его фигуры веяло силой.

— Злата, — проговорила гостья.

Шейх утонул в лучистых голубых глазах. Поистине эта девушка была подарком судьбы.

— Ты будешь моей любимой женой, — непререкаемым тоном сказал он.

— В моей стране, прежде чем сделать девушке предложение, за ней ухаживают, — возразила Злата.

— Я не беру в жены больных девушек, — заявил шейх.

Его серьезность развеселила Злату, и она заливисто рассмеялась:

— Разве ухаживают только за больными?

— А разве здоровые нуждаются в уходе? — в свою очередь спросил шейх.

— Ухаживать — это значит стремиться понравиться, — улыбнулась Злата.

— Но я и так нравлюсь тебе.— Шейх осторожно взял Злату за подбородок и заглянул ей прямо в глаза. Его взгляд гипнотизировал. Злата почувствовала, что не в силах отвести глаз, но тут же вспомнила принца и резко отвернулась от красавца шейха.

— Нет, не так. Ухаживать — это вроде игры, когда мужчина хочет показать себя с самой лучшей стороны.

Никто никогда не указывал шейху, что делать. Многие поплатились бы за это головой, но на золотоволосую пери повелитель не рассердился. Ее смелость забавляла правителя. Эта девушка словно внесла во дворец дуновение свежего ветра. Ни одна, даже самая красивая, рабыня не шла с ней ни в какое сравнение.

— Будь по-твоему, прекрасная пери. Я брошу к твоим ногам несметные сокровища. На свете нет никого, чьи богатства превосходили бы мои. Знаешь, почему меня зовут повелителем Востока? — спросил шейх и, не дожидаясь ответа, три раза хлопнул в ладоши.

Тотчас восточная стена покоев растаяла, и за ней раскинулся синий простор. Шейх бросил в темноту горсть серебряных монет, и на безбрежном небосклоне засияли мириады звезд. Повелитель взял Злату за руку и повел ее из покоев. Злата шагнула с ковра в бездну, и у нее захватило дух. Вокруг простиралось бескрайнее небо, а под ногами у идущих блестели и переливались звезды. Они парили в пространстве, свободные и невесомые, но в то же время, словно связанные невидимыми нитями, составляли мерцающую дорогу, уходящую вдаль.

Шейх протянул ладонь, и в ней оказалась чаша с фимиамом. Дымок курился, обволакивая небо на востоке, и оно постепенно светлело. Злата замерла в ожидании еще большего чуда.

Отрешенно и торжественно шейх произнес:

— О Священный Скарабей! Подари нам новый день, да благословен он будет золотыми лучами восходящего солнца.

В тот же миг висящий у него на груди амулет в виде золотого жука начал светиться. Сияние нарастало, пока амулет не превратился в одну ослепительную вспышку. По небу словно полоснули острым клинком, и струйкой алой крови выплеснулся первый луч восходящего солнца. Вскоре оранжевый диск медленно выплыл из небытия и, наливаясь светом, стал подниматься ввысь.

Звездный шейх стоял в ореоле солнечных лучей. Он был умопомрачительно красив. Благовоения пьянили Злату, она готова была забыть обо всем, только бы каждый день встречать восход солнца с повелителем Востока.

— Скажи, что ты любишь меня, — мягко приказал шейх.

— Я люблю... — покорно начала Злата, совсем потеряв голову.

Море волновалась. Пенистые волны, как шаловливые барашки, пробегали по темно-лазурной поверхности. Возле берега они набирали силу и с разбега бились о борта каравеллы, превращаясь в столбы брызг, а потом, усмирившись, уходили в море, чтобы вновь упрямо бодать прекрасный корабль. Бриз играл с парусами, то надувая их, то полоская на ветру. Каравеллу качало. Ей будто надоело неподвижно ждать, и она разминалась перед долгим плаванием.

Злата вспомнила, как впервые произнесла заветные слова, и тотчас очнулась от наваждения.

— Нет! — воскликнула она. — Я люблю принца и вернусь к нему.

— Я не знаю слова «нет». Я могу быть щедрым, но могу быть и беспощадным к тому, кто не повинуется моей воле. Мне жаль терять такую жемчужину, но это был твой выбор.

Шейх хлопнул в ладоши, и в дверях вырос мавр.

— Отрубить ей голову, — бесстрастно произнес господин.

Злата смело глянула в лицо звездному повелителю.

— Твоя справедливость не знает границ, о мудрейший шейх. Ты готов был осыпать меня дарами за предательство и хочешь обезглавить за то, что я осталась верна своему принцу. Ты щедро платишь за ложь и жестоко наказываешь невинного, — с горечью сказала она.

Их взгляды встретились. В голубых глазах гордой красавицы сверкал холодный лед, а черные глаза шейха горели словно угли. Напряженная тишина повисла в комнате. Наконец повелитель нарушил молчание:

— Я не встречал равных тебе. Я думал, что неслыханно богат, ведь у меня есть все сокровища, о которых можно мечтать. Нет лишь единственного, что я хотел бы получить больше всего на свете. Ты — свободна. Я прикажу оседлать для тебя лучшего скакуна.

Опешившая Злата хотела поблагодарить шейха, но он, даже не оглянувшись, порывисто вышел из комнаты, оставив ее одну.

Глава четырнадцатая КЕНТАВР

Всадница мчалась во весь опор. Ощущение свободы пьянило. Ветер бил в лицо. Злата разбурялась. От быстрой езды волосы выбились из-под фаты и золотой

лавиной ниспадали по плечам. Вокруг раскинулись альпийские луга. Пронзительно зеленая трава гладким ковром покрывала отлогие склоны, окруженные суровыми скалами. Вдруг Злата услышала, что цокоту копыт эхом вторит чей-то топот. Кто бы это ни был, девушка решила держаться подальше от новых встреч.

— Но! Быстрее! — понукала она коня, но погоня приближалась.

— Стой, а то буду стрелять! — услышала она юношеский голос, никак не вязавшийся с угрозой.

На всякий случай Злата натянула поводья. Конь вздыбился и так резко остановился, что всадница с трудом удержалась в седле. Она обернулась и, увидев преследователя, оробела, но не оттого, что в нее была нацелена стрела туго натянутого лука. Перед ней стоял юноша, почти мальчик, с едва пробивающимся пушком над верхней губой, но человеческий торс переходил в круп коня. Ей никогда не приходилось видеть подобные существа.

— Отвечай, кто ты? — спросил незнакомец, стараясь придать голосу непреклонность и твердость.

— Меня зовут Злата, а ты кто?

— Стрелец, — ответил юноша-конь и с мальчишеской гордостью похвастался: — Оружие в нашем племени дают только мужчинам.

— Надеюсь, не для того, чтобы воевать с незащищенными женщинами? — съязвила Злата.

Юноша, покраснев, убрал стрелу в колчан и повесил лук за спину.

— Я должен был убедиться, что на дороге не враг. Я — воин и защищаю свою землю, — хмуро сказал он, стараясь за суровостью скрыть смущение, а потом предложил: — Давай я тебя провожу до наших границ, чтобы в дороге с тобой ничего не случилось.

Они поехали бок о бок. Ущелье сужалось. Ярко-зеленый цвет лугов уступил место более темным тонам.

Гордые и несгибаемые сосны тянулись к небу, цепляясь корнями за горные уступы. Чем выше поднимались путники, тем сильнее менялся пейзаж. Все чаще лес обрывался, обнажая нагромождение скал. Серпантинном уходящая вверх дорога была достаточно широкой, чтобы всадница и кентавр могли ехать рядом.

— А как называют ваш народ? — спросила Злата.

— Кентавры. Разве ты не слышала про нас?

— Нет.

Юный кентавр гордо расправил плечи и похвалился:

— В нас течет царская кровь. Мы произошли от земного царя и небесной тучи.

— Как от тучи? — удивилась Злата.

Поистине в этом странном мире было много удивительного и невероятного. Такова была и история славного племени кентавров.

«В стародавние времена был на Земле царь, известный своим необузданным нравом. Имя ему было Иксион. Сам Зевс, бог Солнца, благоволил к нему. Однажды он позвал Иксиона на пир богов. Возгордился Иксион, что он, смертный, пирует вместе с небожителями. Хмельное вино ударило ему в голову, и он забыл о сдержанности. В тот день среди пирующих было немало красавиц богинь. Многие из них, зная, как они хороши, вели себя игриво, задевая земного царя, но не на них обратил внимание Иксион, а на богиню земли Геру. Гера выделялась из всех, но не своей красотой, а достоинством, с которым держалась. В ней не было ни капли кокетства, а ее улыбка была такой же чистой, как улыбка матери, смотрящей на свое дитя. Все присутствующие относились к ней с особым уважением, которого заслуживала возлюбленная Зевса.

Горяч был Иксион и привык повиноваться порыву страсти, а не разуму, и решил он покорить Геру, но та ушла от пылких признаний, зато Зевс заметил все. Пасмурно стало на душе у Зевса, нахмурился он, померкло

солнце, и небо заволокло тяжелыми облаками. Стал он думать, как поступить с дерзким смертным, и взгляд его упал на свинцовую тучу, закрывшую небосклон. И повелел Зевс туче принять облик Геры. Тотчас туча начала сжиматься, густеть, обретать плоть, и вскоре рядом с богом солнца стояла точная копия его жены. Ее-то и послал Зевс к Иксиону.

Земной царь принял ее за настоящую Геру и совсем потерял голову. Он возомнил себя равней богам и стал перед всеми похвастаться своей победой над Герой. И тогда Зевс предрек, что от любви Иксиона и тучи родится потомство. И будут это ни люди, ни звери. Так возникли кентавры, вольное племя с разумом человека и силой и ловкостью зверя. В наследство от Иксиона им достался горячий и необузданный нрав, а от тучи — любовь к свободе».

Пока Злата слушала историю, дорога сузилась и перешла в тропу. Теперь двое ехали так близко друг к другу, что, когда Злата встряхивала головой, чтобы отбросить назад копну волос, золотая прядь касалась кентавра. Юноша-конь оценивающе посмотрел на девушку и сказал:

— А ты красивая. Хочешь быть моей подружкой?

Злата залиvisto рассмеялась:

— За последнее время ты второй, кто мне это предлагает.

— А кто был первым? — воинственно спросил мальчик-кентавр, всем своим видом показывая, что он не привык быть на вторых ролях.

— Звездный шейх.

Магическое имя произвело должное впечатление. Стрелец остановился и уставился на Злату, словно увидел ее впервые. На лице его было написано удивление, смешанное с неверием.

— И ты ему отказала?

— Как видишь, я здесь, а не в звездном дворце, — улыбнулась Злата.

Кентавр приободрился.

— Послушай, если станешь моей подружкой, ты не пожалеешь. Мой отец — предводитель кентавров. Я тоже буду предводителем.

— Не сердись, но у меня уже есть дружок на Земле. Я обязательно должна к нему вернуться.

— Жалко. Ты мне очень нравишься,— вздохнул юноша и неожиданно доверительно признался: — Понимаешь, воин имеет право выбрать подругу. Уже три дня, как у меня есть оружие, а я до сих пор никого не выбрал.

От прежней напыщенности и спеси юного кентавра не осталось и следа. Сейчас Стрелец был просто растерянным мальчишкой. В огорчении юноши сквозила такая наивность, что Злате захотелось утешить его, как младшего брата.

— Не огорчайся, иногда свою пару ищут годы. Мне еще тяжелее. Я прошла долгий путь, чтобы найти моего принца, но нас опять разлучили, и кто знает, когда мы снова свидимся,— печально сказала она.

Некоторое время они ехали молча, а потом кентавр обернулся к Злате, и лицо его озарила широкая улыбка.

— Я знаю, что делать. Я отведу тебя к Праматери Туче. Она живет в глубокой лощине и часто помогает тем, кто просит ее об этом,— предложил кентавр.

Глава пятнадцатая ПРАМАТЕРЬ ТУЧА

Злата не задумываясь последовала за новым знакомым. Тропа сузилась настолько, что двоим на ней было не разминуться. Кентавр шел впереди, а всадница осторожно следовала за ним. Иногда тропа подходила так близко к обрыву, что у Златы кружилась голова. Она старалась не смотреть вниз, и хотя белогривый конь Звездного шейха уверенно ступал по каменистым усту-

пам, сердце у нее замирало при виде острых, как зубы дракона, скал, громоздившихся далеко внизу. Наконец они добрались до отлогой каменистой площадки, за которой тропа обрывалась, а в горы уходила сквозная пещера. Далеко в глубине ее брезжил свет. Кентавр остановился.

— Дальше тебе придется идти одной. Праматерь Туча живет в лощине по ту сторону тоннеля. Она выполнит только одно желание — первое, которое ты выскажешь, когда выйдешь на свет.

— Так просто? — удивилась Злата.— Хорошо же вы живете: что ни пожелаешь — сразу исполняется.

— Желать не так легко, как кажется,— загадочно произнес кентавр.

Злата усмехнулась и, тронув коня под уздцы, направила его в темный коридор. Она точно знала, чего пожелать. Однако стоило ей оказаться под нависающим каменным сводом, как заколдованный тоннель окружил ее соблазнами. Вдруг ее начала мучить жажда, а перед глазами возник соблазнительный бокал с холодным лимонадом. Шипучие пузырьки поднимались вверх, а по запотевшим стенкам стекали капельки влаги. «Хочу пить»,— прошептала Злата. Жажда прошла, но девушку охватила сонливость. Глаза слипались, и она едва могла удержаться в седле. Ей казалось, что она видит удобную кровать. Хотелось упасть на мягкие перины и заснуть, не думая ни о чем. Сонливость улетучилась, оттого что Злату охватил озноб. Промозглая сырость пробирала до костей. Девушка продрогла так, что у нее не попадал зуб на зуб. Она готова была все отдать за теплую меховую шубу, в которую можно закутаться, укрывшись от холода. Неожиданно потеплело, и озноб уступил место голоду. Во рту у Златы уже давно не было ни крошки, а тут еще откуда-то повеяло запахом свежееиспеченного хлеба и жареного мяса. И она проговорила: «Как хочется есть».

В считанные минуты, что Злата ехала по тоннелю, время для нее замедлило ход. Девушку охватывали разные желания, но все они были далеки от того, ради чего она оказалась здесь. Только перед самым выходом из пещеры она вдруг вспомнила о принце.

— Я хочу увидеть своего возлюбленного! — воскликнула девушка и шагнула на свет.

Колдовство тотчас исчезло. Лишь теперь до Златы дошел смысл загадочных слов кентавра. Ей стало страшно при мысли о том, что она могла пожелать сущий пустяк, забыв о главном. Хорошо еще, что она вовремя опомнилась и пожелала то, чего хочет больше всего на свете. Злата радостно рассмеялась, и эхо понесло ее смех по ущелью. Испугавшись своей дерзости, девушка осеклась и огляделась. Она стояла на небольшой площадке. Вокруг нависали причудливо изъеденные временем скалы. Внизу ущелье было затянуто непроницаемой белой пеленой. Лежащее в низине облако мерно вздымалось, будто дышало.

«Как живое. Наверно, это и есть Праматерь Туча», — подумала Злата.

Девушка спешила и осторожно подошла к самому краю пропасти. Опустившись на колени, она глянула вниз и негромко спросила:

— Праматерь Туча, ты слышишь меня? Пожалуйста, сделай так, чтобы я снова увидела моего принца.

Вдруг с края обрыва сорвался камень и покатился вниз, натыкаясь на встречные валуны. Тотчас этот drobный звук подхватило эхо, и перестук понесся, постепенно затихая далеко внизу. Злата невольно отступила от пропасти. И тут то ли ей почудилось, то ли и впрямь снизу раздался приглушенный вздох. Девушке стало не по себе. Прижавшись к коню, она боязливо прислушалась, но не услышала ничего, кроме шума бурлящего горного потока. Больше ей незачем было оставаться в этом колдовском месте. Злата поспешно вскочила на коня и галопом помчалась назад по тоннелю.

Глава шестнадцатая

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Оставшись один, юноша-кентавр решил поупражняться в стрельбе. Он начертил кусочком известняка на скале мишень, достал из колчана стрелу, но не успел натянуть тетиву, как услышал позади себя шорох. Оглянувшись, он увидел старуху, но в следующий момент видение исчезло. Юноша протер глаза — на тропе никого не было. Вдруг ему опять померещилась сухонькая фигурка. На этот раз старуха появилась почти рядом с ним. Озираясь по сторонам, она суетливо подбежала к кентавру.

— Ну что, Стрелец, красоточку дожидаясь? Очень благородно, что ты ей помогаешь, но ведь надо и о себе подумать,— хитро прищурившись, сказала она.

— Кто ты? — спросил кентавр, с любопытством разглядывая незнакомку. Он готов был поклясться, что никогда прежде не видел ее в этих краях.

— Я — удача твоя. Кличут меня Ведуньей из Лисьей Норы. Гляжу я на тебя и думаю: хорошая бы из вас с девчонкой-получилась пара.— Ведунья одобрительно поцокала языком.

— Но у нее уже есть друг,— угрюмо возразил Стрелец.

— Бедняжка ждет да надеется, а на самом деле он давно ее позабыл,— заговорщически зашептала старуха.

Услышав это, Стрелец не на шутку рассердился. Как можно обманывать такую славную и доверчивую девушку! Надо защитить ее честь и проучить наглеца. Буйный нрав разыграл в юном кентавре. Он воинственно потряс луком и воскликнул:

— Клянусь, я убью его!

— А что в том проку? Охолонись. Я тебе совет получше дам. Вот тебе зеркальце небольшое да непростое. Без утайки покажет, как принц с другой милуется,— захихикала ведьма.

Стрелец покачал головой:

— Думаю, златовласка сильно огорчится. Лучше я убью изменника!

— Вот заладил «убью» да «убью». Тогда она в измену точно не поверит, станет по нему сохнуть и пуще прежнего любить.

— Так что же делать? — растерялся юноша.

— Заставь ее поклясться, что станет твоей, если принц ей изменил. Уж она сама разберется, кто ей больше по сердцу: ты или он.

Старуха всучила юноше зеркальце и исчезла.

Стрелец растерянно повертел вещицу в руках. Зеркало было древним, помутневшим от времени, словно подернутым дымкой прошедших столетий. В нескольких местах амальгама стерлась до черноты. Ручка из черненого серебра изгибалась в виде змеи, а на оправе были отчеканены магические руны.

Откуда взялась эта странная старуха и что ей за дело до Златы? С какой стати она так печется о ней? На словах желает девушке добра, но так ли это на самом деле? Да и зеркало диковинное. Тут наверняка замешана черная магия, а отец предупреждал его держаться от колдовства подальше.

Юноша размахнулся и хотел было выбросить зеркальце в пропасть, но передумал. А что, если Ведунья говорит правду? Изменника надо вывести на чистую воду. Как знать, может, тогда Злата предпочтет благородного кентавра жалкому человечешке! То-то все удивятся, если он приведет в стан земную девушку, да еще такую красавицу! Такое под стать только богам. Юный кентавр представил себе, как друзья будут завидовать ему, и крепче сжал серебряную змею-ручку в руках. Магические силы колдовского зеркала начинали одурманивать его ядом ревности.

Между тем Злата спешила назад. На этот раз ни желания, ни видения не преследовали ее. Кругом стояла темнота. Лишь далеко впереди пятнышком белел выход

из пещеры. Белогривый скакун уверенно ступал по каменистому полу узкого коридора. Во мраке ночи он видел так же хорошо, как при свете дня. На душе у Златы было легко и весело, ведь Праматерь Туча услышала ее просьбу и непременно поможет ей вернуться к принцу. Злате не терпелось поскорее выбраться из тоннеля и поделиться радостью со Стрельцом.

«Он такой славный. Как мило, что он привел меня сюда. Если бы люди выбирали себе братьев, я бы не задумываясь выбрала его», — подумала Злата и, шурясь, выехала на свет. Возле самого входа ее подждал юный кентавр.

— О, я не знаю, как тебя благодарить! — воскликнула девушка, чмокнув остоленевшего от неожиданности Стрельца в щеку.

— Значит, ты уже все знаешь и согласна? — удивился юноша, приняв ее благодарность за влюбленность.

— Я знаю, что скоро увижу моего принца. А с чем я должна согласиться?

— Поклянись, что, если он променял тебя на другую, ты станешь моей.

— И не надейся. Он любит только меня, — улыбнулась Злата.

— Если не поклянешься, я тебе принца не покажу, — заупрямился кентавр.

— Ты?! Покажешь?!

— Ну да. В волшебном зеркале, — объяснил юноша.

— Значит, я не вернусь к принцу, а всего лишь увижу его со стороны? — едва не плача от досады, прошептала Злата.

Только теперь она поняла, что неправильно высказала желание.

Однако слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Надо благодарить судьбу и за этот маленький подарок. Злата хотела взять у кентавра зеркальце, но тот, поддразнивая ее, спрятал руки за спину.

— Сперва поклянись!

— Не стану я давать глупых клятв! — рассердилась девушка.

— Как хочешь, — пожал плечами кентавр и сделал вид, будто собирается бросить серебряное зеркало в бездну.

— Стой! Я клянусь! — воскликнула Злата и выхватила у Стрельца желанное зеркальце. Девушке так хотелось хотя бы на миг увидеть принца, что она готова была заплатить за это и куда более дорогой ценой.

Глава семнадцатая ЛОЖЬ

После трагической свадьбы в королевстве был объявлен траур. Над башнями не реяли разноцветные флаги, и под сводами дворца не слышалось смеха. Музыканты слонялись без дела. Петь и танцевать строго запрещалось. Все шторы на окнах были наглухо задернуты, и даже в ясный полдень в залах царил полумрак. Если какому любопытному лучику света и удавалось просочиться в щель между плотными гардинами, он тут же тонул в сумерках печали. Солнце и радость исчезли из дворца вместе с прекрасной златовлаской.

Принц с утра до ночи проводил дни возле каменной девы. Он поклялся, что не успокоится, пока не найдет средство вернуть Злату к жизни. Тому, кто сумеет исцелить невесту принца, была обещана щедрая награда. Со всех концов королевства и из заморских стран стекались провидцы и целители в надежде найти лекарство от болезни, но, увидев бездушную статую, они лишь разводили руками и, пристыженные, покидали дворец. Время шло, и принц совсем впал в отчаяние. Откуда ему было знать, что оживить камень может только Ведунья из Лисьей Норы.

Пока врачеватели чесали затылки, колдунья без устали ворожила, следя за каждым шагом девушки. Чем дальше

продвигалась Злата по звездному пути, тем мрачнее становилась Ведунья. Узнав, что даже Звездный шейх не смог задержать прекрасную странницу, старуха совсем взбеленилась. Она то и дело шугала помелом мышей, которые пищали, затеявая возню под столом, гоняла филина, чтобы не дремал все дни напролет, или бранила змею, чтобы та не путалась под ногами.

— Ох и настырная эта девчонка! Шейха вокруг пальца обвела! Не ровен час, назад на Землю явится,— бушевала колдунья.

— Угу! — поддакивал филин.

— Что ты угукаешь! Лучше бы подсказал, как ее задержать.

— Пос-с-сей с-с-сомнение в ду-ш-ш-ше девчонки,— прошипела змея.

— Легко сказать, да трудно сделать. Принц на других и не смотрит, только о ней и думает,— огрызнулась старуха, но, поразмыслив, решила: — Впрочем, есть одна лазейка. Мне бы только в мир людей попасть, а там я это дельце живо обстряпаю.

Возбужденно потирая ладони, она с новым рвением принялась за ворожбу, ведь волшебникам и нечистой силе так же трудно попасть в мир людей, как и людям очутиться там, где происходят чудеса.

Но недаром говорят: на ловца и зверь бежит. Случайно ли, нет ли, как-то вечером о Ведунье вспомнила юная герцогиня. Она, насупившись, сидела в своих покоях и скучала. Да и как не скучать! В королевстве стояла смертная тоска: ни балов, ни развлечений. Агнесса заказала три новых платья, купила пять шляп и семь пар обуви, но ей некуда было нарядиться. Если так пойдет дальше, можно состариться, прежде чем принц задумает снова жениться. Больше всего на свете Агнессе хотелось стать королевой.

«Если старая ведьма помогла мне один раз, почему бы ей не помочь во второй?» — решила герцогиня.

Она долго ломала голову, как вызвать Ведунью — кучера ведь за ней не пошлешь,— и решила погадать на картах. Если сойдется самый трудный пасьянс, то колдунья непременно явится.

Слуги и гувернантки давно спали, а кровать юной герцогини оставалась несмятой. В легком капоте, отороченном гагачьим пухом, Агнесса сидела в островке света возле карточного столика и сосредоточенно раскладывала пасьянс. Свечи плавилась в бронзовом подсвечнике, и воск причудливыми гроздьями стекал вниз. По углам комнаты затаились тени, терпеливо ожидая, когда воск истает и они смогут вырваться на свободу. Герцогиня положила последнюю карту и, хлопнув в ладоши, воскликнула:

— Сошлось!

В этот миг часовая и минутная стрелки на больших напольных часах слились на верхней отметке циферблата. Раздался гулкий бой часов. С последним ударом курантов окно распахнулось, порыв ветра задул свечи. Мрак окутал комнату. Призрачный лунный свет пролился в открытое окно и бледным пятном улегся на полу.

Герцогиня торжествовала. Кто бы мог подумать, что она сможет повелевать темными силами! Сев на трон, она покажет, что такое могущественная правительница.

Вдруг в квадрате лунного света появился сгусток тьмы. Он стал расти и через мгновение превратился в сухонькую старушку. Она что-то шепнула, шелкнула пальцами, и свечи вспыхнули вновь, а тени нехотя отступили.

— Что печалишься, красоточка? Не знаешь, как принца приворожить? Ох и трудная это задача,— начала было Ведунья, но Агнесса прервала ее:

— Я хочу стать королевой.

— Ну, это полегче. Выходи замуж за короля,— посоветовала Ведунья.

— Он же старик! — воскликнула герцогиня и, подумав, добавила: — К тому же он вряд ли согласится жениться, пока принц оплакивает свою бакалейщицу.

— Значит, надо принца от невестушки отворотить, — сказала старуха.

Впившись пальцами в подлокотник кушетки, герцогиня подалась вперед и повелительно произнесла:

— Сделай это — и я щедро вознагражу тебя!

— Да мне наград не надо. Я страсть какая бескорыстная. Тружусь из чистого угождения, — хитро прищурилась ночная гостья и быстро зашептала: — Вот что я тебе скажу. Ночной порой пригласи принца к себе на зеркале гадать, посули, что невесту увидит, да попроси принести алую розу...

Пока Ведунья давала наставления, в глазах ее горел хищный огонек, как у зверя, напавшего на след и пред-

вкушающего поживу. Герцогиня затаив дыхание слушала, чтобы все запомнить и ничего не перепутать. Закончив объяснения, старуха вытащила из складок юбки причудливо закрученную перламутровую морскую раковину и вручила ее Агнессе.

— Если сделаешь все, что велено, принц увидит, как его суженая с заморскими шейхами развлекается. Тут ты и поймай в раковину те слова, что он первыми произнесет. А я не замедлю прийти за раковиной.— Ведьма довольно потеряла руки и пропала.

В ту же ночь герцогиня написала принцу письмо.

«Ваше высочество!

Из-за размолвки с вашей невестой я не могу избавиться от мысли, что виновна. Поверьте, у меня тоже есть сердце и меня глубоко потрясло случившееся. В последнее время все мои помыслы только о том, чтобы помочь Вам. Не стану открывать откуда, но мне стало доподлинно известно, что Ваша невеста жива и в добром здравии. Если хотите увидеть ее, то, как стемнеет, приходите ко мне и не забудьте принести алую розу — символ любви.

*Ваш верный друг
Агнесса».*

Глава восемнадцатая

РЕВНОСТЬ

Злата с жадностью всматривалась в тускло отсвечивающую поверхность старинного зеркала. В истертом, поцарапанном стекле виднелись лишь неясные очертания предметов. Вот откуда-то из глубины появился свет. В зеркале возникли роскошные покои, освещенные множеством свечей. Злата никогда прежде не бывала здесь. Убранство комнаты отличалось богатством и вычурнос-

тью. Стены украшали гобелены со слашавыми пастушками в цветочных шляпках и их кавалерами с мандолинами в руках. На бюро и этажерках с кручеными ножками громоздилось множество ваз, статуэток и прочих безделушек. Массивное трюмо в золоченой раме было уставлено всевозможными флаконами духов и баночками с румянами и кремами. Все говорило о том, что комната принадлежит даме.

Чем больше Злата вглядывалась в зеркало, тем больше огорчалась: наверняка произошла ошибка и ей не суждено увидеть принца. Вдруг дверь открылась, и в покои вошел ее суженый с алой розой в руках. Он осунулся и побледнел, но был по-прежнему хорош собой. Злату охватило шемящее чувство тоски. Она отдала бы все, чтобы хотя бы на миг оказаться рядом с возлюбленным.

И тут Злата заметила, что принц не один. Ему навстречу вышла хозяйка покоев. В облегающем платье из серебряной парчи, она походила на змею, красивую, но скользкую и безжалостную. Сердце Златы заныло от неведомого раньше чувства ревности. Ей хотелось зажмуриться и не видеть чужой комнаты и женщины-змеи, но, не в силах отвести глаз, она продолжала смотреть, как принц протягивает алую розу незнакомке. Черноволосая красавица взяла цветок и обернулась. На ее губах играла довольная улыбка.

— Герцогиня! — невольно вскрикнула Злата.

Зеркальце выпало у нее из рук и разлетелось вдребезги.

Линия горизонта стерлась. Тяжелое серое небо и седое море слились в сплошную мутную завесу. Волны уже не резвились, как шаловливые барашки, а ярились, поднимаясь все выше и выше. Они в бешенстве плевали пеной, заливая палубу корабля. Ветер призывно надувал паруса: «Хватит стоять! Пора в плаванье!» Но каравелла крепи-

лась, борясь с натиском ветра и волн. Якорь цеплялся за поросшее водорослями дно, не отпуская ее в путь без пассажирки.

Злата глядела перед собой невидящими глазами. Ей казалось, что мир вокруг нее рушится и земля уходит из-под ног. Ради принца она готова была преодолеть все препятствия, но теперь спешить больше некуда. Лучше бы она стала пленницей сладких грез или осталась лежать в жарких песках пустыни! Из оцепенения ее вывел настойчивый голос кентавра:

— Пойдем же скорей.

— Куда ты меня зовешь? — безучастно спросила Злата.

— В стан кентавров. Неужели не ясно, что принц больше не любит тебя?

Бунтарский дух проснулся в Злате. Она гордо вскинула голову и уверенно произнесла:

— Это неправда! Он не мог меня разлюбить!

— Но он изменил тебе! Ты ведь сама видела.

— Зеркало лжет! Он никогда не променял бы меня на эту придворную куклу. Я должна вернуться к нему.

Наваждение тотчас прошло, и Злата поняла, как глупо ревновать к Агессе. Наверняка тут что-то не так.

«Мало ли зачем принц приходил к герцогине. Он бы тоже удивился, если бы увидел меня в покоях Звездного шейха. А ведь я всеми мыслями, душой и сердцем верна только ему одному», — подумала девушка, стряхивая с себя остатки сомнений.

— Так нечестно! Ты поклялась и не можешь уйти! — возмущенно крикнул юноша.

— Уж не ты ли меня остановишь? — засмеялась Злата и, прищпорив коня, пронеслась мимо ошарашенного Стрельца.

— Бесчестная лгунья! Получай же за свою ложь! Не доставайся никому! — Необузданный нрав кентавра за-

глушил голос разума, он наспех прицелился и спустил тетиву.

Стрела просвистела и вонзилась в шею коня. Белоснежный скакун Звездного шейха вспыхнул и, подобно бенгальскому огню, разлетелся миллионом ослепительных холодных искр. Не успев понять, что произошло, Злата упала на землю и скатилась с тропы. В последний момент она чудом ухватилась за прилепившееся на скале уродливое деревце и повисла над пропастью.

Чахлое растение натужно затрещало и накренилось. Оно и так с трудом цеплялось корнями за каменистый уступ, и груз оказался для него слишком тяжелым. Злата с ужасом поняла, что долго не продержится. Она старалась не смотреть вниз, но и без того знала, что надежды спастись нет. Ущелье безжалостно оскалилось острыми, как зубы хищного зверя, камнями.

— Помоги мне! — с мольбой позвала она кентавра.

Потрясенный юноша опомнился. Злые чары колдовского зеркала улетучились, и жестокость ушла из его сердца. Он бросился на помощь. Злата из последних сил держалась слабеющими руками за корявый ствол. Кентавр подбежал к краю обрыва, опустил на колени и протянул ей руку. Злата сделала отчаянную попытку дотянуться до него, но пальцы ее соскользнули, она сорвалась и полетела вниз. «Все кончено», — подумала Злата и зажмурилась. Сердце ее сжалось в комок.

— Праматерь Туча, спаси ее! Прошу тебя, Праматерь Туча! — по-детски вытирая слезы кулаком, взмолился Стрелец.

Неожиданно Злата почувствовала, что приземлилась на что-то мягкое и влажное. Девушка открыла глаза и с удивлением увидела, что под ней клубится и поднимается из глубин пропасти седое облако. Оно перекачивалось, бережно поддерживая девушку и поднимая ее все выше. Влажное и теплое на ощупь, оно походило на густой мох, покрывающий болотные кочки. Облако поравнялось

с тропой, где стоял кентавр, но не остановилось, а поплыло дальше.

— Прощай, мой меньший братец! Я всегда буду помнить о тебе. Пусть тебе встретится самая лучшая подружка! — помахала ему на прощанье Злата.

— Прощай, сестричка! Будь осторожна! За созвездием Кентавров твой путь лежит через созвездие Гончих Псов. Постарайся днем одолеть дорогу, ведущую через него. Ночью свирепые псы выходят на охоту, — крикнул ей вслед Стрелец.

Злата с восторгом наблюдала, как возносится к вершинам гор. Стрелец отсюда казался таким крошечным, что мог бы уместиться на ладони. Да и все ущелье было словно игрушечным. Леса, покрывающие склоны, походили на густой темно-зеленый ковер. Меж камней серебряной тесьмой петляла быстрая речушка. Облако поднялось к самым вершинам гор. Здесь царила вечная зима. Солнце ярко освещало изломы неприступных ледников. От пронзительной белизны снега, покрывающего горные хребты, болели глаза.

«Да ведь я, упав, оказалась на высоте», — вдруг осенило Злату, и она от радости захлопала в ладоши. Все оборачивалось не так уж плохо. Она выполнила два условия из трех.

Глава девятнадцатая СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ

Облако перелетело через горные хребты, и Злата обмерла от восторга. Перед ней простиралась долина, уходящая в голубую даль. На горизонте, отделяя землю от неба, узкой ленточкой поблескивало море. Злата пристально вгляделась в синеву, и ей почудилось, что она видит на море какую-то точку.

«Это моя каравелла», — догадалась девушка, и сердце ее радостно забилося.

Облако бережно опустило Злату на дорогу и, не торопясь, поплыло назад за перевал. Злата не знала, долго ли длится день и когда здесь наступит ночь, но она прикинула, что путь до моря не должен быть слишком долог. У девушки за спиной будто выросли крылья, так легко и свободно она продвигалась вперед. Однако близость цели оказалась обманчивой. Злата устала идти по бесконечной дороге. Пейзаж был однообразным, и девушка перестала замечать его красоту. Она шла как заведенная, видя лишь манящую серебристую полоску моря.

Сгущались сумерки. Голубая долина налилась синевой. Небо подернулось поволокой, линия горизонта стиралась, но чем более размытой становилась граница между морем и небом, тем ярче загорался на ней крошечный огонек. Каравелла, словно путеводная звезда, вела Злату, не давая сбиться с пути. Поняв, что ночь неминуемо настигнет ее в дороге, девушка в отчаянии огляделась в поисках ночлега, но, увы, нигде не увидела ни кустика, ни деревца, ни норки. Вскоре на долину непроницаемым покрывалом опустилась тьма, уничтожив грань между небом и землей.

«Только бы не встретиться с гончими псами», — как заклинание, повторяла Злата, упрямо продолжая путь.

Вдруг вдалеке она услышала протяжный заунывный вой, от которого кровь застыла в жилах. Псы вышли на ночную тропу и, почуяв добычу, пели страшную песнь, перед тем как начать смертельную гонку.

Тоненькая ниточка надежды, что псы направятся в другую сторону, едва теплилась в Злате. Девушка побежала, время от времени опасливо оглядываясь. Вскоре она заметила позади себя на дороге неяркий свет.

«Откуда здесь огонь?» — недоумевала девушка, невольно замедлив бег.

Светящееся пятно приближалось, и Злата с ужасом разглядела, что это свора гончих псов, похожих на при-

зраки. Их шкуры светились в темноте, отдавая голубизной, а в прищуренных глазах горел яростный желтый огонь. Тьма вокруг страшных фосфоресцирующих хищников казалась еще более непроницаемой и маслянистой. Псы неумолимо приближались. В неравном состязании победители уже определились.

«Где искать спасения?» — лихорадочно соображала Злата, отказываясь принять бесспорную истину: спасения нет. Скоро псы настигнут ее и разорвут в клочья. Собаки всегда преследуют того, кто убегает, пока не загонят до смерти. Вдруг Злата в отчаянии подумала: что, если остановиться? Может быть, тогда собаки прекратят погоню. Злата ухватила за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку, но тут же признала ее нелепость. Остановиться — значило отдать себя на растерзание лютым зверям. Однако другого выхода не было.

Призвав все свое мужество, Злата резко повернулась к собакам лицом. От неожиданности звери остановились. Они глядели на добычу злыми янтарными глазами, не зная, как действовать и чего ждать. Выбрав взглядом вожака, Злата в упор посмотрела на него. Две пары глаз скрестились в молчаливом поединке. Некоторое время зверь и человек стояли не шелохнувшись, словно изваяния. Наконец зверь не выдержал и отвел глаза. Из всех сил пытаясь побороть страх, Злата шагнула к стае. Псы глухо зарычали.

— Ну, что вы яритесь? — Злата ласково обратилась к собакам. — Кто внушил вам, что вы должны нести страх и боль? Вы сильны, а сила должна идти рядом с добром. Вы красивы и грациозны. Кто заставил вас быть беспощадными и кровожадными?

Собаки стояли, настороженно внимая ее словам.

— Вы свободны и должны принимать свободу других. Я не побегу от вас. От судьбы не убежишь. Я в вашей власти, — гордо вскинула голову Злата.

Псы не нападали, но перемирие зверя и человека было слишком хрупким. Собаки в растерянности смотрели на девушку. Они привыкли к жестокости и погоне. Они знали, как загнать жертву, не давая ей ни минуты передышки, но это существо вело себя по иным правилам, не так, как остальные. Оно держалось словно было одним из них, равным, вольным и независимым.

Стая глядела на вожака в напряженном ожидании. Опять глаза Златы и зверя встретились. Выждав мгновение, вожак стал медленно приближаться к девушке. Злата

понимала, что зверь не простит ей ни одного неверного движения. Страх сковал ее, но она изо всех сил старалась казаться спокойной. Зверь подошел к девушке и встал рядом, словно признав ее равенство.

— Спасибо тебе, вольный зверь,— растроганно прошептала Злата.

Враждебность исчезла. Один за другим гончие псы вставали подле девушки, словно принимая ее в свою стаю.

Когда Злата возобновила путь, псы шли, сопровождая ее, точно почетный эскорт. Всякий удивился бы, увидев эту странную процессию. Золотом сверкали волосы девушки, и серебром отливали шкуры зверей, гордо и величаво шествующих рядом.

— Эй, а ведь я убежала, не убегая! — вдруг воскликнула девушка и грустно добавила: — Вот я и выполнила все три условия, а каравелла по-прежнему далека.

Собаки наострили уши, вожак что-то прорычал, один из псов отделился от стаи, подошел к девушке и подставил ей спину, предлагая сесть. Растроганная, Злата не знала, что и думать. Оседлав пса, она обхватила его за шею.

Псы сорвались с места и понеслись вперед. Несколько раз во время пути Злата меняла «скакуна». Никогда ей не доводилось участвовать в столь бешеной гонке. Ветер свистел в ушах, искры сыпались из-под светящихся лап. Гончие псы знали, что такое скорость, и отдавались ей до конца, но впервые они гнались, не чтобы причинить беду, а ради счастья.

Стало быстро светать, будто кто убирал с глаз Златы непроницаемую черную вуаль. Псы-призраки поблекли, посветлели и растаяли в предрассветной дымке. Злата не успела поблагодарить их и подивиться их исчезновению, как увидела перед собой море. Бурное и непокорное, оно любовалось своей силой, перекатывая огромные валы волн. А возле берега стояла прекрасная каравелла

с парусами, похожими на огромные лепестки розы. Злата тотчас узнала корабль своей мечты. С каравеллы на берег были протянуты сходни. Корабль ждал ее. Сбылось все, о чем она мечтала. Теперь испытания позади, и скоро она встретится с принцем. Злата весело рассмеялась и направилась к сходням. В тот миг, когда она собиралась ступить на трап, на берег накатила большая волна, обдав девушку солеными брызгами. С тихим шелестом отступив в море, прибой оставил на песке причудливо закрученную перламутровую раковину.

Прежде Злата видела море только на картинках, и сейчас ей все было в диковинку. Подхватив юбки, чтобы их не замочило волнами, девушка подбежала к раковине и подняла ее.

«Я возьму ее с собой и подарю моему принцу»,— решила она.

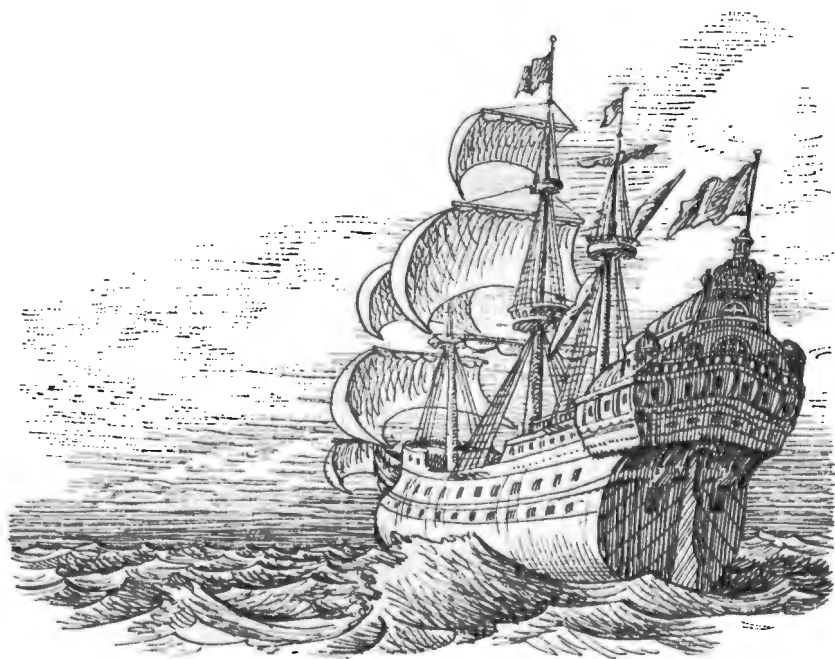
«Говорят, в раковине слышен шум моря, мы вдвоем будем слушать его и радоваться, что все так хорошо кончилось».

Злата приложила раковину к уху и, к своему удивлению, услышала голос принца: «Ах, Агнесса, я хотел бы навсегда вычеркнуть Злату из своей памяти».

— Так вот как ты меня любишь, мой неверный принц! А я-то думала, ты оказался в покоях Агнессы случайно, так же как и я у Звездного шейха,— воскликнула Злата и изо всех сил швырнула раковину в море.

В душе Златы клокотала обида. Она жаждала вернуться на землю, чтобы напомнить принцу обо всех лживых словах любви, что он говорил. Взбешенная, она побежала к сходням, но стоило ей схватиться за поручни, как гигантский вал ударился о берег.

Небо помутнело. Ветер свирепо рвал посеревшие паруса каравеллы, в которых не было ничего общего с лепестками роз. Сходни соскользнули с борта корабля, и бурлящая вода поглотила их. Волны швыряли корабль с гребня на гребень, играя в смертельную игру. Вой ветра

и рокот волн слились в один протяжный то ли вой, то ли стон. Каравелла кренилась, из последних сил стараясь устоять перед натиском стихии. Якорная цепь натянулась. Корабль нутжно застонал и, сорвавшись с места, легко и свободно помчался по бушующим волнам в открытое море.

Злата в отчаянии глядела, как ее мечта удаляется от берега. Вскоре море успокоилось. Лазурь воды слилась с синевой неба, и уже не было ни моря, ни неба, а лишь одна голубая бездна. Только белое облако, очертаниями напоминающее парусник, маячило вдалеке, но и оно начало таять, пока не исчезло совсем.

В бескрайнем Космосе, словно невесомые пылинки, плыли огромные валуны. На одном из них восседал и разговаривал сам с собой мудрец с двумя лицами. На

коленях у него лежала грифельная доска. В одной руке он держал огромную связку ключей, а в другой — кусочек угля.

— Жаль, она упустила свою возможность,— сказал старец.

— Но ведь она еще может вернуться на Землю, если не забудет обо всем,— возразил ему юноша.

— Да, но теперь за каждый шаг ей придется платить. Уголек слишком мал, и как только он испишется до конца, путь на Землю будет закрыт для нее навсегда,— сказал старец.

Янус склонился над грифельной доской и начал писать.

Глава двадцатая ОРАКУЛ

Злата в бессилии опустилась на песок, обхватила колени руками и, уткнувшись в подол, безутешно зарыдала. Никогда она не чувствовала такой безысходности. Девушка не знала, как долго просидела, оплакивая свою несбывшуюся мечту. Беды и злоключения часто преследовали ее, но, какой бы горькой ни казалась судьба, Злата всегда надеялась, что преодолет все невзгоды. Сейчас в ней умерла надежда, и впервые в жизни она не ждала ничего хорошего.

Вдруг раздался звон, как будто хрусталь разлетелся на множество осколков, и девушка увидела перед собой стену из прозрачного стекла, в которой, ошестинившись острыми краями, зияла дыра. Ломаные лучи трещин разбегались в стороны, как сеть морщин. Злата не испугалась и не удивилась, словно знала, что так и должно быть. Горе притупило чувства, и у нее не осталось сил бороться за свое счастье. Ей было все равно — сидеть ли здесь, идти ли дальше. Как во сне, она медленно поднялась с земли и переступила через битое стекло.

Тотчас вход за ней сомкнулся, и она оказалась в овальном помещении, напоминающем часовню. Злата стояла совсем одна и все же необъяснимо чувствовала чье-то присутствие. На алтаре перед горящей лампадой лежала раскрытая книга. Скупое пламя фитилька казалось нарисованным. По обе стороны от алтаря били два небольших фонтана шестиугольной формы. Так же как и пол, их покрывали изразцы с начертанными на них таинственными символами. В часовне не было ни дверей, ни окон.

Неожиданно возле алтаря появилась фигура, закутанная в широкую белую мантию. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо человека. И на этот раз ни изумления, ни страха не шевельнулось в Злате.

— Я пришла. Чего ты хочешь от меня? — усталым и монотонным голосом спросила она.

— Ты хочешь от меня...— словно передразнивая ее, эхом отозвалась фигура.

— Я ничего не хочу.— Злата безвольно опустила голову на грудь.

— Держи,— властно произнес незнакомец.

Девушка подняла голову и, увидев протянутую к ней причудливо закрученную перламутровую раковину, невольно отпрянула, как от ядовитого паука.

— Боишься? Это хороший признак. Значит, твоя душа еще жива,— сказал хозяин часовни.— Возьми и слушай.

— Я знаю, что услышу. Это жестоко,— отказалась Злата.

— Да, гораздо более жестоко, чем ты думаешь. Но только это вернет тебя к жизни.

Злата чувствовала такую усталость, что у нее не осталось сил возражать и спорить. Девушка покорно взяла раковину и приложила ее к уху.

«Ах, Агнесса, я хотел бы навсегда вычеркнуть Злату из своей памяти! — в другой раз услышала она, но теперь слова не вызвали прежней боли. Принц продолжал: —

Но я не смогу сделать этого даже сейчас, когда знаю, как легко она забыла меня ради заморского шейха».

Раковина выпала из ослабевших пальцев девушки.

— Значит, он любит меня,— растерянно произнесла она и в тот же миг поняла всю чудовищность произошедшего.— Я сама разрушила свое счастье! Как могла я сомневаться в его любви! Глупая, пустоголовая ревнивица!

Она в ярости швырнула раковину об пол. Глядя на взбешенную золотоволосую тигрицу, никто бы не поверил, что минуту назад она была тихой и подавленной. Опомнившись, Злата бросилась на колени перед человеком в белом:

— Заклинаю тебя, кто бы ты ни был. Помоги мне вернуться на Землю. Подскажи, как исправить то, что я натворила!

— Я не могу повлиять на твою судьбу. Я — Оракул и могу лишь предсказать будущее.

— Скажи, смогу ли я вернуться к принцу? — взмолилась Злата.

— Прежде выпей из левого источника. Ты забудешь все тревоги и волнения и сможешь беспристрастно внимать всему, что услышишь.

Злата покорно зачерпнула ладонью из источника забвения и сделала глоток ключевой воды, холодной и солоноватой на вкус. Тотчас груз печальных воспоминаний упал с плеч странницы, и ее охватила небывалая легкость.

— Теперь выпей из источника памяти, и ты запомнишь все, что узнала,— продолжал Оракул.

Вода в правом источнике была теплой и чуть горчила. Едва пригубив ее, Злата почувствовала прилив сил, и все ее ощущения обострились.

— Теперь спрашивай. Твое время истечет, когда лампада погаснет.

Неотрывно глядя на желтый язычок пламени, Злата с надеждой спросила:

— Вернусь ли я на Землю?

— Твоя дорога лежит через легендарную реку под названием Лета, откуда нет возврата. Ее пересекают те, кто окончил свой путь на Земле, но ты — другое дело. В тебе еще бьет ключом жизнь, поэтому у тебя есть выбор.

Оракул замолчал, и Злата нетерпеливо поторопила его:

— Не медли, скажи, какой?

— Ты можешь стать звездой на небосклоне, и тогда про тебя сложат песни и легенды, а можешь вернуться к земным собратьям.

Злата с облегчением вздохнула и не задумываясь выпалила:

— Я не хочу быть звездой и героиней песен и легенд. Мне куда больше по душе остаться земной девушкой и жить подле моего любимого.

— Если в конце пути ты будешь хотеть этого так же страстно, как теперь, твое желание исполнится.

— Разве я могу не хотеть этого? — удивилась девушка.

— Да, если потеряешь связь со всем, что тебе дорого, и забудешь себя.

Пламя гипнотизировало Злату, и ее начало клонить в сон. Между тем ей хотелось еще о многом спросить таинственного собеседника. Она попробовала оторвать взгляд от огня, но не смогла. В полумраке ей почудился образ принца, и, борясь с накатывающей сонливостью, она спросила:

— Увижу ли я моего возлюбленного?

— Нет.

— Как?! Значит, я не увижу принца?! — в ужасе воскликнула Злата.

— Увидишь,— прозвучал противоречивый ответ.

— Что значат твои слова? В них нет смысла,— говорила девушка.

Пламя лампы расплывалось перед ее взором, теряя четкие очертания. Злата сделала еще одну попытку отор-

вать взгляд от огня, но сон спеленал ее, и, уже проваливаясь в забытие, она услышала голос Оракула:

— Ты увидишь его, когда твое сердце будет принадлежать камню.

«Какому камню?» — хотела спросить Злата, но силы покинули ее, веки смежились, и пламя лампы угасло.

Глава двадцать первая И ВСЕ КАНЕТ В ЛЕТУ

Проснувшись, Злата увидела, что круглая часовня с фонтанами исчезла, будто приснилась. Все вокруг было окутано густым белесым туманом. Неужели беседа с Оракулом была сновидением? Нет, Злата помнила соленый и горьковатый привкус воды из источников, и каждое слово до сих пор отчетливо звучало у нее в ушах.

Больше всего девушку беспокоило загадочное предсказание, что ее сердце будет принадлежать камню. Может быть, принц тоже обратится в статую? Но ведь тогда они встретятся здесь, на звездной дороге. Теряясь в догадках, Злата решила, что время само подскажет ответ. Главное — принц по-прежнему любит ее, а значит, не стоит понапрасну горевать об упущенной каравелле. Нужно идти дальше и искать Лету.

Пока Злата размышляла, дымка начала рассеиваться, и из пелены тумана возникла река. Она лениво, словно нехотя, несла свои воды, отсвечивающие холодным металлическим блеском. Движение их было незаметным, почти неуловимым. Сколько воспоминаний, чувств и надежд поглотили ее глубины. Сколько поколений приходили на Землю и уходили, канув в Лету, забытые навсегда.

Возле берега, слегка покачиваясь на волнах, стояла лодчонка без весел. Злата направилась к ней. Речная галька шуршала под ногами совсем по-земному, и девушке захотелось хоть чуточку пройти по берегу, преж-

де чем отправляться в небытие. Она сделала несколько шагов и вдруг услышала под ногами рассерженный голосок:

— Ходят и ходят, топают и топают. Никакого покоя.

Злата посмотрела вниз и увидела маленького рака-отшельника. Высунувшись из раковины, он грозно шевелил крошечными клешнями, а его выпученные глазки вращались, с удивлением оглядывая пришлицу.

Он выглядел так комично, что Злата не могла сдержать улыбки.

— Да ведь ты не дух,— изумленно вымолвил рак.

— Кажется, нет.— Злата наклонилась к необычному собеседнику, чтобы было легче разговаривать. Она перестала удивляться чудесам звездной страны. В конце концов, если она разговаривала с ветром, почему бы не поболтать с раком-отшельником?

— То-то я смотрю, ты топаешь, как бегемот,— ворчливо сказал рак и язвительно добавил: — Небось в звезды метишь? Сейчас все, кому не лень, подались в звезды.

Рак был не самым радушным существом на свете, но переправа через Лету страшила Злату, и девушка была рада оттянуть время.

— Я совсем не собираюсь стать звездой.— Она отрицательно покачала головой.

— Кого ты пытаешься обмануть? — обиделся рак.— Те, кого не интересует слава, не отправляются при жизни в вечность.

— Ах, я бы с удовольствием променяла славу на жизнь где-нибудь в тихом уединенном месте...— сказала девушка.

Рак-отшельник посмотрел на нее с уважением и растроганно заявил:

— Должен заметить, ты удивительное создание. Обычно никто не понимает моего стремления к одиночеству. А ведь нет ничего лучше, чем замкнуться в своей раковине и жить, никого не видя.

— Вот именно! Никого,— с чувством подхватила Злата и мечтательно добавила: — Кроме принца.

Рак-отшельник в сердцах махнул клешней:

— Ну вот, все испортила! Неужели ты не понимаешь: стоит появиться принцу, как место уже не будет уединенным. Что хорошего, если целыми днями перед тобой будет маячить какой-то принц?

— Не какой-то, а самый лучший,— улыбнулась Злата.

— Ты такая же глупая, как и остальные. Стоит ли искать уединенное место, чтобы потом притащить туда толпу? Я всегда говорил: у людей нет никакого вкуса к жизни,— презрительно фыркнул рак-отшельник и скрылся в раковине.

Злата постучала пальцем по костяному домику, надеясь, что хозяин еще появится, но рак лишь недовольно буркнул в ответ что-то невнятное, дав понять, что он и так потерял слишком много времени на пустую болтовню.

Девушка вздохнула и повернулась к Лете. В разговоре с раком-отшельником она отвлеклась от предстоящей переправы, и сейчас решимости пуститься в плавание по свинцово-серой реке у нее заметно поубавилось. Злата подошла к самой кромке воды. Лодчонка услужливо подплыла и застыла у ее ног.

— Что ж, через Лету — так через Лету. Никакими посулами меня не заставят отречься от возвращения на Землю, — подбадривая себя, вслух сказала Злата и ступила в лодку.

Утлое суденышко закачалось, но быстро выровнялось и поплыло к другому берегу. Нос лодки плавно рассекал мутные воды Леты. Злата вспомнила свою жизнь на Земле, отца, комнату над бакалейной лавкой, долгие скитания и красавца принца. Как счастлива она была, когда объявили об их помолвке! Как ожидала свадьбы! Мысли ее вернулись к церемонии венчания. Она отчетливо представила ликующую толпу на площади и собор в праздничном убранстве, освещенный сотнями свечей.

Вдруг фата сорвалась с головы невесты, порыв ветра подхватил легкую ткань и, играя, понес прочь. Злата охнула и оглянулась. Белоснежное кружево облаком парило над рекой. Ветерок трепетной дрожью пробежал по

тонкой ткани. Взгляд Златы был прикован к пене кружев над водой. Девушку охватила грусть, как будто вместе с кусочком тюля она потеряла что-то неизмеримо большее. А шаловливый ветер, запутавшись в фате, все подкидывал ее, не давая упасть в реку. Наконец ему надоела эта игрушка, и он, бросив ее, полетел дальше. Фата медленно опустилась на воду. В тот миг, когда ткань коснулась отсвечивающей металлическим блеском глади реки и стала плавно погружаться, перед взором Златы возник образ принца с бриллиантовым кольцом в руке...

Глубокие холодные воды, не зная сострадания, сомкнулись над кружевом, фата исчезла, а вместе с ней канули в Лету воспоминания Златы о торжественной церемонии венчания и о том, что она была невестой принца.

Глава двадцать вторая ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ

Лета осталась позади. Дорога шла мимо апельсиновых и лимонных рощ. Кое-где группками стояли пальмы, раскинув в вышине перистые листья, похожие на опахала. Злата дивилась диковинным деревьям и плодам, которые были редкостью в ее краях.

Солнце клонилось к закату. Его оранжевый диск повис над вершинами деревьев, как гигантский апельсин. Злата брела куда глаза глядят. Она не знала, кто живет в этих краях и где найти приют на ночь. Вот уже огненный круг солнца коснулся крон деревьев и стал наливаясь багрянцем, пока последний отблеск его не погас за лесом. Незаметно подкрались сумерки.

Злата решила, что пора устраиваться на ночлег, и свернула с дороги, присев прямо у обочины. Намаявшись за день, девушка с наслаждением легла на ковер из трав и тотчас уснула, как если бы лежала не на голой земле, а на пуховых перинах. Ей приснился дивный покинутый

город. Злата блуждала меж заброшенных зданий, не встречая ни одного жителя. Только дома глядели на нее пустыми глазницами окон. Она услышала голоса и поспешила по улице, надеясь за углом встретить хоть одну живую душу, но и там никого не было.

Вдруг кто-то схватил Злату за плечо. Она хотела закричать, но голос не слушался. Злата рванулась и... проснулась. Над ней склонились человек десять воинов в странных одеждах, похожих на латы римских легионеров. Один из них тряс ее за плечо. Тотчас освободившись от оков сна, Злата вскочила и уставилась на незнакомцев. В лунном свете их шлемы и панцири тускло отсвечивали серебром. Один из воинов снял шлем; и Злата с удивлением увидела женское лицо и рассыпавшиеся по плечам каштановые волосы.

— Кто вы, женщины или воины? — спросила Злата.

— И то и другое. Мы — амазонки. А кто ты? Как оказалась здесь? И не замышляешь ли дурного?

— Что вы! Я — простая земная девушка. И все, чего хочу, — так это вернуться домой, — заверила Злата.

— Простая земная девушка? — насмешливо произнесла амазонка, и се наперсницы расхохотались. Неожиданно оборвав смех, дева-воительница окинула Злату взглядом, полным ненависти. — Тебе не обмануть нас. Да, ты — земная девушка, но не так проста, как хочешь показаться. Ты — Елена, та, из-за которой началась кровавая Троянская война и сто лет лилась кровь людей и богов. Твоя красота сеет беды и несчастья. Ты заслуживаешь смерти.

Амазонки воинственно схватились за короткие мечи, висевшие у них за поясом. Злата не на шутку испугалась.

— Да нет же! Меня зовут Злата. Я никому не причинила горя! — воскликнула она.

Амазонки переглянулись.

— Что будем с ней делать?

— Возьмем с собой в город. Утро вечера мудренее. Там разберемся, лжет она или говорит правду,— ответила брюнетка, которая была за главную.

Она достала веревку и начала скручивать Злате руки, чтобы привязать ее за конским хвостом, но юная амазонка с пушистыми вьющимися волосами цвета спелой пшеницы остановила ее.

— Подожди, Аристее. Разве справедливо наказывать ее за вину, которая не доказана? Пешком путь покажется ей бесконечным. Прошу, разреши ей поехать со мной. У меня сильный конь, он выдержит двоих.

— Ты слишком мягкосердечна к врагам, Вега. Когда-нибудь это погубит тебя,— покачала головой Аристее.

— Но она не враг,— мягко улыбнулась девушка.

— Пусть будет по-твоему, но если она солгала...— Амазонка воинственно схватилась за рукоять меча, и этот жест закончил ее фразу красноречивее слов.

Злата с благодарностью села на коня позади юной амазонки, и они двинулись в путь. Видя, что их никто не подслушивает, Вега тихонько сказала:

— Не бойся, Аристее вовсе не злая. Амазонки вынуждены быть сильными и безжалостными, иначе мужчины возьмут над нами верх.

— Что плохого в том, чтобы быть под защитой мужчин? — возразила Злата.

Вега пугливо огляделась и, убедившись, что никто не слышал слов Златы, остерегла ее:

— Не вздумай никому сказать об этом. Подобными речами ты накличешь беду.

Злата не понимала, что худого в ее словах, но похоже, надо было присмотреться к местным нравам, прежде чем что-то говорить и делать.

Глубокой ночью отряд въехал в окруженный высокой крепостной стеной город. Злату заперли в келье, где не было ничего, кроме жесткой кровати, накрытой тонким шерстяным одеялом, и грубо сколоченного стола.

Злата не надеялась на радушный прием и роскошные апартаменты, но была уверена, что назавтра все прояснится и ее отпустят. Коснувшись головой подушки, она тотчас заснула, как человек с чистой совестью, которому нечего бояться.

С первыми лучами солнца Аристея отперла дверь и грубо растолкала спящую:

— Хватит дрыхнуть, неженка. Тебя хочет видеть царица амазонок.

Своей неприкрытой враждебностью Аристея так и напрашивалась на дерзость, но Злата сдержалась, решив, что разумнее придержать язык за зубами. Под конвоем

Злату повели к царскому дворцу. Солнце только тронуло плоские крыши домов, узкие улочки еще были окутаны прохладным полумраком, но город уже ожил. По пути к отряду присоединялись встречные амазонки, и когда Злата с конвоирами подошли к центральной площади, за ними шествовала целая толпа.

Величественный белокаменный дворец высился над площадью как свидетельство мощи здешней царицы и поражал своей строгостью. Ни одна лишняя деталь или ненужное украшение не нарушали гармонии. Широкая мраморная лестница вела к подиуму, где среди стройных колонн возвышался трон, с которого царица вершила суд на глазах у подданных.

Толпа разразилась шумным приветствием, когда правительница поднялась на подиум. Подобно утреннему солнцу, дева-воительница предстала перед собравшимися во всем блеске. Солнечные блики играли на ее доспехах и золотых поножах. На голове царицы был надет златогривый шлем. На боку у нее висел меч в ножнах из серебра и слоновой кости, а щит напоминал луну, восходящую над поверхностью моря.

Сев на трон, царица приказала Аристее говорить.

— О великая царица! Пленница утверждает, что она — простая смертная, однако ее красота посеяла сомнение в моей душе. Не это ли презренная Елена, ввергшая Трою в пучину войны?

— Нет, это не Елена, — отчеканила царица.

Злата победоносно глянула на Аристее. По толпе прошел ропот, амазонки строили догадки, откуда появилась незнакомка и кто она такая. Царица сделала знак. Голоса смолкли, и она обратилась к Злате:

— Расскажи, как ты попала сюда?

Злата помнила отца, бакалейную лавку, дом, мимо-летнюю встречу с красавцем музыкантом и долгие скитания в поисках его. Она помнила, как они встретились вновь и музыкант оказался принцем, но что же было

потом? Почему она переправилась через Лету? Как ни старалась Злата, воспоминания ускользали от нее.

— Не помню.— Она покачала головой.— Я знаю лишь, что должна вернуться на Землю. Там меня ждет отец...— Она хотела добавить «и любимый», но вовремя осеклась, решив, что об этом лучше промолчать.

— Ничто не бывает напрасным. Если судьба привела тебя к нам, значит, так нужно. Ты останешься среди нас, пока не будет знака свыше,— сказала царица.

Вперед выступила Аристея:

— Великая царица! Эта изнеженная пришелица нам не ровня. Значит ли это, что она станет нашей рабыней?

Злата вспыхнула. Она не заслужила презрения, с которым о ней говорила Аристея.

— Я ничем не хуже вас и не позволю помыкать собой.— Ледяной тон, которым она произнесла эти слова, не выразил гнева, клоковавшего в ее душе.

— А ты дерзкая,— усмехнулась царица.— Если сумеешь в состязании доказать, что ты равная среди равных, пусть будет по сему.

Глава двадцать третья ПОСВЯЩЕНИЕ В АМАЗОНКИ

Толпа на площади раздалась в стороны, освобождая место для соревнующихся. Злате предложили выбрать обоюдоострый топор, меч или копье. Она в смятении помотала головой:

— Я не владею оружием.

— Ты не только слаба, но и труслива,— презрительно поморщилась Аристея.

— Я не уступлю в смелости ни одной из вас, но не стану драться и тем более причинять боль даже тебе,— гордо сказала Злата.

— Наша храбрость проверена в боях,— вспылила амазонка.— Царица, позволь посмотреть, такая ли она смелая под градом стрел, как на словах.

Верховная амазонка кивком дала согласие. Злату подвели к столбу с прикрепленными к нему цепями, но не стали приковывать. Девушка не знала, что затевается, но не ждала ничего хорошего. Амазонки под предводительством Аристеи встали в полукруг на некотором расстоянии от столба. Аристея сделала знак, и девы-воительницы изготовили луки. Злата с ужасом смотрела на нацеленные в нее стрелы. Она обвела взглядом лица амазонок, но не нашла в них сострадания. Они привыкли подчиняться приказу. Лишь Вега, потупив глаза, незаметно отвела лук в сторону. Злате оставалось смириться с неизбежным. Она гордо вскинула голову и в упор посмотрела на Аристею.

Тетива зазвенела, как тронутая струна. Стрела вонзилась прямо над головой Златы, едва не задев ее волосы. Не успела Злата опомниться, как следующая стрела просвистела у нее над головой. Амазонки по очереди выпускали стрелы, которые вонзались рядом с живой мишенью. Злате казалось, этот кошмар длится вечно. Последней очередь дошла до юной Веги. Амазонка медлила.

— Достаточно! Тебе, Вега, следует быть решительней,— произнесла царица и обратилась к Злате: — Ты достойна быть одной из нас. Будущее покажет, зачем тебе предназначался этот путь.

По толпе прошел гул одобрения, и Злата с облегчением вздохнула. Правда, она вовсе не собиралась становиться амазонкой, но сейчас ей было не до того, чтобы об этом рассуждать. Аристея подскочила к Веге, в ярости вырвала стрелу у нее из рук и переломила через колено.

— Ты молода и глупа. Думаешь, ты поступаешь верно, что проявляешь к ней жалость? Таким, как она, не место среди нас. Она еще накличет беду, но будет поздно,— прошипела она и быстрым шагом пошла прочь.

Келья, куда поселили Злату, мало чем отличалась от тюрьмы. Свет проникал сюда через маленькое оконце, и даже солнечные лучи не могли скрасить голых каменных стен и такого же пола. Кровать, укрытая полупоходным одеялом, да стол с медным тазом и кувшином для умывания составляли нехитрое убранство комнаты. Во время странствий девушке приходилось довольствоваться и меньшим.

Гораздо больше неудобств доставило ей новое одеяние. В коротенькой тунике и зашнурованных до колен сандалиях Злата чувствовала себя раздетой, ведь с детства она привыкла носить юбки до пят. Однако ко всему на свете привыкают. В новом наряде она была дивно хороша. Белоснежная туника, перехваченная на талии тоненьким пояском, ниспадала мягкими складками, и на ее фоне золотые волосы Златы спорили с солнцем.

Злата наотрез отказалась носить оружие. Она не принимала участия в состязаниях по силе и ловкости и не упражнялась в стрельбе из лука или во владении мечом, но весть о ее смелости облетела город, и амазонки смотрели на ее причуды снисходительно, тем более что она не чуралась никакой тяжелой работы. Злата мыла лошадей и чистила конюшни, выгребала мусор и оттирала громадные засаленные котлы. Аристея зорко следила за тем, чтобы новенькой не давали потачек, так что к вечеру Злата валилась с ног от усталости.

Скоро новенькая стала всеобщей любимицей. Она никому не перечила, всегда была приветлива и весела и не отказывалась сделать грязную работу за других. Больше всего они подружились с Вегой. В редкие свободные минуты Злата вышивала для подруги узор на тунике, чтобы отплатить девушке за доброту. Злата и не знала, что это изменит ее жизнь к лучшему. Оценив ее рукоделие, амазонки стали наперебой просить Злату расшить туники и плащи. Все чаще девушка оставалась дома за пальцами, а вскоре ее совсем освободили от другой ра-

боты. Целыми днями она вышивала или обучала рукоделию амазонок. По правде говоря, воинственным девам больше нравилось ходить на ее занятия, чем на уроки военного искусства. Некоторые даже пытались украсить свои убогие кельи вязаными салфетками и вышитыми занавесками. Однажды, оставшись наедине с Вегай, Злата сказала:

— Все же иголка с ниткой для женских рук милее, чем лук и стрелы.

— Ты права, сестра, но если мы разучимся владеть оружием, мужчины подчинят нас себе,— возразила Вега.

— Неужели вы думаете, что мужчин можно одолеть оружием? Есть способ куда более верный,— рассмеялась Злата.

— И ты знаешь его? — заинтересовалась Вега.

— Конечно. Об этом знает каждая девушка на земле. Улыбка поработит мужчину скорее, чем меч и топор.

— Ты смеешься надо мной! — обиделась Вега.

— Ничуть. Улыбнись мужчине, будь с ним приветлива и ласкова, и он сделает все, что ты пожелаешь.

Вега не поверила словам Златы, но все же задумалась. Подруги были неразлучны. Все свободное время они проводили вместе. Вега учила Злату обычаям и законам амазонок, а Злата поведала подруге о земной жизни. Больше всего Веге нравилась история любви Златы. Тысячу раз она слышала о встрече с принцем, переодетым бродячим музыкантом, и все равно снова и снова просила рассказать об этом.

Глава двадцать четвертая ИЗГНАНИЕ

Наступило длинное знойное лето. Солнце палило нещадно. От раскаленных домов несло жаром. На родине Златы лето бывало мягким, и девушка тяжело переносила жару. К счастью, ей не приходилось работать на солн-

цепеке, однако скоро и тень помещения перестала спасать от духоты. Амазонки привыкли без жалоб сносить и жару и холод. Они стоически терпели невыносимое пекло, но движения их сделались скупыми и ленивыми. Вега тоже очень изменилась. Обычно веселая и жизнерадостная, она стала задумчивой и часто грустила. Подруги виделись реже. Иногда Вега не заходила по нескольку дней.

Июль выдался особенно жарким. Весь день Злата сидела в душной келье, время от времени смачивая руки и лицо водой из таза, но теплая, как парное молоко, вода не давала прохлады. Девушка с нетерпением ожидала захода солнца. Липкая и удушливая ночь опустилась на город, но и она не принесла облегчения. Злата решила навестить подругу. Выйдя из дома, она сразу поняла: что-то случилось. По улицам к центральной площади стайками стекались амазонки. Злата попыталась расспросить, что произошло, но многие и сами не знали этого, а другие так спешили, что от них нельзя было добиться ответа. У всех на устах было лишь одно слово «суд». Веги дома не оказалось, и Злата поспешила на площадь одна.

Здесь уже собралась приличная толпа. Факелы в руках амазонок придавали площади зловещий вид. Огонь отбрасывал на лица дев-воительниц красноватые блики и играл на зеркалах доспехов. Те, у кого не было в руках факелов, мерно били мечами в щиты, скандируя: «Смерть — измена! Смерть — измена!» Страх витал над площадью.

Злата продиралась через толпу, пытаясь найти Вегу, но это было все равно что искать иголку в стоге сена. Вдруг над площадью раздалось неистовое: «Ведут!», и толпа, как бушующее море, рванулась вперед. Злату повлекло, словно былинку. Она не сопротивлялась и не пыталась идти своей дорогой, потому что нельзя противиться толпе, отравленной злобой. Злату охватил безотчетный страх, она чувствовала, что сейчас должно про-

изойти что-то непоправимое и ужасное. И тут она увидела Вегу. Окровавленную и растерзанную подругу копьями подталкивали к позорному столбу.

«Смерть — измена! Смерть — измена!» — все громче скандировала толпа. Злата отчаянно и яростно кинулась сквозь людской поток. Она должна пробиться к подруге. Здесь какая-то ошибка. Веге не могла стать изменницей. Сделав последний рывок, Злата оказалась в первом ряду. Теперь она увидела, что рядом с Вегой к позорному столбу приковали красивого статного юношу. Кровь и грязь смешались на его лице, но во взгляде не было и тени страха.

На подиум взойшла царица амазонок, и толпа на площади смолкла. Все ждали суда. В звенящей тишине царица обратилась к юноше:

— Как зовут тебя, нечестивец, осмелившийся похитить нашу сестру?

— Альтаир, — вымолвил юноша. — Ваша сестра ни в чем не виновата. Я силой увел ее.

Царица обернула взор на Вегу.

— Я всегда говорила, что ты слишком мягка и добром это не кончится. Но если он принудил тебя уйти, ты можешь искупить свою вину, — процедила она сквозь зубы.

— О великая царица! Альтаир солгал. Он не заставлял меня уйти из города и ни в чем не виноват. Я сама бежала с ним.

По площади пронесся гул удивления, смешанного со страхом.

— Зачем?! — гневно воскликнула царица.

— Я люблю его.

— Не слушайте ее, она обманывает вас. Я заставил ее уйти со мной, — закричал Альтаир, пытаясь сорвать цепи.

— Ты лжешь, но почему? — Царица смерила юношу ледяным взором, полным ненависти.

— Потому что я люблю ее больше жизни, — проговорил Альтаир.

Амазонки молча смотрели на юношу, готового отдать жизнь за их подругу, и в душах воинственных дев боролись противоречивые чувства. Царица поняла: нужно срочно принимать решение, иначе босвой дух амазонок будет сломлен.

— Казнить! Смерть обоим! — точно разъяренный зверь, взревели правительница.

— Стойте! — Злата бесстрашно выбежала к позорному столбу и встала между приговоренными и царицей, словно пытаясь защитить их своим телом. — Прошу вас, будьте милосердны. Отпустите их. Они никому не причинили зла. Они уйдут и больше никогда не вернутся в этот город.

— Казнить! — безжалостно отчеканила царица.

Злата опустила на колени.

— Прошу вас! Ведь пленных можно выкупить. Я готова заплатить за их свободу.

— Тебе нечем платить. Все, что ты имеешь, ты получила от нас,— злобно усмехнулась стоящая рядом Аристея.

Злата встала и подняла высоко над головой руку с обручальным кольцом. Бриллиант вспыхнул в свете факелов искристыми огнями.

— У меня есть кольцо. Я отдам его вам.

Несколько мгновений царица молчала, а потом произнесла:

— Я принимаю твой выкуп. Возвещаю, что ныне, седьмого числа седьмого месяца, я дарую жизнь и свободу Веге и Альтаиру...

— О, благодарю вас! — воскликнула Злата, но царица прервала ее:

— Подожди, я еще не закончила. Их преступление слишком велико, и посему отныне они вечно будут в разлуке. Лишь один раз в год, седьмого июля, им дозволено будет встретиться на небосклоне.

Последнее известие опечалило Злату, но все же влюбленные могли быть счастливы хотя бы раз в году. Злата с легкостью сняла кольцо, будто оно и не держалось на пальце, и тотчас забыла о том, что когда-то любила.

Вегу и Альтаира освободили от оков. Со слезами на глазах Вега бросилась к Злате:

— Спасибо тебе, моя милая сестра.

Злата заговорила, и юная амазонка не узнала своей подруги. Перед ней была не веселая и ласковая девушка, а надменная и холодная гордячка.

— Не стоит благодарности. Мы были дружны, и я должна была помочь тебе выпутаться из этой истории. Зачем тебе это понадобилось? Ради чего ты потеряла все?

— Я люблю его. Тебе ли не знать, что значит любовь! — восторженно воскликнула Вега.

— К счастью, я далека от подобных глупостей. Любовь, страдания, ахи-вздохи — нет, этот бред не для меня,— произнесла Злата ледяным тоном.

Озадаченные Вега и Альтаир удалились, но вскоре они забыли обо всем, кроме своей любви, потому что завтра они должны были разойтись в разные стороны. В те ночи, когда с Земли виден Альтаир, не видно Веги, а когда на небосклоне появляется Вега, уходит Альтаир. И только седьмого июля обе звезды светят вместе, напоминая о своей любви.

Злата повернулась, чтобы уйти к себе в келью, как вдруг путь ей преградила Аристея.

— Великая царица! Эта смертная никогда не станет одной из нас. Она тоже не может оставаться здесь. Пусть уходит вслед за Вегой. Это она оказала дурное влияние на нашу сестру! — воскликнула амазонка.

Амазонки любили Злату, но в словах Аристеи была доля правды. Все ждали, что решит царица, но Злата заговорила прежде. Она ткнула в Аристею пальцем и насмешливо произнесла:

— Ты собираешься изгнать меня? Вот смешно!

Девушка разразилась смехом. Амазонки примолкли, не смея прервать ее. Они думали, что горе лишило бедняжку разума. Нахотавшись, Злата вновь обратилась к Аристее. В ее речи не было и тени безумия.

— Запомни, я уйду и прихожу тогда, когда я этого хочу. И я могу найти для себя место получше, чем ваш смрадный город, засиженный мухами. Я уйду отсюда, но смею заверить, что мне не нужно ни твоего позволения, ни благословения.

Амазонки в суеверном страхе переглянулись. Злату словно подменили. В ее взоре и интонациях была власть, которой могла бы позавидовать и царица амазонок.

— Не сердись на Аристею, она не хотела обидеть тебя. Ты можешь остаться,— милостиво согласилась верховная амазонка.

— Великая царица, вы говорили, что ничто не происходит напрасно, и если я оказалась здесь, значит, это зачем-то нужно. Время идет, но ничто не меняется, и я начинаю думать, что попала в ваш город случайно. А теперь я должна идти дальше, чтобы вернуться на Землю, где меня ждет отец.

Притихшие амазонки понимали, что лишь Злата не заметила произошедшей с ней перемены.

— Иди! — отчеканила царица, словно отдала приказ. Она знала: все, что должно было свершиться, свершилось. Она не имела власти над земной девушкой и не могла ее остановить, но хотела оставить последнее слово за собой, ведь нельзя терять лица перед подданными.

Аристея восхищенно глядела на новую Злату. Такой она нравилась ей куда больше. Амазонка подошла к девушке и заискивающе сказала:

— Мы могли бы стать подругами.

— Я отвыкла от друзей,— надменно бросила Злата, повернулась и пошла прочь.

Глава двадцать пятая ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Рано утром, когда все еще спали, Злата сменила наряд амазонки на прежнее платье и ушла из кельи, в последний месяц служившей ей пристанищем. Восток подернулся голубоватой дымкой, но месяц четко вырисовывался на бледнеющем небосводе. День еще не вступил в свои права, и узкие улочки тонули в полумраке. Двери и окна домов были распахнуты, чтобы впустить утреннюю прохладу перед тем, как начнется новая пытка зно-ем.

Злата без сожаления покидала город. Быстрым шагом она проходила мимо домов подружек, и ни разу ее не потянуло войти в открытую дверь, чтобы проститься перед расставанием. Дружба и привязанность для нее больше не существовали, а слова нежности стали пустой болтовней. Выйдя за городские стены, девушка даже не оглянулась. Город амазонок не принес ей счастья. В душе Златы не было ни боли, ни радости, а только пустота, будто что-то умерло.

Солнце поднялось высоко, когда Злата впервые сделала привал. Возле дороги тянулась апельсиновая роща. Девушка сорвала сочный плод, не спеша очистила его от кожуры и с наслаждением растянулась в тени дерева.

Привлеченные сладким ароматом, прилетели две пчелы. Это были первые живые существа, которых Злата встретила, покинув город амазонок. Девушка отломилась дольку апельсина, положила на траву и стала наблюдать, как пчелы летали над угощением, примеряясь, куда сесть. Их мерное жужжание в знойный день напомнило Злате дом, и девушку с новой силой охватила тоска. Грустные мысли теснились у нее в голове.

— К чему все скитания? Чего я ищу? Я должна вернуться домой к отцу, но почему мне все время кажется, что за этим стоит нечто большее? Почему на душе у меня камень, хотя я не вижу причин для печали? Или причины есть? Как мне обрести покой? — воскликнула Злата и в смущении примолкла. Только теперь она заметила, что говорит с собой вслух.

— З-з-загляни в себя,— прожужжало в ответ.

Брови девушки изумленно поднялись. Неужели это сказали пчелы, или ей почудилось?

— Заглянуть в себя? Но как? — спросила девушка.

На этот раз пчелы не удостоили ее ответом, они сосредоточенно пили сладкий сок.

— Кажется, однажды мне уже предлагали что-то подобное,— вслух размышляла Злата и, немного подумав,

вспомнила: — Верно! Это было в цветущем саду, где стоит Воздушный Замок. Бриз говорил, что это сад моей души.

Как она была счастлива в вешнем саду, откуда началось путешествие! А что, если через него лежит и путь назад? Чем больше Злата размышляла, тем больше в нее вселялась уверенность, что только там она найдет ответы на мучившие ее вопросы. Где, как не в своей душе, она обретет желанный покой?

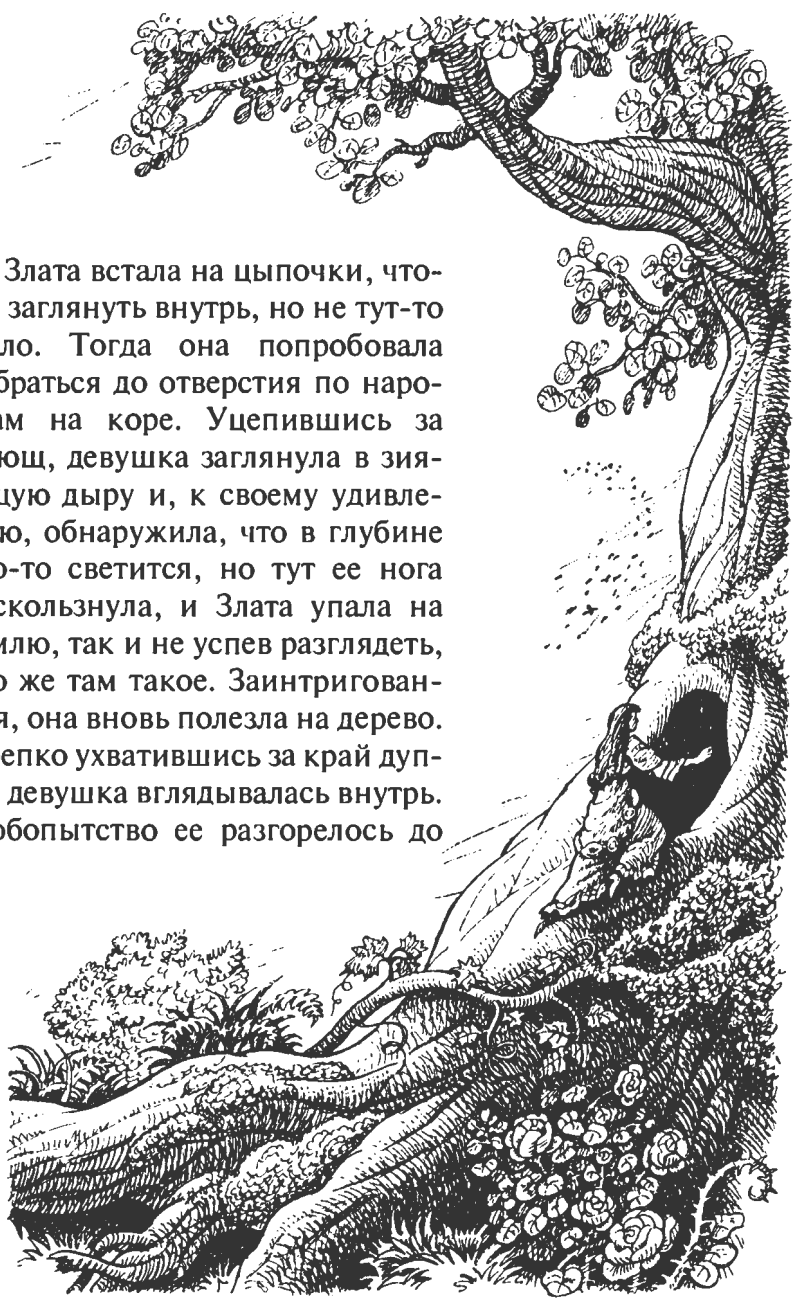
Девушка решительно поднялась, отряхнула юбки и обратилась к пчелам, ведь неспроста же они встретились ей на пути:

— Если можете, укажите мне путь в сад моей души.

Злата не удивилась, когда пчелы оставили ароматную дольку апельсина и полетели, указывая дорогу. Девушка поспешила за крылатыми проводницами. Вскоре пчелы подлетели к исполинскому дереву. Не один век встречало оно весну. Его кряжистый ствол был увит плющом, а узловатые ветви походили на натруженные старческие руки. Злата впервые видела такое древнее дерево. Оно внушало благоговейный трепет и уважение. Девушка изумленно обошла вокруг толстого ствола и остановилась перед дуплом. Пчелы кружились прямо возле него, время от времени ныряя в темноту.

Злата встала на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь, но не тут-то было. Тогда она попробовала добраться до отверстия по наростам на коре. Уцепившись за плющ, девушка заглянула в зияющую дыру и, к своему удивлению, обнаружила, что в глубине что-то светится, но тут ее нога соскользнула, и Злата упала на землю, так и не успев разглядеть, что же там такое. Заинтригованная, она вновь полезла на дерево. Крепко ухватившись за край дупла, девушка вглядывалась внутрь. Любопытство ее разгорелось до

предела. Она решила во что бы то ни стало узнать, что за клад лежит на дне таинственного дупла. Злата подтянулась повыше, свесилась через край и постаралась достать до неведомого сокровища рукой, но не удержалась и, перекувырнувшись через голову, полетела вниз.

Девушка невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, ни дерева, ни дупла не было и в помине. Она сидела на земле, а чуть поодаль перед ней открывался изумительный вид. Объятый цветением сад уходил террасами вверх. Деревья в белой кипени цветов красовались как невесты в подвенечных платьях. А в самом центре сада над кружевными кронами высились остроконечные башни восхитительного замка Мечты, сложенного из мелодий.

Девушку охватила радость, и она со всех ног бросилась туда, где царила вечная весна, в надежде позабыть свои печали и найти причину снедавшей ее грусти. Запыхавшись, Злата забежала под сень деревьев. Белые лепестки посыпались с веток. Они плавно падали, оседая на плечах и волосах. И были они холодными и недолговечными. И таяли они, смешиваясь со слезами, и оставляли влажные бороздки на жарких щеках. Ибо не лепестки, а снежные хлопья укрывали спящие деревья. Весна здесь больше не жила. Снег припорошил землю, и деревья стояли в кружеве, вытканном инеем.

— Бриз, где ты? — тихонько позвала Злата, но ответом ей была звенящая тишина.

Девушка окликнула своего приятеля-ветра погромче, в надежде, что тот услышит и отзовется, но в саду царили холод и одиночество. Злата поспешила к Воздушному Замку. По заснеженным тропинкам она поднималась все выше, пока не очутилась на самой верхней террасе перед входом в Замок.

Грандиозное сооружение выглядело по-прежнему великолепно, но теперь стены его были выложены не из солнечного янтаря, а из холодного лунного камня, го-

рящего изнутри голубоватым светом, окна — наглухо закрыты, а слепые стекла разрисованы морозным узором. Злата подошла к украшенной перламутром двери и взялась за ручку из кованого серебра. Как и прежде, ее пальцы ничего не нащупали, но дверь медленно открылась сама собой. Широкая лестница из белого мрамора уходила ступеньками вверх. Девушка знала, что на самом деле это только кажется, но все же без опаски сделала первый шаг и... едва не упала. Озадаченная, она вновь попыталась взойти по лестнице и вновь потерпела неудачу. Злата изо всех сил старалась воспарить над мраморной лестницей, но, увы, она разучилась летать. Путь в Воздушный Замок Мечты был для нее закрыт. Поняв, что все попытки тщетны, Злата рассерженно отвернулась.

— Ну и пусть! Обойдусь и без пустых выдумок! — выкрикнула она.

И тут она вспомнила, что в саду есть еще одно место, с которым связано что-то очень важное. Тайный грот — именно он даст ответы на многие вопросы! Девушка почувствовала волнение. К сожалению, она запомнила, что видела в гроте в первый раз, но теперь она непременно должна увидеть и вспомнить все.

Торопясь, будто она могла опоздать, Злата направилась в потайной уголок сада. Она нашла его без труда, хотя зима здесь потрудились на славу. Заснеженный грот напоминал мохнатую морду исполинского зверя, из разверзнutoй пасти которого торчали ледяные зубы сталактитов.

По запорошенной снегом тропке Злата подбежала ко входу и начала отбивать сосульки. Работа оказалась не из легких. Пальцы задеревенели от холода, но девушка не отступала, и ее труды были вознаграждены. Одна из гигантских сосулек отломилась и с грохотом упала на землю. Злата попыталась пролезть в образовавшуюся щель и чуть не заплакала с досады. За сосульками вход сковывал лед. Напрасно девушка пыталась продышать

оконце хотя бы с монетку величиной, напрасно колотила кулачками и каблуками. Непроницаемая толща льда хранила тайны лучше замков и запоров. Секрет грота был утерян навсегда.

Глава двадцать шестая ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Зимний сад казался неприветливым и пустынным. Больше Злате незачем было здесь оставаться. Ссутулившись от холода, она побрела прочь. Мороз крепчал. Белые хлопья снега безмолвно и уныло садились на землю, заметая дорожки. В поисках выхода девушка плутала меж деревьев, то и дело проваливаясь в сугробы. Иней лежал на ее густых ресницах, нежные руки посинели от холода, атласные туфельки не хранили тепла, и бедняжке казалось, что она ступает по снегу босиком. Еще недавно Злата надеялась найти здесь избавление от тоски, поселившейся у нее в сердце, а теперь не чаяла, как вырваться из заколдованного места.

Наступали ранние зимние сумерки. С низкого белесого неба по-прежнему валил снег. Злата вымоталась и в бессилии опустилась на землю. Она больше не чувствовала ни боли, ни холода. Видения обступили девушку. Она вспомнила дом и камин, возле которого они сидели с отцом. Жаркие поленья весело потрескивали за чугунной решеткой, а подле огня лежала, свернувшись калачиком, кошка. Посреди комнаты стояла елка, украшенная самодельными флажками и конфетами в ярких обертках. В доме витал свежий запах смолы. Маленькой девчушкой Злата то и дело бегала посмотреть, не принес ли Дед Мороз подарки. Наверно, это и было счастье.

— Э-гей, да ты совсем замерзла,— услышала она незнакомый голос.

Сквозь дрему Злата чувствовала, как кто-то растирает ей руки. Девушка приоткрыла глаза, и сквозь иней, осев-

ший на ее пушистых ресницах, увидела необыкновенного старика с окладистой белой бородой до пояса. Она сразу узнала его. В расшитой звездами шубе, подпоясанной красным кушаком, в шапке, отороченной мехом, живой Дед Мороз был самым удивительным из всех чудес, которые Злате довелось видеть.

— Я сплю? — прошептала она.

— К счастью, нет. Вовремя ты про меня вспомнила, а то, не ровен час, навечно уснула бы,— покачал головой старик.— Ну, ничего. У меня в избе за чайком быстро отогреешься. Ишь как закоченела, тебе самой не дойти. Дай-ка я тебя снесу. Я к тяжестим привычный. Под Новый год каждому ребятенку подарок принести надо. Иной раз с мешком так натаскаешься, кажется, больше не встанешь, ан нет, я хоть и седой, а крепкий,— рассмеялся старик.

Старик подхватил обессилевшую девушку и легко, как пушинку, понес к себе. И хоть он и звался Морозом, от него веяло таким удивительным теплом и спокойствием, что Злата, как маленькая девочка, с благодарностью обхватила старика за шею. Вскоре за деревьями показался огонек. Дед Мороз вышел к маленькой сторожке. Огромная снежная шапка нахлобучилась на крышу, и от этого домишко походил на сугроб. Под карнизом, точно стеклянные гирлянды, висели голубые сосульки. Из слюдяного оконца лился теплый желтый свет.

Старик отряхнул валенки на пороге и вошел в сени, внеся с собой клубы морозного воздуха. Дед Мороз усадил гостью поближе к печи, укрыл ее теплым одеялом и сказал:

— Сейчас чаевничать будем.

Вскоре на столе появился начищенный медный самовар, чашки с блюдцами и нехитрое угощение: румяные калачи да баранки с маком.

— Угощайся, не стесняйся. Вот тебе варенье малиновое, от него любая хворь убежит,— потчевал Злату гостеприимный хозяин.

Злата с жадностью обхватила озябшими пальцами чашку и, отхлебывая горячий чай маленькими глотками, с любопытством разглядывала старика. Дед Мороз будто вернул ее в далекое детство.

— А как ты оказался в моем саду? — спросила Злата.

— Долго объяснять. Считай, что я здешний садовник.— Старик озорно подмигнул.

— Ты — садовник?! — изумленно воскликнула Злата.— А я-то думала, что ты...

Девушка прикусила язык и не закончила фразу. То-то посмеялся бы старик, если б узнал, что она приняла его за Деда Мороза! Воспоминания детства померкли.

Теперь, когда Злата узнала, что перед ней всего-навсего слуга, она по-новому поглядела на старика. Немудрено, что он из кожи вон лезет, чтобы угодить госпоже. Гордячка окинула старика оценивающим взглядом и насмешливо спросила:

— И что, ты справляешься с садом?

Нотки презрения в голосе Златы не ускользнули от хозяина.

— Справиться немудрено. Все одно в нем ничего не растет. Сад-то мертвый и холодный, как твоя душа,— услышала она в ответ жестокие слова.

— Врешь! Он не мертв. После зимы всегда наступает весна,— с горячностью возразила Злата.

Старик лишь покачал головой:

— Нет, голубушка. Бывают места, что вечно льдом скованы. Покуда в твоей душе живет сказка и память о доме, в ней еще есть место для тепла. А как это уйдет, так прощайся с весной навсегда.— Старик, сгорбившись, отвернулся.

Злата почувствовала щемящую тоску. Она с мольбой бросилась к старику:

— Значит, ты в самом деле Дед Мороз! Прости меня, пожалуйста. Я сама не знаю, что говорю. Мне так тяжело и плохо. Я ищу выход и не вижу его. Я пытаюсь ответить на вопросы, но мне кажется, что чем дальше, тем меньше понимаю, что происходит. Словно в моей жизни было что-то важное, что я утратила, и, если не обрету вновь, мне не стоит жить.— Девушка горько заплакала, дав волю слезам.

Старик ласково погладил ее по волосам:

— Полноте. Может, не все так плохо. Я бы с радостью помог тебе, кабы знал как.

За печкой застрекотал сверчок, Дед Мороз прислушался, а потом, хлопнув себя ладонью по лбу, рассмеялся:

— А ведь точно! Как же я сам не догадался! Его высочество говорит, что нам поможет его светлость!

От такой странной тирады Злата даже перестала плакать.

— Это что, придворные? — робко спросила она.

— Нет, придомные. Во дворе больно зябко,— ответил старик и, видя на лице Златы недоумение, объяснил: — Мы в избушке втроем живем. Сверчок над печкой место облюбовал. Больно ему нравится повыше забраться да сверху за всем наблюдать. Вот я и прозвал его высочеством. У его высочества талант редкостный. До того задушевно по вечерам песни распевает, что никаких музыкантов не надо. А его светлость — это светлячок. Он устроился в фонаре, да не в простом, а в волшебном. Стоит его светлости фонарь зажечь, как можно поглядеть, что на земле прежде делалось. Если он твое прошлое покажет, может, ты вспомнишь, ради чего стоит жить.

— Вот славно! — с благодарностью воскликнула Злата.

Слезы тотчас высохли, и она опять улыбалась.

Старик пошарил на печи и достал медный фонарь, внутри которого на маленькой кровати спал светлячок. Дед Мороз постучал ногтем в стекло.

— Ваша светлость, пора просыпаться. Покажи нашей гостье волшебный фонарь.

Светлячок сладко потянулся и открыл глаза. Несколько мгновений он заспанно глядел на Злату, а потом обернулся к старику. Тот без слов понял просьбу его светлости и попросил Злату:

— Нужно, чтобы ты вспомнила что-нибудь из своего прошлого, иначе ничего не получится.

Злата на мгновение задумалась и отчетливо представила себе дом и бакалейную лавку. Тотчас светлячок в фонаре вспыхнул зеленым огоньком. Его крылышки блестели все ярче, пока фонарь не разгорелся ровным светом, а жучок стал совсем незаметен. В стекляшке фонаря замелькали знакомые картины. Злата зачарованно смотрела, как к бакалейной лавке подъезжают повозки и кареты. Как вельможи и кавалеры преклоняют колени перед красавицей бакалейщицей, а она насмешливо отвергает одного за другим.

— О, я помню это! Может быть, ради этого и стоит жить,— воскликнула Злата, захлопав в ладоши, но, подумав, добавила: — Хотя не уверена.

Клубок ее жизни разматывался вспять. От красавицы гордячки отвернулись друзья, но Злата и бровью не повила. Постепенно девушка заметила, как ее двойняшка в фонаре стала дурнеть на глазах. Ее волосы потускнели и стали похожи на прелую солому, плечи ссутулились, на носу выступили безобразные веснушки. Ну конечно, ведь Злата была красивой не с рождения. Она заплатила за необыкновенную красоту кротким и добрым нравом,

превратившись в жестокосердную гордячку. Злата не желала, чтобы ей напоминали о прежней внешности.

— Я не хочу больше смотреть! — отвернувшись, капризно крикнула она.

— Почему? — искренне удивился старик. — Посмотри, с какой искренней преданностью и любовью к тебе относились друзья. Может, ради этого стоит жить?

— Ты что, спятил?! Чтобы я опять стала уродиной! Ни за что!

Злата схватила фонарь и в сердцах бросила его об пол. Тотчас девушку окутала мгла, и она навсегда забыла отчий дом.

Глава двадцать седьмая

ЧАША ВЕСОВ

Сизая мгла спеленала все кругом. Небо и земля смешались в сплошное линялое месиво. Вьюга кружила в сумасшедшей пляске все быстрее и быстрее. Поземка заметала все дороги и пути, и казалось, земля уходит из-под ног. Злату несло, как песчинку. Ветер бесновался, рвал кружевные одежды и толкал в спину, но девушка не чувствовала ни боли, ни усталости, а только смертельную тоску и желание, чтобы все это поскорее закончилось.

Внезапно метель улеглась. Только теперь Злата увидела, что под ногами у нее искрится не снег, а звездная пыль. Небо прояснилось, и на нем засияли необычайно крупные звезды. Казалось, они не настоящие, а вырезаны из фольги и развешаны по небосклону, как елочная мишура. В наступившей тишине Злата слышала стук своего сердца, и звезды пульсировали в такт ударам. Вот одна звезда сорвалась с места и, оставляя за собой огненный хвост, понеслась вниз. За ней полетела вторая, третья... Небосклон, будто молнии, озарили их сияющие шлейфы. Звезды плавно приземлялись подле Златы и превраща-

лись в девушек. Они были похожи, как сестры. Длинные распущенные волосы небесных красавиц искрились звездным огнем. Кожа их была матовой и голубоватой, а по легким одеждам при каждом движении пробегали огненные сполохи. Девушки-звезды обступили Злату, и их голоса зазвенели, словно бубенцы:

— Простись с Землей. Летим с нами. Ты будешь нашей младшей сестрицей. Мы будем заботиться о тебе, сошьем одежды из лунного серебра и вышьем их солнечными лучами.

— Вы — небесные русалки,— поняла Злата.

Девушки презрительно фыркнули и обиженно произнесли:

— Не равняй нас с русалками. Они всего-навсего утопленницы, земная нечисть. Мы — астралии, девы-звезды, и живем в небесах. Не многим смертным дано стать звездой. Хочешь жить с нами?

— Не знаю. Я никогда не слышала про вас,— покачала головой Злата.

Небесные девы стали наперебой рассказывать истории своей жизни, но их голоса слились в сплошной перезвон, так что Злата не поняла ни единого слова. Наконец многоголосый хор смолк, и одна из астралий сказала:

— Теперь ты видишь, что каждая из нас когда-то была невестой, но так и не успела стать женой. Мы ушли на небо прямо от алтаря в день свадьбы, но не жалеем об этом. Мы больше не страдаем и не мучаемся. Мы обрели покой. Хочешь стать одной из нас?

— Не знаю. Может быть,— неуверенно ответила Злата.

— Ну так отрекись от Земли, пойдем с нами, и мы будем вместе сиять на небе, свысока взирая на людские заботы.

Злата направилась за астралиями, но вдруг остановилась и покачала головой:

— Мне очень хочется покоя, но я не могу отречься от Земли. Я должна вернуться. Хотя не могу вспомнить зачем,— растерянно добавила она.

— В воспоминаниях нет покоя, они способны лишь разбередить душу. Если ты хочешь абсолютного душевного равновесия, не ройся в прошлом,— сладкоголосо уговаривали ее звездные девы.

— Нет. Что-то держит меня, словно часть меня осталась там. Я должна понять, что влечет меня на Землю,— решительно отказалась Злата.

— Будь по-твоему. Взвесь все, и ты поймешь, в чем твое счастье,— закивали красавицы.

Астралии расступились. Черный небосвод словно прорвало, и из зияющей дыры полился сноп света. Чуть поодаль от Златы столб света выхватил из тьмы созвездие Весов. Звезды поблекли в голубом луче, и на месте созвездия возникли гигантские весы, наподобие аптекарских.

Одна из дев протянула к весам руки и торжественно произнесла:

— Эти весы нельзя обмануть. Они взвешивают чувства и мысли и помогут тебе сделать выбор. А теперь скажи, хочешь ли ты стать звездой?

— Не знаю,— призналась Злата.

Пустые чаши весов заколебались в поисках равновесия.

— Хочешь забыть боль, страх, переживания?

— Да,— сказала Злата.

Маленькая звездочка, как гирька, упала на правую чашу весов, и она слегка опустилась.

— Хочешь стать повелительницей чувств, а не их рабой? — настойчиво продолжала астралия.

— Хочу,— кивнула Злата.

Правая чаша еще сильнее перетянула левую.

— Так пойдем же с нами! — поманили девушку звездные красавицы.

Но Злата отстранилась:

— Нет, прежде я должна узнать, что так дорого моему сердцу на Земле.

Она обратила взор к весам в ожидании ответа.

Воздух над левой чашей сгустился, и постепенно на ней возникло видение: восхитительная статуя из белого мрамора, а подле нее печальный юноша.

Злата смотрела, и ее охватило странное волнение. Сердце ее радостно затрепетало, а на ресницах заблестели слезы. Она поняла, что с такой силой влекло ее к Земле.

— Я люблю,— едва слышно прошептала девушка и громко добавила: — Я не могу уйти одна.

— Неужто ты любишь?! — удивленно переглянулись астралии.

— Разве можно не любить ее? Как совершенны линии! Сколько жизни в камне, сколько грации и красоты! Странно, но у меня такое чувство, будто она — часть меня. Эта статуя должна быть моей,— как во сне, произнесла Злата, зачарованно глядя на каменное изваяние.

— Вот незадача. Ты влюблена в статую? Но она принадлежит принцу,— возразили астралии.

Взгляд Златы без интереса скользнул по юноше, и она настойчиво произнесла:

— Мне она нужна больше! Я не знаю, кто эта каменная дева, но мое сердце принадлежит ей, будто мы — одно целое. Я не в силах оставить ее!

— Ты можешь получить статую, но за это надо заплатить,— загадочно улыбнулись небесные девы.— Готова ли ты ради этого на все?

— О да! — не колеблясь ответила Злата.

На этот раз заговорила только одна красавица. Голос ее звонко отдавался в наступившей тишине.

— Убери принца с дороги. До тех пор пока он жив, статуя будет принадлежать ему, и ты не освободишься от земных оков.

Злата не заметила, откуда у одной из астралий появился золоченый лук с тонкой тетивой, похожей на паутинку в лунном свете. Она протянула его Злате, и та безотчетно взяла оружие в руки. В руках другой небесной красавицы молнией полохнула огненная стрела, но она не обожгла пальцев Златы.

Девушка поглядела на статую и медленно перевела взор на принца. В душе ее не шевельнулось ни жалости, ни страха перед тем, что она собиралась совершить. Земная жизнь перестала иметь для нее цену. Злата без колебаний подняла лук и хладнокровно прицелилась, направив огненный наконечник стрелы прямо в живую мишень.

Глава двадцать восьмая ВЫСТРЕЛ

Молчаливый собор выглядел торжественно. В рассеянном свете, сочившемся сквозь витражи, тускло поблескивало золотом богатое убранство алтаря. Покрытые искусной лепниной колонны возносились ввысь, поддерживая величественный купол. Возле стен стояли изваяния святых со скорбными одухотворенными ликами. Лишь мраморная статуя девушки перед алтарем выбивалась из общего настроения печали. В едва заметной улыбке и в открытом взоре каменной девы светилась радость, а поза была такой естественной и живой, словно она остановилась только на миг и вот-вот вздохнет и опустит протянутую руку.

Посреди громадного пустынного помещения юноша рядом с безжизненным изваянием казался маленьким и беспомощным. Вот уже много месяцев каждый день принц приходил на свидание со своей возлюбленной, беседовал с ней, будто она могла слышать, поверяя свои мысли и рассказывая о том, что произошло в королевстве. В нем жила отчаянная надежда, что когда-нибудь его

любовь растопит камень, но чудо не происходило. Мраморная красавица оставалась холодна и бездушна.

Солнечные лучи, преломляясь через цветные стекла, разбросали по полу разноцветные пятна. Одно из них, ярко-алое, выплеснулось прямо на изящную руку каменной девы и окрасило ее в красный цвет, будто обагрив кровью. Принцу стало не по себе. Его охватил безотчетный страх, словно сердце сжали ледяные тиски. Он попытался стряхнуть с себя наваждение, но оно накатывало с новой силой. Ему подумалось, что над Златой нависла неведомая опасность и если он не защитит ее сейчас, то потеряет навсегда.

Туго натянутая тетива в ожидании замерла в пальцах Златы, чтобы через миг распрямиться, выпустив на волю огненную стрелу. Девушка целилась хладнокровно и точно.

— Я бы отдал за тебя жизнь, но не знаю, как помочь тебе! — воскликнул принц, вложив в слова весь пыл своей любви.

Юноша порывисто взял протянутую руку статуи в свои ладони.

Стрела была готова сорваться в смертельный полет, когда Злата вдруг ощутила прикосновение к своей руке и очнулась от забытья. Она ужаснулась, что могла убить этого незнакомого юношу. Рука Златы дрогнула, и в этот миг тетива вырвалась из ее пальцев. Необузданная стрела полетела в цель.

Всполох яркой вспышкой озарил все вокруг, ослепив Злату. Ее пронзила резкая, жгучая боль, словно в самое сердце вонзилась огненная стрела. Девушка силилась вздохнуть, но не могла, словно грудь ее сдавливал же-

лезный обруч. Перед глазами все поплыло. Теряя сознание, она с жадностью глотнула воздух. Грудь статуи шевельнулась, и с каменных губ сорвался вздох.

Злата очнулась в пустом соборе. Принц держал ее в объятиях.

— Кажется, мне стало дурно? А где все гости? — слабым голосом прошептала девушка.

— Они разошлись по домам несколько месяцев тому назад, — ответил принц.

Он все еще не верил в свое счастье и крепко прижимал невесту, словно боялся, что стоит отпустить ее, и она снова окаменеет.

— Неужели я так долго не приходила в себя? — ошеломленно спросила Злата. — Ты ведь только что надел мне обручальное кольцо.

Она глянула на руку. Кольца не было.

— Ой, где же оно? — огорчилась Злата.

— Не печалься. Я закажу для тебя новое кольцо. — Принц не решился рассказать девушке о ее загадочном превращении, подумав, что сегодня с нее и так достаточно потрясений.

Весть о чудесном исцелении Златы тотчас облетела королевство. Люди, стосковавшиеся по веселью, ликовали как никогда. Повсюду слышались смех и шутки. Город украсили гирлянды цветов и разноцветные флаги. Столы, накрытые прямо на улицах, ломились от угощений, а площади превратились в танцплощадки. Музыканты играли до глубокой ночи. Вот когда любители поплясать отвели душу!

Между тем принц, как и обещал, вызвал самого искусного ювелира. Старик немедленно явился на зов. Не успел юноша изложить свою просьбу, как мастер сказал:

— Ваше высочество, до меня дошли слухи, что вы собираетесь заказать новое кольцо для принцессы Златы. В этом нет необходимости. Я принес то, что вам нужно. Однажды мне приснилось кольцо удивительной красоты, и с тех пор я потерял покой. Мне хотелось воплотить сновидение в жизнь. Я трудился многие месяцы, прежде чем понял, что достиг цели. Мне кажется, это украшение достойно несравненной принцессы.

Ювелир вручил Злате бархатную коробочку. Девушка открыла крышку и ахнула от изумления. Она в жизни не видела ничего подобного. Перстенок был сделан в виде цветка, усыпанного росой из чистейших бриллиан-

тов. Камни вспыхивали на свету, будто внутри них горел тайный огонь, и от этого цветок был как живой.

При виде бриллиантов принц побледнел и поспешно сказал:

— Нет, никаких бриллиантов! Вставьте в кольцо простую стекляшку, только чтобы она выглядела поприличнее.

Ювелир в молчаливом удивлении посмотрел на принца. Злате очень понравилось украшение, и было жаль расставаться с ним, но она не смела перечить принцу. Девушка вздохнула и смиренно произнесла:

— Ты сердись на меня за то, что я потеряла прежнее кольцо? Что ж, ты прав. Нельзя такой растяпе дарить дорогие вещи.

Она протянула бархатную коробочку ювелиру, но, неожиданно передумав, сказала:

— Я только один разочек примерю его.

Прежде чем принц успел что-либо сделать, Злата надела колечко с бриллиантом на палец. На лице принца выразился такой неопиcуемый ужас, что девушка невольно испугалась.

— О, я не хотела брать его насовсем и не знала, что это так огорчит тебя.— Она поспешно сняла кольцо и положила назад.

У принца вырвался вздох облегчения.

«Почему я внушил себе, что всему причиной был бриллиант в обручальном кольце?» — подумал он, а вслух произнес:

— Я готов подарить тебе все драгоценности на свете, но мне казалось, что ты избегаешь носить бриллианты.

— Вовсе нет,— засмеялась Злата,— просто мы жили небогато, и я не привыкла к дорогим украшениям.

Чары рассеялись, и заклятие гномов потеряло силу.

Принц взял из коробочки кольцо и сам надел его на палец Златы, правда при этом он чуть-чуть помедлил, но девушка ничего не заметила.

Во дворце вновь воцарилось счастье. В честь новой принцессы король устроил грандиозный бал с фейерверком. Только юная герцогиня Агнесса не приняла приглашения. Она была в бешенстве, что бакалейщица вновь стала у нее на дороге.

«Старая ведьма обманула меня, но я ее из-под земли достану и заставлю убрать эту выскочку»,— решила она, засев за книги по черной магии.

В день пиршества Агнессе не сиделось дома. Закутавшись в черный плащ, она медленно проехала мимо королевского дворца в карете с зашторенными окнами. Веселье было в самом разгаре. Повсюду слышались музыка и смех.

— Что ж, веселись, пока можешь,— сжав кулаки, процедила сквозь зубы Агнесса.— Придет время, и ты узнаешь, кто такая Черная герцогиня!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Тамара Крюкова родилась и выросла во Владикавказе. После окончания университета много путешествовала. Провела несколько лет в странах Востока, в частности — Египте. Работала переводчиком, преподавала в институте. Первая повесть-сказка «Тайна людей с двойными лицами» родилась из писем к пятилетнему сыну.

«Мои герои — личности довольно независимые и своенравные, — рассказывает писательница. — Подчас они действуют, как им заблагорассудится, а вовсе не так, как я задумала, и тогда мне приходится прислушиваться к ним и менять сюжет. Но именно это и делает их живыми, и, в общем-то, мы ладим».

Тамара Крюкова — член Союза писателей России, автор книг «Хрустальный ключ» (опубликована в издательстве АРМАДА в серии «Замок чудес»), «Ровно в полночь по картонным часам», «Чудеса не понарошку», «Плутыш, или Ни дня без озорства» (повесть может быть знакома читателям под названием «Агата-не-Кристи»), роман «Костя+Ника=», цикла «Сказки Дремучего леса», «Сказочной азбуки» в стихах.

В настоящее время писательница живет в Москве. Недавно она закончила работу над романом-сказкой «Кубок чародея», который продолжает знакомить с приключениями героев «Гордячки» и «Заклятия гномов».

Оглавление

Часть первая ГОРДЯЧКА

- Глава первая.* Бал на горе Фатум 5
Глава вторая. Радость водится с печалью 12
Глава третья. Никогда! 13
Глава четвертая. Снадобье 18
Глава пятая. Странные перемены 20
Глава шестая. Пирком да за свадьбку 23
Глава седьмая. «Будьте моей королевой!» 27
Глава восьмая. Дальше — меньше 32
Глава девятая. Заманчивое предложение 35
Глава десятая. Ветер странствий 38
Глава одиннадцатая. Впервые на арене! 42
Глава двенадцатая. Бегство 46
Глава тринадцатая. Старая мельница 50
Глава четырнадцатая. Новый плен 51
Глава пятнадцатая. Тщетные попытки 57

- Глава шестнадцатая.* Маленькая хитрость 60
Глава семнадцатая. Неожданная встреча 63
Глава восемнадцатая. Прощание с прошлым 68
Глава девятнадцатая. Ведунья из Лисьей Норы 71
Глава двадцатая. Королева гномов 74
Глава двадцать первая. Лисья Нора 77
Глава двадцать вторая. Алмазная штольня 80
Глава двадцать третья. Дриады — души деревьев 84
Глава двадцать четвертая. Шарманщик 88
Глава двадцать пятая. Ярмарка 91
Глава двадцать шестая. Кукла 97
Глава двадцать седьмая. Полет 100
Глава двадцать восьмая. Козырной туз 102
Глава двадцать девятая. Из огня да в полымя 105
Глава тридцатая. Коргоруша 108
Глава тридцать первая. Васятка 112
Глава тридцать вторая. Разрешите доложить! 118
Глава тридцать третья. Крушение надежд 120
Глава тридцать четвертая. Пыль у ног 122

Часть вторая

ЗАКЛЯТИЕ ГНОМОВ

- Глава первая.* Сгуститесь, тучи колдовства 129
Глава вторая. Черная герцогиня 131
Глава третья. Гадание 134
Глава четвертая. Сговор 138
Глава пятая. Венчание 140
Глава шестая. Выбор 144
Глава седьмая. Летописец 148
Глава восьмая. Воздушный замок 152

Глава девятая.	Эолова арфа	158
Глава десятая.	Пленники сладких грез	161
Глава одиннадцатая.	Тайный грот	163
Глава двенадцатая.	Караван	168
Глава тринадцатая.	Звездный шейх	171
Глава четырнадцатая.	Кентавр	176
Глава пятнадцатая.	Праматерь Туча	180
Глава шестнадцатая.	Исполнение желаний	183
Глава семнадцатая.	Ложь	187
Глава восемнадцатая.	Ревность	191
Глава девятнадцатая.	Созвездие Гончих Псов	195
Глава двадцатая.	Оракул	202
Глава двадцать первая.	И все канет в Лету	206
Глава двадцать вторая.	Девы-воительницы	210
Глава двадцать третья.	Посвящение в амазонки	215
Глава двадцать четвертая.	Изгнание	218
Глава двадцать пятая.	Возвращение на круги своя	224
Глава двадцать шестая.	Волшебный фонарь	230
Глава двадцать седьмая.	Чаша весов	236
Глава двадцать восьмая.	Выстрел	240
	Коротко об авторе	246

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Крошитайтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

- Крюкова Т.**
К 85 **Заклятие гномов: Сказочная повесть/ Худож. А. И. Ку-**
 кушкин.— М.: АРМАДА, 1998.— 249 с.: ил.— (Замок чудес).
 ISBN 5-7632-0640-1

Это настоящая волшебная сказка, написанная в лучших традициях Ш. Перро или братьев Гримм. В ней есть все: любовь и приключения, превращения и магия, гномы и великаны, феи и колдуньи. Прекрасная героиня, получившая вместе с красотой непомерную гордыню по заклятию могла избавиться от нее, только пройдя дорогой невероятных унижений, став пылью под ногами других. И тысячу раз готова была она умереть от стыда, и тысячу раз теряла надежду, и, наверное, отказалась бы от борьбы, если бы не одно желание — вновь встретиться с возлюбленным, принцем, которого она когда-то незаслуженно обидела.

УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Для младшего и среднего школьного возраста

Замок чудес

ТАМАРА КРЮКОВА ЗАКЛЯТИЕ ГНОМОВ

Сказочная повесть

Ответственный редактор
К. А. Залесов

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,69. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 2138. Заказ № 7831.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Дмитрий Емец

КОМПЬЮТЕР ЗВЕЗДНОЙ ИМПЕРИИ

Участниками удивительных приключений стали трое семиклассников одной из московских школ.

А началась эта история с того, что Ира Матвеева приобрела компьютер. Но машина оказалась странной: в ней была заложена программа уничтожения Земли, которую невозможно остановить! Ира со своим другом-одноклассником Костей пытается предотвратить катастрофу. Совершив грандиозное путешествие во времени, ребята попадают в 1997 год до нашей эры во владения жестокого Черного Императора. Разгадав план смельчаков, всемогущий Император посылает против них киборгов, роботов-червей, собак-ликвидаторов и прочую нечисть. У Императора появляется и неожиданный помощник — Федька Волков, одноклассник Иры и Кости, который решил поиграть на Ирином компьютере и угодил в западню: по воле бездушной машины он становится Координатором шпионской сети коварного злодея. История принимает серьезный оборот...

ЗАМОК ЧУДЕС

ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ФАНТАСТИКИ И СКАЗОЧНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вскоре вы станете свидетелями головокружительной истории, героям которой – вашим сверстникам – предстоит совершить необыкновенные путешествия в фантастическую страну, которую не отыщешь ни на одной карте мира. В этой стране, полной тайн и загадок, живут добрые и злые волшебники, феи и колдуньи, принцессы и рыцари, сказочные существа и призраки, а также тролли, гоблины и эльфы, там происходят самые невероятные события, о которых вам расскажут семь книг нового сериала

Дмитрия СУСЛИНА

СТРАНА ОСТАНОВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ

- РЫЦАРЬ КАТЕРИНО •
- ПРИНЦ БЕЛОЙ БАШНИ •
- КРИСТИАН ТРИНАДЦАТЫЙ •
- ПАЖ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ •
- ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОБЛИНОВ •
- НАСЛЕДСТВО ЧАРОДЕЯ •
- ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА •

В первой книге сериала – «Рыцарь Катерино» – одиннадцатилетняя школьница Катя отправляется в Страну Остановленного времени на поиски младшего брата Жени, на которого наложены чары злого волшебника. Путешествуя по волшебной стране под именем рыцаря Катерино, она встречает Криса – сына благородного рыцаря, вместе с которым совершает множество героических поступков. Наконец юные путешественники добиваются до столицы государства, где в Белой башне живет злой и жестокий Повелитель и его преемник – принц Евгений...

Всем, кто любит сказки и фантастические истории!

★ ★ ★ **ПРЕДЛАГАЕМ** ★ ★ ★
★ ★ ★ участвовать в конкурсе ★ ★ ★
КРОССВОРДОВ

**«Замок чудес»
приглашает всех желающих принять участие
в увлекательном конкурсе!**

Первые из вас, кто разгадает кроссворд и пришлет правильные ответы, получают призы от «Замка чудес» — книги с автографами писателей. Разгадывая кроссворд, вы вновь встретитесь с персонажами сказочной повести «Заклятие гномов», а также с хорошо известными и любимыми героями произведений отечественных и зарубежных авторов.

Присылайте в редакцию также свои рисунки и кроссворды, составленные по книгам серии «Замок чудес». Авторы лучших из них также ждут призы. Кроме того, наиболее интересные кроссворды будут опубликованы в следующих книгах серии.

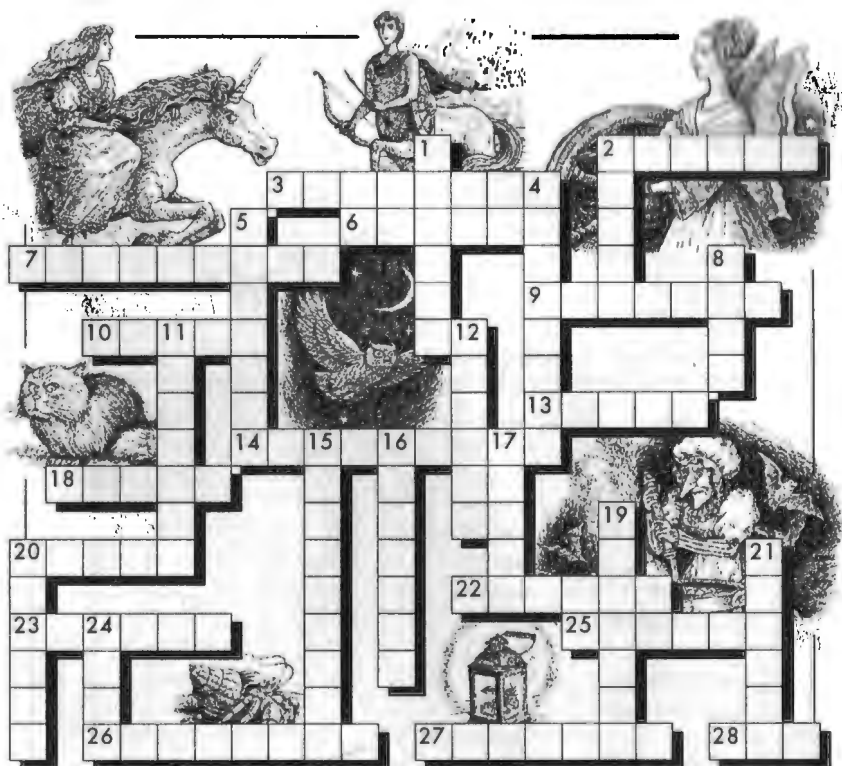
Ребята!

**Очень просим вас не портить
книгу и отправлять свои ответы
на отдельных листах.
Читатели, приславшие страницы,
вырванные из книги, не будут
участвовать в конкурсе!**

Мы ждем ваших писем по адресу:
125499, Москва,
Кронштадтский бул., д.37б,
издательство АРМАДА,
с пометкой «Кроссворд»

По горизонтали: 2. Волшебный предмет, позволяющий увидеть прошлое. 3. Белый волшебный скакун. 6. Выкуп, полученный царицей амазонок за жизнь Веги и Альтаира. 7. Должность человека, доставившего Злату во дворец к принцу. 9. Крошечное лохматое существо в доме Фартинга. 10. Имя невидимого проводника воздушного замка. 13. Помещение, в котором Злата жила у амазонок. 14. Имя домового. 18. Этот предмет помог Злате забыть свое прошлое. 20. Совершенство, сотворенное богами. 22. Что фея Злыдня потребовала от принца, чтобы вернуть Злате красоту? 23. Дорога, по которой Злата попала в воздушный замок. 25. Предсказатель будущего. 26. Кто такая Аристея? 27. Что дарила людям Злата по предсказанию королевы Дриад? 28. Кто был отшельником?

По вертикали: 1. Что утолило голод Златы на пастбище у великана? 2. Название горы, на которой феи устраивали бал. 4. Прозвище, которое получила Злата. 5. «Придомный» житель у Деда Мороза. 8. Имя крестной Златы. 11. Как звали фею счастья и удачи? 12. Бумажная птица, на которой был совершен безумный полет. 15. Занятие пройдохи Фартинга. 16. Вещь, доставшаяся Злате по наследству от обезьянки Жакони. 17. Человек, бесчестный в карточной игре (таким человеком был Граф). 19. В лесу выросла, из леса вынесли, на руках плачет, кто слушает — скачет. 20. Когтистый враг Златы. 21. Часть тела, которую Злата должна была потерять и при этом с ней же и остаться. 24. Плата за снятие заклятия гномов.

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ»: Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня»	тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84	тел. 976-75-09
ул. Абельмановская, д.17а (кинотеатр «Победа»), магазин «Книги»	тел. 270-20-32
проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона	тел. 280-24-06

WWW.FOXHILL.CO.UK
00569829

ЗАМОС
КВОРЕЦ
КИЙ ИЗДА
ТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ТАМАРА КРЮКОВА

ISBN 5-7632-0640-1

